

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 0201–7385
ISSN 2074–6636

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

Основан
в 1946 году

Вестник Московского университета

ISSN 0201–7385. ISSN 2074–6636
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2016. № 2. С. 1–128.

Серия 22

теория перевода

2/2016

Корректор *А. В. Игумнов*
Компьютерная верстка *Ю. В. Одинцовой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150.
Тел.: 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 26.09.2016. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 7,2. Тираж 145 экз. Изд. № 10 646. Заказ № .

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupublishing.ru

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 2 • 2016 • АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

Катаев А.О. Адекватные основания смыслового критерия эквивалентности. 3

Методология перевода

Васина Е.А. Ритмика политического текста на китайском языке в зеркале синхронного перевода 16

Кошкин Р.К. Сравнительный анализ квантитативной динамики англо-русского и русско-английского синхронного перевода. 28

Шебаршина Д. Ю. Синхронный перевод как герменевтическая аномалия 44

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

Кульпина В.Г., Татаринов В.А. О концепт-образующих функциях звуковых и цвето-световых номинаций в военной поэзии и прозе . . . 52

Вопросы терминологии

Балканов И.В. Типология военных переводных словарей. 77

Бойко Б.Л. Военная лексика в оригинале и переводе (на материале романа Э.М. Ремарка «Возвращение») 88

Ким Ире. О генетическом происхождении структурных элементов южнокорейских строительных терминов 100

Хроника научной жизни

Гарбовский Н.К. Роль современных информационных технологий в повышении качества перевода и развитии эффективных коммуникаций. Круглый стол в Президентской библиотеке имени Б.Н. Ельцина 114

Костикова О.И. Обеспечение равноправного образования через межкультурную коммуникацию: роль негосударственных структур. . . 120

Contents

General Translation Theory

Katayev, A.O. Adequate Bases for Semantic Criterion of Equivalence 3

Translation Methodology

Vasina, Ye.A. Rhythmical Structures of Chinese Political Discourse in Simultaneous Interpreting 16

Koshkin, R.K. Comparative Analysis of Quantitative Dynamics of English-Russian and Russian-English Simultaneous Interpreting. 28

Shebarshina, D.Yu. Simultaneous Interpreting as a Hermeneutic Anomaly . . . 44

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

Kulpina, V.G., Tatarinov, V.A. The functions of Sound, Color and Light Nominations in the Concept Creating in World War II Poetry and Prose . . 52

Terminology

Balkanov, I.V. Typology of Bilingual Military Dictionaries 77

Boiko, B.L. Translating Military Terms: A Case Study of the Russian Translation of *The Road Back* by Erich M. Remarque 88

Kim Yirye. On Genetic Origin of Structural Elements of South Korean Construction Terms. 100

Chronicles of Scientific Life

Garbovsky, N.K. The Role of Modern Information Technologies in Raising Translation Quality and Developing Efficient Communication 114

Kostikova, O.I. Educational Equity through Intercultural Communication: Role and Responsibility for Non-State Actors 120

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

А.О. Катаев,

адъюнкт, соискатель учёной степени кандидата филологических наук, Военный университет Министерства обороны РФ;
e-mail: kataev_1991@mail.ru

АДЕКВАТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СМЫСЛОВОГО КРИТЕРИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

В статье проводится анализ категории адекватности как смыслового критерия выбора эквивалентов в переводе, предпринимается попытка рассмотреть категорию адекватности в рамках системного и смыслового подходов, а также в условиях реальной практики перевода, определяется роль переводческих трансформаций как способ достижения адекватного и эквивалентного перевода.

Ключевые слова: перевод, адекватность, эквивалентность, смысл, содержание, смысловые критерии.

Aleksey O. Katayev,

Adjunct, Cand. Sc. (Philology) Degree Applicant, Military University of the Russian Federation Defense Ministry, Moscow, Russia;
e-mail: kataev_1991@mail.ru

ADEQUATE BASES FOR SEMANTIC CRITERION OF EQUIVALENCE

This article is an analysis of the category of adequacy considered as a sense criterion of selection of equivalents in translation. An attempt is made to study the categories within systemic and sense approaches as well as translation practice. Translation transformations are described as a way of reaching adequacy and equivalence in translation.

Key words: translation, adequacy, equivalence, meaning, content, criteria.

В переводе, как и в любой иной сфере деятельности, где результаты работы требуют определённой оценки, как на этапе его выполнения, так и в процессе проверки качества результата, принято обращаться к соответствующим нормативным характеристикам, требованиям, критериям.

Таковыми являются категории адекватности и эквивалентности. Непременным условием выполнения перевода остаётся передача смыслового содержания оригинала. Рассмотрение этой проблемы в плоскости релятивистских теорий в лингвистике [Швейцер, 1988; Блох, 2003; Гарбовский, 2004; Виноградов, 2004; Хухуни, Валуццева, 2003; Войскобойник, 2004; Мусина, 2008; Новикова, 2008 и др.]

обусловливает актуальность исследования, заключающуюся в необходимости использования категории адекватности как смыслового критерия эквивалентности в переводе.

Категории адекватности и эквивалентности проходили определённые этапы своего терминологического развития, когда их рядоположенность исключалась и доказывалась всеобъемлющая важность одной и избыточность другой. Вне зависимости от отношения категорий адекватности и эквивалентности друг к другу требуется уяснение смыслового наполнения этих базовых понятий в переводоведении. Рассмотрение названных категорий перевода происходит в рамках двух подходов: системного и смыслового.

При системном подходе к переводу адекватность отсылает нас «к тем свойствам перевода, которые проявляются в его взаимодействии с окружающей средой» [Гарбовский, 2007, с. 289]. Одним из основоположников данного направления является Ю.В. Ванников. В основу положена превалирующая роль адекватности над категорией эквивалентности, которая оказывается исключённой из оценочных характеристик текстов оригинала и перевода. В таком понимании вопроса адекватность делится на семантико-стилистическую, подразумевающую семантическую и стилистическую эквивалентность языковых единиц, функциональную, основывающуюся на соответствии коммуникативных намерений участников общения, дезидеративную, ориентированную на запросы получателя и отправителя сообщения, и волюнтаристическую, при которой активно проявляется коммуникативная установка переводчика [Ванников, 1988, с. 34–38]. Предлагается обобщённая трактовка перевода, когда подобная реализация подхода к оценке качества перевода может считаться приемлемой в условиях анализа реально выполняемых переводов. В этом случае стремление к улучшению качества перевода через максимально полное перевыражение всей системы смыслов, заключённой в тексте оригинального речевого произведения, исключается. «По сути, функционально допустимыми оказываются любые формы межязыкового посредничества независимо от того, насколько эквивалентен текст, порождённый в процессах таких операций, тексту перевода» [Гарбовский, 2007, с. 291]. Такой подход уводит исследователя от собственно перевода в сторону пересказа и других более вольных в плане точности передачи информации способов межкультурной коммуникации. Прослеживается ориентированность на коммуникативные установки участников коммуникации в большей степени, чем на собственно речевые произведения. «С таким расширенным пониманием перевода трудно полностью согласиться» [там же].

Поэтому далее мы будем ориентироваться на так называемый смысловой подход к проблеме адекватности, фокусирующийся на текстах сообщений на исходном языке и языке перевода, то есть на «системе смыслов в словесном обличи» [там же].

В рамках смыслового подхода ни одна из категорий не поглощает другую. Они оказываются сопряжёнными и влияют друг на друга. Мы разделяем позицию современных учёных в плане разграничения адекватности и эквивалентности в их связи с планами выражения и содержания языкового знака. Критерий адекватности отражает соответствие текста оригинала тексту перевода на содержательном уровне. Используя критерий адекватности, исследователь, анализирующий текст перевода, может дать ответ на вопрос, правильно ли был понят переводчиком исходный текст. В свою очередь, критерий эквивалентности отвечает за решение формальной задачи перевода — проверку соответствия выбранного варианта перевода оригиналу [Иванов, 2001, с. 10]. За адекватностью стоит содержательная, а за эквивалентностью формальная сторона перевода. Формальное решение проблемы эквивалентности ведёт к нарушению границ адекватности. Именно поэтому адекватность считается безусловной категорией перевода, так как по сути всё в переводе делается ради содержания. В свою очередь, эквивалентность выступает условной категорией. Она подразумевает наличие всевозможных вариантов перевода, но (в этом и состоит условность) — варианты будут приемлемыми, если останутся в рамках адекватного поля исходного сообщения. Адекватность, таким образом, ведёт к инвариантности перевода (понимание текста единственно), эквивалентность — к варианту перевода (вариантов перевода текста может быть достаточно много).

Такая постановка вопроса требует различения понятий «смысл» и «значение». Г. Фреге при объяснении данных понятий противопоставляет одно другому и отказывается от их тождественности. Он устанавливает соотношение между языковым знаком, смыслом и значением, где знаку соответствует определённый смысл, а смыслу, в свою очередь, — определённое значение, в то время как одному значению (одному предмету) соответствует не только один знак. При условии понимания смысла знака, значение знака раскрывает лишь одну из его граней [Фреге, 2000, с. 231–246]. Иными словами, значение уже смысла. Суть рассмотрения понятий «смысл» и «значение» сводится к тому, что у слова есть способность накапливать и заключать в себе разнообразную информацию, не связанную только с заключённым в нем значением. Отсюда, смысл раскрывается как более широкое понятие, а значение как его частный случай. Такова философская трактовка данной корреляции. Однако

в рамках лингвистики целесообразнее оказывается противоположная точка зрения, сводящаяся к превосходству значения над смыслом. Это обусловлено тем, что в переводе производятся операции не со всем «смысловым багажом» слова, а с его конкретным, контекстуальным, узкоспециальным значением. При этом смысл несёт на себе функцию детализации значения. Поэтому основная проблема перевода в данном случае охватывает ту область, где происходит замена референтов. Это значит, что меняется способ обозначения реальности ради сохранения смысла.

Подобная интерпретация направлена на поиск способа выбора значения слова и наполнения его заданным смыслом. Этот процесс получил название референция. Референция рассматривается «как некоторое смысловое “притяжение” знака к объекту», которое заканчивается именованием последнего [Иванов, 2002, с. 64]. Вместе с этим адекватность обусловлена правильной передачей смысла сообщения, эквивалентность — выбором из всего множества значений того, которое подходит по смыслу. Содержательным основанием выбора переводческого эквивалента становится внутренняя (смысловая) форма содержания.

Через адекватность как смысловой критерий определяется не просто правильная передача смыслового содержания, но и процесс ей предшествующий — процесс референции. На первый план выдвигаются правильность референции к объекту, событию или явлению и выбор адекватного значения, иначе говоря, именование объекта и включение получившего имя объекта бытия в смысловой поток сообщения.

Когнитивная функция смысла указывает на его референциальность, то есть на то, что он играет роль средства референции [Падучева, 1985, с. 36; Иванов, 2002, с. 258]. Анализ фактов перевода также показывает, что смысл специализирует референцию: усиливает или ослабляет её, делает её более конкретной или более абстрактной, более или менее экспрессивно, эмоционально, культурно, коммуникативно или образно значимой. Смысл делает референцию живым актом понимания мира в языковом знаке. Смысл — такая же фактическая часть референции, как и собственно объективное представление, предметная сторона референции и её смысловая сторона. Сохраняя смысл в переводе, мы объективно сохраняем предварительно заданные в ИТ исходные параметры референции. Мы должны узнать именуемый объект не просто как таковой, но и по смыслу. Смысл помогает объективному узнаванию в переводе, что мы и пытались показать при рассмотрении значимых фактов предметно-тематических и ситуационных пресуппозитивных ассоциаций в переводе.

Смысл выступает как средство развития предметного содержания в речи. Референция представляет собой процесс обозначения. При отсутствии обозначения нет знака. Чтобы выразить смысл, нужно обозначить тот предмет или явление, которое он выражает. Знак в референциальной функции именуется объектом. Именуя объект, он содержит отношение к этому объекту, и там уже возникает смысловая сторона. Референцию нельзя рассматривать отвлечённо. Референция это основа знака. Знак существует для того, чтобы что-то обозначать. Смысл интерпретирует значение. Чтобы сохранить смысл, мы берём другие номинанты, другие слова, другие референты, но следим за тем, чтобы не было смыслового искажения.

Положив в основу анализа перевода референциальный подход и экстраполировав его на категории адекватности и эквивалентности, мы приходим к пониманию их относительного разграничения, где эквивалентность характеризуется как аспект структурной близости ПТ к ИТ, в то время как адекватность трактуется как аспект межкультурной адаптации. Возникает противопоставление, приводящее к тому, что большее отклонение в сторону факторов культурной адаптации уменьшает значение признаков лингвистической адаптации и, соответственно, наоборот, лингвистическая адаптация отодвигает на задний план культурные факторы перевода [Хухуни, Валуйцева, 2003, с. 49].

Культурный фактор перевода в его реферативном понимании играет роль критерия правильной номинации, что подразумевает восприятие текста оригинала переводчиком посредством идентификации актуализированных в нём знаний о ситуациях-прототипах, являющихся референтным пространством оригинала.

Реальная практика перевода далека от идеального процесса протекания двуязычной опосредованной коммуникации. Реальный перевод зачастую пестрит искажениями, уходами от подлинника и т.п. Соответствие текста перевода оригиналу, его верность обнаруживают свою условность, «определение *верный* к переводу оказывается прекрасной метафорой» [Гарбовский, 2007, с. 286–287]. Теория перевода в истории своего развития преодолела такие «расплывчатые» в терминологическом отношении понятия, как точность и верность.

Ошибки в переводе связаны в своей подавляющей массе с неправильным пониманием содержания исходного текста. Это свидетельствует о том, что текст перевода не соответствует оригиналу по критерию адекватности. Причина неверного выбора эквивалента перевода (уровень эквивалентности перевода) кроется в ложном (неадекватном) понимании исходного текста. Понимание текста оказывается искажённым. Из этого следует, что вопрос эквива-

лентности перевода — это вопрос «инструментальный», вопрос выбора подходящего эквивалента. Крайне важно понимать, каким критериям отвечает этот выбор и на чём основан процесс понимания, в частности на распознавании значений отдельных слов, словосочетаний и, как следствие, смысла целого текста.

Проблема кроется в выборе правильного значения слова в исходном языке. Например, возьмём слово *das Rohr*. Оно многозначно. Это и *труба*, и *ствол*, и *трубопровод*, и *подлочная кость*, и *катодное реле* и т.д. — большое количество значений, зачастую никак не связанных друг с другом. Однако в определённом тексте данное слово получает своё более конкретное — контекстуальное значение. В конкретном тексте оно обретает тот смысл, который позволит переводчику подобрать вариант перевода, отвечающий требованиям контекста.

Если контекстуальное значение слова или словосочетания найдено, то сообщение понято правильно, что обуславливает «двухвариантность» категории адекватности: адекватно понимание или нет. Вот почему адекватность более устойчива в сравнении с динамичностью эквивалентности. Уже понятый текст может интерпретироваться: могут подбираться синонимы, выполняться переводческие трансформации. Главное — сверять после каждого выполненного преобразования соответствие найденного эквивалента в тексте перевода определённому элементу исходного текста по смысловому критерию адекватности.

Выполнение перевода без учёта обеих категорий ведёт к исключительно формальному «перекодированию» — замене формы формой. Подобные замены на формальном уровне имеют место, но они должны отвечать определённым критериям, главный из которых, на наш взгляд, — критерий адекватности выполнения таких замен. Проиллюстрируем это на примере:

Оригинал: *Ein wesentliches, neues Organisationselement ist die Streitkräftebasis (SKB)*¹.

Перевод: *Существенным новым структурным элементом вооружённых сил стал базис (Streitkräftebasis SKB)*² (перевод Л.Е. Мартиашвили).

Обращает на себя внимание формальный подход к переводу анализируемого предложения. Перевод лишён адекватного восприятия информации, переданной в исходном сообщении. Ключевым элементом, смысловым ядром сообщения выступает термин *Streit-*

¹ *Hans-Heinrich Dieter*. Die Streitkräftebasis. Zukunftsorientierter Service für die Streitkräfte. Soldat und Technik. S. 19.

² *Мартиашвили Л.Е.* Базис Вооружённых сил. НИГ ОНИ Военного университета. 1 с.

kräftebasis. Происходит буквальное копирование элементов языковой формы исходного высказывания, что связано с отсутствием у переводчика достаточных фоновых знаний. Буквальный перевод явно не отвечает требованию адекватности. Разберёмся в понятиях и терминах. Предлагаемый вариант перевода «*базис*», представленный как новый структурный элемент вооружённых сил Германии, не может быть принят. Причина тому — несоответствие действительности. Такой организационной структуры как «*базис*» в бундесвере нет. Термин *Streitkräftebasis* означает *объединённые силы обеспечения бундесвера*. Предлагаемый нами вариант видится нам предпочтительным. Переводчик, сконцентрировав своё внимание на существительном, образованном путём словосложения (явление достаточно частое для немецкого языка), буквально перевёл данный термин, а чтобы избежать повтора, оставил в переводе только часть сложного слова — *basis*, означающую *базис; база; основание; фундамент; основа*. Однако, такой перевод сужает смысловое содержание термина *Streitkräftebasis*, с помощью которого обозначается система воинских формирований и штабов, выполняющая функции централизованного обеспечения вооружённых сил Германии. Мы предлагаем следующий вариант перевода:

Существенным новым структурным элементом вооружённых сил стали объединённые силы обеспечения бундесвера (перевод наш. — А.К.).

Буквальное копирование языковых форм исходных сообщений на языке перевода — *basis* → *базис* — приводит к нарушению смыслового содержания. Формальное решение проблемы эквивалентности ведёт к нарушению адекватности. Перевод не может претендовать на точность и соответствие реалиям оригинала. Итак, мы рассмотрели пример буквального перевода, когда переводчик ориентирован преимущественно на замену языковой формы оригинала аналогичной языковой формой в тексте перевода без обращения к «затекстовой» реальности. К буквальному переводу переводчик приходит и тогда, когда он руководствуется денотативным значением слов, подлежащих переводу, и не поднимается над словом как единицей текста. Сочетаемость слов и изменение их значений при этом не принимаются во внимание. Переводчик, нарушая нормативные и сочетаемостные требования языка перевода, копирует синтаксическую структуру предложения, ориентируясь на денотат, т.е. переводит дословно. В таких переводах зачастую выбирается первый попавшийся эквивалент.

Оригинал: *Jede der Divisionen führt mechanisierte Brigaden, die Träger des Gefechts der Verbundenen Waffen bleiben werden*³.

³ WTR Ausrüstung Heer, 2002, № 1, Karl Heinz Quast, Der Weg des Heeres in die Zukunft. S. 12.

Перевод: *Каждая из дивизий осуществляет руководство механизированными бригадами, которые будут участвовать в сражениях вооружённых сил союзников*⁴ (перевод Л.Е. Мартиашвилли).

Приведённый пример демонстрирует, как буквальный перевод искажает содержание исходного текста и представляется неудовлетворительным по критерию адекватности. Буквальные замены формы исходного текста в тексте перевода, копирование его грамматической и лексической структур ведут к неясности содержания текста на русском языке.

Проведём поэтапный анализ допущенных ошибок и попытаемся их исправить. *Jede der Divisionen führt mechanisierte Brigaden* — данному элементу исходного текста соответствует часть *каждая из дивизий осуществляет руководство механизированными бригадами*. Очевидно, что проблема заключается в неверном выборе эквивалента к глаголу *führen*. Он переведён без учёта смыслового критерия адекватности: *осуществлять руководство*. Кроме того, выбранный эквивалент является канцеляризмом, что также негативно сказывается на качестве перевода. Глагол *führen* означает *приводить; отводить; выводить; вводить; доводить; направлять; руководить; управлять (чем-л.); командовать; возглавлять; предводительствовать; двигать (чем-л.); прокладывать (коммуникацию); возить; перевозить; иметь при себе (что-л.); носить при себе (что-л.); обладать (чем-л.);* и т.д. Выбранный эквивалент перевода *осуществлять руководство* относится к смысловому полю немецкого слова *führen*. Однако его использование в данном контексте кажется недопустимым в связи с нарушением стилистических норм русского языка. Требуется антонимический перевод данного термина с использованием переводческой трансформации компенсации. Используемый глагол в исходном предложении мы трансформируем в существительное. Тогда всё становится на свои места: *Jede der Divisionen führt mechanisierte Brigaden* — *В подчинении каждой из дивизий находятся механизированные бригады*.

Перевод придаточного определительного предложения также заслуживает внимания: *...mechanisierte Brigaden, die Trägerdes Gefechts der Verbundenen Waffen bleiben werden* — *механизированными бригадами, которые будут участвовать в сражениях вооружённых сил союзников*. Отметим буквализм в переводе военного термина *Gefechtder Verbundenen Waffen*. В оригинале речь идёт не о *сражении вооружённых сил союзников*, а о том виде боевых действий различных родов войск, который имеет наименование *общевойсковой бой*. Бук-

⁴ *Мартиашвилли Л.Е.* Путь сухопутных войск в будущее. НИГ ОНИ Военного университета. С. 15.

вальный перевод оказывается здесь неприемлемым и искажающим смысл. Словосочетание *Trägerdes Gefechts* означает не просто *участвовать в бою*. Механизированные бригады не просто *участвуют в бою*, они *играют в бою основную роль*. Таким образом, мы пытаемся освободиться от буквальности в переводе и предлагаем наш вариант:

Перевод: *В подчинении каждой из дивизий находятся механизированные бригады, которые играют основную роль в общевойсковом бою* (перевод наш. — А.К.).

При дальнейшем осмыслении словосочетания *Trägerdes Gefechts* может быть предложен иной вариант перевода, удовлетворительный с точки зрения категорий адекватности и эквивалентности:

В подчинении каждой из дивизий находятся механизированные бригады, которые выполняют основные задачи в общевойсковом бою (перевод наш. — А.К.).

Другой крайностью перевода является вольный перевод. Отметим, что при вольном переводе текст может быть понят адекватно, но слишком большая свобода (вольность) в выборе эквивалентов приводит к значительному удалению от смысла текста оригинала. Эквиваленты в переводе оказываются вынесенными за пределы смыслового содержания исходного текста, что следует из общего понимания вольного перевода, подразумевающего значительную степень удалённости текста перевода от оригинала. Это происходит во многом неоправданно, особенно когда переводчик домысливает, даёт развитие ситуации в своём представлении там, где подобного можно было бы избежать, если выражать смысл исходного текста конкретными языковыми средствами. Или наоборот — происходит излишне упрощённая передача смысла исходного текста в отрыве от деталей его содержания. Это случаи искажающего вольного перевода. Однако достаточно и иного решения задачи вольного перевода, когда переводчик предлагает общее смысловое понимание описываемого явления или процесса, соответствующее действительности, но не достаточно оправданное.

Оригинал: *Es (Flugzeug) ist in einem engen Verbund, sowohl mit den eigenen Luft-, Land- und Seestreitkräften, als auch mit denen militärischer Bündnispartner einsetzbar*⁵.

Перевод: *Самолёт интероперабелен* (пример перевода наш. — А.К.).

Подобный пример вольного перевода здесь можно считать в целом отвечающим требованиям адекватности и негрубо искажающим исходное высказывание. Однако мы не можем не признать,

⁵ http://www.luftwaffe.de/portal/a/luftwaffe/!ut/p/c4/04_SB8K8xLLM9MSSzPy8xBz9CP3I5EyrpHK9nHK98sS0NL2s1JJivdTSonwjA0MT_YJsR0UA5Icvwg!! / (Дата обращения: 05.04.16)

что точный вариант перевода представляется более уместным, детально и предметно описывающим ситуацию перевода, далёким от обобщения и простого описания ситуации:

В боевом применении самолёт может тесно взаимодействовать как с подразделениями военно-воздушных, военно-морских и сухопутных сил своего государства, так и государств — партнёров по военному альянсу (перевод наш. — А.К.).

Тем не менее, случаи вольного перевода, искажающего смысловое наполнение исходного текста, выходящего в выборе эквивалентов за рамки категории адекватности, встречаются достаточно часто.

Оригинал: *Die Bundesrepublik Deutschland ist verpflichtet, zu den gemeinsamen Verteidigungsanstrengungen der NATO, welche die Sicherheit des Bundesgebiets garantiert, einen angemessenen Beitrag zu leisten*⁶.

В вольном переводе содержание исходной фразы могло бы быть передано следующим образом: *Федеративная республика Германия обязуется принимать участие в совместной обороне НАТО, которая в свою очередь гарантирует независимость территории ФРГ* (перевод наш. — А.К.).

Однако вольный перевод несёт в себе возможность искажения смыслового содержания текста. Выбранный эквивалент *принимать участие* достаточно далёк от исходного варианта *Beitrag leisten* (*вносить вклад*). Переводчик вышел за границы смыслового критерия адекватности в переводе, подменив истинное значение словосочетания *Beitrag leisten* на ложное. *Принимать участие* характеризует более общее действие в отличие от сочетания *вносить вклад*. Первое не всегда подразумевает второе. Поэтому мы считаем, что в подобной ситуации вольный перевод нельзя считать обоснованным, так как он уводит получателя информации от смысла исходного сообщения. Возвращаясь к смысловому содержанию оригинала, мы предлагаем следующий вариант перевода:

Федеративная республика Германия обязуется вносить свой вклад в обеспечение обороны НАТО, которая в свою очередь гарантирует целостность территории ФРГ (перевод наш. — А.К.).

Используя приёмы трансформации в процессе перевода, переводчик может избежать подобных ошибок. Идею переводческих трансформаций Н.К. Гарбовский увязывает с глубинным и поверхностным уровнями речевой коммуникации. Поверхностный уровень — система знаков исходного текста, глубинный — это та система смыслов, которую предполагает наличие знаковой системы. «Переводчик через формы исходного текста проникает на глу-

⁶ Der Reibert. Das Handbuch für den deutschen Soldaten. Teil B. S. 12.

бинный уровень и строит собственный виртуальный объект, собственное представление о тексте как об определённой системе смыслов» [Гарбовский, 2007, с. 363]. Виртуальный объект представляет ту сущность, которая подвергается трансформациям. Его наличие предопределяет множественность переводов одного и того же текста. Такая постановка вопроса приводит к осознанию реальности перевода через восприятие и необходимую трансформацию некой системы смыслов (виртуальный объект).

Н.К. Гарбовский предлагает определение переводческих трансформаций, релевантное для смыслового подхода к категориям адекватности и эквивалентности. «Переводческая трансформация — это такой процесс перевода, в ходе которого система смыслов, заключённая в речевых формах исходного текста, воспринятая и понятая переводчиком в силу его компетентности, трансформируется естественным образом вследствие межъязыковой асимметрии в более или менее аналогичную систему смыслов, облакаемую в формы языка перевода» [там же, с. 366]. Применительно к категориям адекватности и эквивалентности переводческие трансформации выступают важным условием связи выбранных эквивалентов между собой для их адекватного восприятия. Парадоксальность взаимозависимости аспектов формы и значения заключается в том, что условием для выполнения трансформаций является содержательная (смысловая) сторона сообщений, а сами трансформации с языковыми формами.

Оригинал: *Sehen ohne gesehen zu werden: Die Aufklärer der Bundeswehr nutzen den Spähwagen Fennek auch in Afghanistan*⁷.

Перевод: *Видеть, оставаясь невидимыми: разведывательные подразделения бундесвера используют боевую разведывательную дозорную машину «Феннек» в Афганистане* (перевод наш. — А.К.).

В данном случае используются несколько способов переводческих трансформаций. Во-первых, это осложнённая конверсия (*ohne gesehen zu werden* — *оставаясь невидимыми*). Приём предполагает, что грамматическая форма не только преобразуется, но и меняет грамматические функции при сохранении смысловых. Кроме того, применяется приём генерализации, когда происходит замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение — *Die Aufklärer* (*экипаж боевой разведывательной машины*), единицей ПЯ с более широким значением — *разведывательные подразделения*. Предложенные преобразования не отражаются на общей смысловой функции

⁷ http://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde!/ut/p/c4/04_SB8K8xLLM9MSSzPy8xBz9CP3I5EyrpHK9pPKUvL3ikqLUzJLsosTUtJJUvfLEtLTUvPjSvJT49FSgWlleelF-cTGERv-Q7agIAA12y4M/ (Дата обращения: 05.04.16)

высказывания: найденные эквиваленты сохраняют общий смысл исходной фразы, заключающейся и в том, что немецкие подразделения успешно участвуют в общей миссии НАТО в Афганистане, и в том, что БРДМ «Феннек» по своим техническим качествам соответствует климатическим условиям горно-пустынной местности.

Таким образом, обе базовые категории перевода — адекватность и эквивалентность — подтверждают своё методологическое и онтологическое значение, играя важную роль в подборе эквивалентов и оформлении текста перевода. Их взаимодействие определяется условиями их отношения, когда выбираемый эквивалент должен находиться в границах семантического (адекватного) поля исходного языкового знака. Выход за пределы поля влечёт за собой опасность вольного перевода, выбора эквивалента без учёта речевого узуса и контекста, т.е. происходит замена формы формой, проявляется тяготение к буквальному переводу. Попадание выбранного эквивалента в переводе в адекватный сегмент этого поля выражается в точном переводе. В этом раскрывается значение адекватности как смыслового критерия, который определяет выбор эквивалентов.

Список литературы

- Ванников Ю.В.* Проблемы адекватности перевода: Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности. М., 1988. С. 34–37.
- Vannikov, Yu.V.* Problemyi adekvatnosti perevoda: Tipyi adekvatnosti, vidyi perevoda i perevodcheskoy deyatelnosti [The problems of the adequacy of translation: types of adequacy, types of translation and translation practice], М., 1988, P. 34–37 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 504 с.
- Garbovskiy, N.K.* Teoriya perevoda: Uchebnyk [Theory of translation], 2-e izd. М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007, 504 p. (in Russian).
- Иванов Н.В.* Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2002. 377 с.
- Ivanov, N.V.* Simvolicheskaya funktsiya yazyka v aspektah semiogeneza i semiozisa [The symbolic function of language in the aspects of semiogenesis and semiosis], Diss. ... dokt. filol. nauk, М., 2002, 377 p. (in Russian).
- Иванов Н.В.* Тезисный конспект лекций по теории перевода. М.: Изд-во МГСУ, 2001. 41 с.
- Ivanov, N.V.* Tezisy konsppekt lektsiy po teorii perevoda [Thesis notes of lectures on the theory of translation], М.: Izd-vo MGSU, 2001, 41 p. (in Russian).
- Фреге Г.* Логика и логическая семантика: сб. трудов / Г. Фреге; пер. с нем. Б.В. Бирюкова; под ред. З.А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
- Frege, G.* Logika i logicheskaya semantika: sb. trudov, [Logic and logical semantic], G. Frege; per. s nem. B.V. Biryukova; pod red. Z.A. Kuzichevoy, М.: Aspekt Press, 2000, 512 p. (in Russian).

Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация художественного текста. М.: «Прометей» МГШУ, 2003. 172 с.

Huhuni, G.T., Valujceva, I.I. Mezhhkulturnaya adaptaciya hudozhestvennogo teksta [Intercultural adaptation of literary text], M.: «Prometej» MGSU, 2003, 172 p. (in Russian).

Источники иллюстративного материала

Der Reibert. Das Handbuch für den deutschen Soldaten. Teil B. 152 p.

Hans-Heinrich Dieter: Die Streitkräftebasis. Zukunftsorientierter Service für die Streitkräfte. Soldat und Technik. P. 19–25.

http://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/!ut/p/c4/04_SB8K8xLLM9MSSz-Py8xBz9CP3I5EyrpHK9pPKUvL3ikqLUzJLsosTUtJJUvfLEtLTUvPjS-vJT49FSgWllee1F-cTGErV-Q7agIAA12y4M!/ (Дата обращения: 05.04.16)

http://www.luftwaffe.de/portal/a/luftwaffe/!ut/p/c4/04_SB8K8xLLM9MSSzPy8xBz9CP3I5EyrpHK9nHK98sS0NL2s1JJivdTSonwjA0MT_YJsR0UA5Icvwg!/ (Дата обращения: 05.04.16)

Karl Heinz Quast. Der Weg des Heeres in die Zukunft. WTR Ausrüstung Heer, 2002, № 1, P. 6–23.

Мартиашвили Л.Е. Базис Вооружённых сил. НИГ ОНИ Военного университета — 13 с.

bazis-vooruzhennyh-sil-martiashvili-l-e-nig-oni-voennogo-universiteta-13-s

Мартиашвили Л.Е. Путь сухопутных войск в будущее. НИГ ОНИ Военного университета — 46 с.

put-suhoputnyh-vojsk-v-budushchee-nig-oni-voennogo-universiteta-46-s

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Е.А. Васина,

преподаватель Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: katya.vasily@gmail.com

РИТМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ЗЕРКАЛЕ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

В данной статье рассматриваются уникальные сочетания слогоморфем китайского языка, формирующие ритмический рисунок, мелодию и такт любого текста. Такие образования восходят к поэзии и каноническим книгам древнего Китая, но бесспорно находят своё отражение и в современном политическом тексте. Признаками структурного параллелизма являются синтаксическое, количественное и семантические тождества, на которых основана композиция текста политического выступления. Подобное линейно-акцентное и ритмическое построение высказывания не только призвано свидетельствовать о высококультурном уровне докладчика, но и воздействовать на аудиторию. Синхронный перевод в паре китайского и русского языков может быть выполнен успешно только при понимании таких особенностей, поэтому в статье раскрываются некоторые из путей работы синхронного переводчика по преобразованию ритмических групп.

Ключевые слова: китайский язык, синхронный перевод, ритмика текста, композиционный параллелизм.

Yekaterina A. Vasina,

Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: katya.vasily@gmail.com

RHYTHMICAL STRUCTURES OF CHINESE POLITICAL DISCOURSE IN SIMULTANEOUS INTERPRETING

The present article focuses on unique structures of any Chinese text that make it rhythmical and melodic. Such structures of ancient Chinese poetry and philosophical canonical books are to be found in political speeches nowadays. The so-called structural parallelism makes different statements sound identical due to an equal number of characters and semantic cognation. The key question is to find appropriate ways of transforming such rhythmical groupssimultaneously.

Key words: the Chinese language, simultaneous interpretation, rhythmical structures, structural parallelism.

Китайский язык, существующий уже не одно тысячелетие, смог развить за такое весьма продолжительное время не только уникальную грамматико-синтаксическую, но и ритмическую

структуру языка. Так, было замечено, что время звучания слогознака как основной единицы КЯ стремится к некоей постоянной величине, что особенным образом проявляется в связном тексте [Карапетьянц, 1974; Румянцев, 1981].

Результаты исследований классических китайских текстов наглядно показывают, что в период своего расцвета количество иероглифов в поэтических строках было строго детерминировано. Канонические книги, философские трактаты древних китайских мудрецов, не претендующие на поэтичность, однако, как правило, имели девятичленное строение, основанное на принципе композиционного параллелизма [Спирин, 2006].

Об этом же свидетельствует профессор Тань Аошуан, отмечая, что тяга к параллелизму в смысле наличия одинакового числа знаков в ритмических группах — это одна из главных особенностей классических китайских текстов [Тань, 2002, с. 564].

Но ритм есть не только неотъемлемое свойство текстов традиционной китайской литературы. Что удивительно, ритмико-мелодическая организация высказывания играет немалую роль в структурировании текстов современного политического дискурса. Здесь в качестве основной единицы ритмического периода можно выделить сочетания с четырёхчастной структурой.

Как показывают материалы политических выступлений, текст того или иного доклада наполнен ритмическими группами из одинакового количества слогов (иероглифов). Длина таких групп равняется четырём слогам, тогда как «основной ритмической единицей современного китайского языка считается двуслог» [Тань, 2002, с. 564]. Подобные ритмические группы определяют не только такт одного словосочетания или предложения, но и мелодию целых сверхфразовых единств.

Поскольку переводческий опыт подтверждает, что их наличие в тексте выступления тем или иным образом сказывается на работе синхронного переводчика, то рассмотрение ритмических структур китайского языка с теоретической и практической точек зрения представляется крайне необходимым.

В процессе анализа материала были выделены следующие четырёхслоги, которые непосредственно участвуют в формировании ритма текста: это устойчивые словосочетания (ченъюи), группы из слитных однородных лексем, предикативно-объектные словосочетания, наречно-предикативные словосочетания и ряд других.

Ниже сначала предлагается ознакомиться с названными четырёхсложными образованиями с точки зрения их грамматико-синтаксической структуры и функционирования в речи, после чего рассмотреть их в контексте синхронного перевода и предложить

возможные пути семантико-синтаксических переводческих преобразований.

Одним из постоянных «участников» ритмических структур политического текста стоит назвать фразеологические обороты китайского языка, или ченьюи. Ченьюй — это устойчивое фразеологическое словосочетание, которое построено по нормам древнекитайского языка, представляет собой семантически монолитное единство с обобщённо-переносным значением, носит экспрессивный характер, функционально является членом предложения [Баранова, 1973, с.79].

Приведём пример предложения, где встречаются два ченьюя в позиции предикатов: 三年来, 国际局势风云变幻, 我国改革开放和现代化建设的进程波澜壮阔 / *На протяжении этих 13 лет международная обстановка претерпевала серьёзные изменения, но наша реформа, открытость и модернизация или вперёд с неудержимой силой* [Цзян Цзэминь, 2002].

Высказывание на КЯ придерживается определённого ритмического рисунка, достигаемого с помощью одинаковой длины слогов двух ченьюев в позиции предиката (в оригинальном тексте выделены жирным шрифтом). Значение первого — меняться, как гонимые ветром тучи, значение второго — волны и валы большие и широкие. В тексте официального перевода они потеряли как свою образность, так и ритмический рисунок, с помощью описательного перевода были преобразованы в «обыкновенные» предикативно-объектные словосочетания.

Нередко всё высказывание целиком представляет собой ряд фразеологических словосочетаний: 形势逼人, 不进则退 / *Ситуация вынуждает идти вперёд, чтобы не отойти назад* [Цзян Цзэминь, 2002].

Обе части предложения, разделённые запятой, представляют собой ченьюи. Композиционный параллелизм фразы, ёмкость значения каждого ченьюя не передаются на русском языке. Само по себе высказывание в силу своей сугубой лаконичности трудноуловимо для русского уха, что может негативно сказаться на выполнении устного перевода.

Исходя из вышесказанного, мы предполагаем, что переводчика-синхрониста без знаний ченьюев и их возможных, желательно кратких, соответствий на русском языке вряд ли ожидает успех, ведь переводить «сходу» подобные вещи представляется невозможным. Поэтому совершенно необходима отработка таких фразеологических словосочетаний на уровне подготовительных к реальному переводу упражнений, направленных на узнавание, поиск простых

соответствий для метафорических образов, кратким вариантам лексических и синтаксических замен.

Но с исследовательской точки зрения ещё более интересен тот факт, что к ритмическому четырёхсложному рисунку стремятся и свободные словосочетания, готовые потерять свою свободу ради соблюдения заданного ритма высказывания. Здесь стоит говорить о ритмической группе из слитных лексем.

Каждая из лексем по своей природе является двусловом, а в предложении они выступают как однородные члены; при этом они не разделены между собой ни паузой, ни знаками препинания, ни союзными словами. При этом важно учитывать, что каждый из двусловов является самостоятельной лексемой современного китайского языка, они могут быть всегда разделены каким-либо маркером грамматической или синтаксической связи. Однако же в текстах политических выступлений прослеживается тенденция слитного использования подобных лексем, дабы не потерять ритмический рисунок всей фразы.

Приведём примеры:

1. 坚持团结互信、开放透明、共谋发展的基本原则 / Мы призываем придерживаться основополагающих принципов сплочённости, взаимодоверия, открытости, прозрачности и совместного стремления к развитию [Ху Цзиньтао, 2012].

В препозиции к определяемому объекту *принцип* помещены три ритмические четырёхсложные комбинации. Две первых представляют собой сочетания из синонимичных двусловных лексем — 1) *сплочённость-взаимодоверие*; 2) *открытость-прозрачность*. В оригинале они не разделены между собой маркерами сочинительной связи, что служит соблюдению ритма и такта всей фразы. При этом интересно отметить, что в первой группе второй двуслог *互信* (*взаимное доверие*) — это сокращённая форма четырёхсложного словосочетания *互相信任*, которое в своей полной форме нередко встречается в тех же политических текстах. Вполне вероятно, что сокращение вызвано необходимостью соблюсти ритмичность всей группы однородных определений. Также можно предположить, что третья предикативная группа в позиции определения (*共谋发展 — совместно стремиться к развитию*) строится по тому же четырёхсложному принципу ради соблюдения мелодики всей фразы.

Стоит отметить, что при переводе на русский язык невозможно оставить в препозиции к объекту такое простое по форме и сложное по содержанию определение, поэтому данные словосочетания в новом виде заняли место в постпозиции к определяемому слову. При выполнении синхронного перевода для этого может потребо-

ваться гораздо больше времени, а также теряются композиционные и ритмические изыски китайской фразы.

2. 不久前, 我们制定颁布了“十二五”规划纲要 / *Недавно мы разработали и опубликовали программу на период 12-й пятилетки* [Ху Цзиньгао, 2012].

К первой группе из двусложных лексем 制定颁布 (*разработать-опубликовать*) в позиции предиката при переводе потребовалось добавить сочинительный союз *и*, как разделяющий два следующих друг за другом действия. Вторая группа 规划纲要 (*программа-план*) в позиции объекта была переведена одним словом *программа*, так как две лексемы можно назвать почти эквивалентными. Отметим, что подобное удвоение, которое можно смело считать «маслом масляным», является достоянием китайской речи, тогда как для русской речи оно излишне. Приём сдвоенного использования очень близких синонимов может быть объяснён тем же желанием выдержать ритм и музыкальность, достигаемых при использовании четырёхсложных сочетаний.

Поэтому лексемы китайского языка, как семантически тождественные, так и обозначающие различные фазы действия (см. пример выше), обычно не переводятся несколькими словами, а передаются одним словом, чем в процессе синхронного перевода можно воспользоваться в целях экономии сил и времени.

В текстах политического дискурса выделяются и другие четырёхчленные речения из ещё более свободных словосочетаний.

Так, по одноименному принципу строятся различные виды предикативных групп.

Например, в предикативной позиции часто фигурируют словосочетания, представленные двусложными наречием и глаголом:

1. 今天的亚洲, 经济更加繁荣, 社会更加进步, 人民信心更加坚定, 发展前景更加广阔 / *Сегодня экономика Азии развивается более динамично, в социальном развитии достигнуто больше сдвигов, народы всё больше уверены в себе, открываются более широкие перспективы развития в целом* [Ху Цзиньгао, 2011].

2. 人民生活水平显著提高, 改善民生力度不断加大, 城乡就业持续扩大, 居民收入较快增长, 家庭财产稳定增加, 衣食住行用条件明显改善, 城乡最低生活保障标准和农村扶贫标准大幅提升, 企业退休人员基本养老金持续提高 / *Заметно повысился уровень жизни народа. Непрерывно усиливалась динамика улучшения жизни населения. В частности, продолжала шириться трудоустроенность в городе и на селе. Довольно быстро росли доходы населения, ровно возрастало семейное достояние, заметно улучшались условия обеспечения одеждой, питанием, жильём, предметами обихода и транспортом. Намного выросли нормы обеспечения прожиточного минимума в городе и деревне, а равно*

и нормы помощи нуждающемуся сельскому населению. Продолжали расти базовые пенсии по старости для пенсионеров предприятий [Ху Цзиньтао, 2011].

Вышеприведённые речевые фрагменты наглядно демонстрируют количественное и синтаксическое тождества, на основании которых построены предикативные группы, а с ними и высказывание целиком. Для этого из большого корпуса наречных и глагольных лексем китайского языка выбираются именно двусложные, при этом опускаются возможные приглагольные маркеры, чтобы не нарушался определённый ритмический рисунок. В первом примере, где приводится пять таких наречно-глагольных словосочетаний, была сознательно использована двусложное наречие 更加 (*более*), тогда как в современном китайском языке данное наречие чаще встречается как однослог 更.

Во втором примере можно выделить целых восемь наречно-глагольных словосочетаний, которые также чётко соблюдают четырёхсложную структуру и создают ритмический период всего абзаца.

Официальные переводы выше приводимых примеров показывают, что при переводе не удаётся сохранить ритм абзаца, и основной задачей видится передача смысловых квантов.

Также интересно заметить, что ритмичными бывают и субъектно-предикативные группы.

Например,

十三年来，我们思想统一，目标明确，工作扎实，取得了重大的历史性成就 / *Единство взглядов, ясность целей и добросовестная работа позволили нам за последние 13 лет добиться важных исторических успехов* [Цзян Цзэминь, 2002].

Буквальный перевод: *За последние тридцать лет мы + взгляды едины + цели ясны + работа добросовестна + добились важных исторических успехов.*

Три субъектно-предикативных группы вторят друг другу, не выходя за рамки четырёх слогов. Стоит предположить, что ради соблюдения ритма между субъектом и качественным предикатом опускаются возможные маркеры грамматической связки типа 很, присущие подобным предложениям с качественным предикатом в современном китайском языке.

Вообще, сокращение или увеличение слогов в отдельной лексеме или словосочетании можно назвать уникальной особенностью китайского языка. По утверждению В.С. Спирина, «отдельные иероглифы выполняют функцию букв, не все являются словами» [Спирин, 2006, с.47].

Приведём примеры сокращения слогов ради соблюдения ритмического рисунка высказывания:

1. 城乡区域发展差距和居民收入分配差距依然较大 / *Разница в развитии города и села, в развитии регионов, а также в распределении доходов населения по-прежнему довольно велика* [Ху Цзиньтао, 2012].

Здесь вместо более употребительного полного сочетания *依然较大* используется сокращённый вариант из четырёх иероглифов *依然较大* (в русском переводе: *по-прежнему довольно велика*).

2. 收入分配关系尚未理顺 / *Распределение доходов всё ещё не равномерно* [Цзян Цзэминь, 2002].

Здесь был использован краткий архаический оборот *尚未* со значением *ещё не* вместо своего современного варианта *还没有*, что помогает соблюсти ритм четырёх иероглифов.

Материалы правительственных докладов показывают, что в политической речи действительно встречается много разных видов четырёхсложных образований, зачастую они решают ритм целых абзацев, сверхфразовых единств, тем самым образуя настоящий линейно-акцентный синтаксический рисунок всего отрезка высказывания — период.

Периодом называется гармоническая по форме сложная синтаксическая конструкция, характеризующаяся особой ритмичностью и упорядоченностью частей, а также исключительной полнотой и завершённой содержанием. Музыкальность и ритмичность периода достигаются его структурой: он состоит из нескольких однотипных, соразмерных синтаксических единиц, сходное грамматическое построение, приблизительно одинаковый размер. Повторение их создаёт ритмический рисунок речи [Голуб, 2002, с. 430–431].

Ритмический период хорошо видно на примерах текстов политических речей, композиция которых строится так, чтобы должным образом воздействовать на своих слушателей и читателей. Было замечено, что нередко речевые блоки, кванты информации оформляются по определённым идейным, композиционным и стилистическим принципам, и четырёхсложные сочетания играют здесь далеко не последнюю роль.

Так, интересно отметить, что после модальных глаголов со значением необходимости и долженствования зачастую следуют различные четырёхсложные сочетания. Тем самым в подобной лаконичной и одновременно образной, мелодичной форме китайской оратор старается донести до слушателей, как должна выглядеть картина мира и какие меры для этого необходимо предпринять.

1. 迫切要求本组织成员国增进互信、加强合作、携手应对、谋划长远 / *Всё это требует от государств-членов ШОС укрепления взаимодоверия, сотрудничества и совместного реагирования* [Чэн Гопин, 2012].

2. 本组织成员国毗邻而居，注定要长期合作、世代友好、和谐相处 / *Государства-члены ШОС живут по соседству, им суждено налаживать долгосрочное сотрудничество, жить в мире и согласии* [там же].

По приведённым выше примерам можно судить, что содержательная сторона сообщения-требования, предъявляемого государствам-членам ШОС, подкрепляется и на формальном уровне — с помощью единого ритмического периода. Все выделенные сочетания являются четырёхсложными и представляют собой как предикативные и именные группы, так и устойчивые фразеологизмы.

Однако в официальном переводе семантика действия, предикативный характер каждого отдельного сочетания из-за использования приёма номинализации передан слабо, что, в принципе, «помогает» потерять глагольность фразы, то движение, которое делает данное высказывание призывом к действию. Также совершенно очевидно, что при переводе на русский язык невозможно передать ритмичность и музыку четырёхслога.

Ниже на конкретных примерах с участием ритмических групп предлагается рассмотреть некоторые из возможных путей работы переводчика при выполнении именно синхронного перевода.

Действующий председатель КНР Си Цзиньпин, выступая на Боаоском форуме, начинает свою речь с образного приветствия: 椰风暖人，海阔天高。在这美好的季节里，同大家相聚在美丽的海南岛，参加博鳌亚洲论坛 2013 年年会，我感到十分高兴 [Си Цзиньпин, 2013].

Переводчик слышит целое предложение, очень мелодичное, произнесённое с особым пиететом, построенное по принципу двух четырёхсложных частей. Значение его таково: *Ветер, доносящий запах кокоса, согревает человека, и море так широко, а небо так высоко*. Учитывая, что современный лидер КНР подходит к своей речи творчески, многие его четырёхсложные выражения тоже носят творческий характер, тем самым задача синхрониста усложняется (невозможно проработать заранее). Но в таких случаях может помочь опора на экстралингвистический контекст. Раз форум проводится на острове Хайнань, то переводчик может опираться на то, что его окружает в действительности: море, кокосовые пальмы, летнее небо. Он может сделать как вольный перевод генерализующего характера: *Природа острова Хайнань прекрасна / Как прекрасен остров Хайнань*, или конкретизировать видимое перед собой: *лето, море, пальмы, солнце*. Причём, в последнем случае сохраняется поэтичность оригинальной фразы, поскольку назывные предложения используются как один из стилистических приёмов русской поэзии (вспомним: *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*).

Также в богатом на различные лексические и синтаксические модели русском языке нередко можно подобрать ритмичные соответствия оригиналу. Например, для предикативных позиций очень подходят краткие формы прилагательных и причастий.

世界各国相互联系日益紧密、相互依存日益加深，遍布全球的众多发展中国家、几十亿人口正在努力走向现代化，和平、发展、合作、共赢的时代潮流更加强劲 [там же].

В оригинальной фразе — три ритмичные четырёхсложные группы (выделены жирным шрифтом). При точной передаче всех членов предикативной группы перевод получается следующим: *Взаимосвязь между разными странами становится всё более тесной, взаимозависимость с каждым днём всё углубляется..., мир, развитие, сотрудничество, взаимовыигрыш как основные тенденции эпохи становятся всё более мощными.*

Но русский язык позволяет сделать более ёмкий перевод, в чём-то рифмующийся с ритмом китайской фразы: *взаимосвязь между разными странами всё теснее, взаимозависимость всё глубже..., мир, развитие, сотрудничество, взаимовыигрыш как основные тенденции эпохи всё мощнее/заметнее.* И даже если убрать лексический показатель степени *всё*, смысловые оттенки фразы почти не изменятся, и фраза даже будет звучать весомее.

При внимательном прослушивании того или иного политического выступления можно заметить, что целые сверхфразовые единства синтаксически и часто лексически созвучны, и этим при сознательном подходе к работе переводчик-синхронист может умело воспользоваться.

第一，加强基础设施建设，夯实经济发展基础。

第二，提高供应链联通性和便利化程度，充分发挥基础设施效能。

第三，深化投资体制改革，共享基础设施建设发展机遇

第四，加强交流合作，合力推动亚太互联互通建设。[Ху Цзиньтао, 2012].

Здесь приведены первые тезисные предложения каждого из четырёх абзацев. Структура их идентична: все четыре предложения-тезиса построены по одной синтаксической модели. После единого зачина даётся иллюстрация тезиса в виде небольших, но информативно наполненных предложений, причём их структура неизменна от абзаца к абзацу. Мы предполагаем, что переводчик должен быть последовательным — стоит переводить каждое из предложений-тезисов по однажды заданной синтаксической модели. Имеется в виду, что перевод первого предложения-тезиса становится ключевым, а остальные тезисные предложения перед каждым из абзацев могут его дублировать. Это даёт возможность переводчику не-

сколько расслабиться, не решать каждый раз заново типичную переводческую задачу. Например, для перевода вышеприведённых предложений лучше всего воспользоваться приёмом номинализации, столь характерным для политической речи на русском языке: *Во-первых, ускорить строительство инфраструктуры для развития экономики*. И далее по этой же модели переводчик может сделать все три оставшихся тезиса. Это облегчит его и без того трудную задачу, происходящую от обилия терминологии, которая неизменно сопутствует подобным докладам на форумах правительственного уровня.

Обобщая вышеизложенный материал, следует сделать следующие выводы:

1. Ритмико-мелодическая организация высказывания играет немалую роль в структурировании текстов публичных выступлений на китайском языке. Основной единицей синтаксического периода можно назвать сочетания с четырёхчастной структурой.

2. Четырёхсложные комбинации представляют собой не только устойчивые словосочетания в виде фразеологизмов, но и сочетания из свободных лексем. Интересно то, что четырёхслоговый характер распространяется и на целые высказывания, время звучания сверхфразового единства стремится к некоей постоянной величине.

3. Тенденция к повторению семантически эквивалентных лексем, опущение возможных грамматических и стилистических маркеров, добавление пустых слов-двучленов, сокращение или, наоборот, увеличение количества слогов в лексеме «помогают речениям с меньшим количеством знаков распространяться до четырёхсловных» [Ян Ли, 2015, с. 13], что необходимо для сохранения ритмики всего текста.

4. В публичной речи докладчики, следуя тысячелетним литературным традициям, стремятся выразить ёмкую мысль в лаконичной форме, что ведёт к большой линейной плотности информации. В синхронном переводе это связано с целым спектром переводческих задач, т.к. от синхрониста требуется мгновенная реакция и быстрый выбор нужного соответствия. Непрозрачность подобных структур, метафорическая образность определяют характер предпереводческой подготовки, которая должна быть направлена на поиск лучших переводческих решений с учётом синхронного перевода. Но именно мелодия фразы, ритмические такты могут помочь переводчику идти в ногу с докладчиком. По замечанию переводчика и преподавателя Лян Цуйчжень, «опытный переводчик следует за темпом оратора именно благодаря мелодичности китайского языка» [Лян Цуйчжень, 2014, с. 108].

Список литературы

- Баранова З.И. Моделируемые фразеологизмы в КЯ. М., 1973.
Baranova, Z.I. Modeliruyemye phrazeologizmy [Simulated idioms in Chinese], М., 1973 (in Russian).
- Виссон Линн. Практикум по синхронному переводу с русского языка на английский. М.: Р. Валент, 2002.
Visson, Lynn. Practicum po sinkhronnomu perevodu s russkogo yazyka na angliyskiy [Russian-Chinese simultaneous interpretation training], Moscow: R. Valent, 2002 (in Russian).
- Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: 2002.
Golub, I.B. Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of Russian language], Moscow, 2002 (in Russian).
- Каранетьянц А.М. Влияние фонетического состава и тона на длительность китайского слога // Вопросы китайской филологии. М.: 1974.
Karapetyanc', A.M. Vliyaniye foneticheskogo sostava i tona na dlitel'nost' kotayskogo sloga [Influence of phonetic notation and tone on duration of Chinese syllable] // Voprosy kitayskoy philologii, Moscow, 1974 (in Russian).
- Лян Цуйчжень. Устный перевод, китайский язык. СПб.: Перспектива, 2014.
Liang Cuizhen. Ustniy perevod, kitayskiy yazyk [Interpretation, Chinese language], Sankt-Peterburg: Perspektiva, 2014 (in Russian).
- Румянцев М.К. К проблеме ритмической организации китайской речи // Филол. науки. № 6. М., 1981.
Rumyantsev, M.K. K probleme ritmicheskoy organizacii kitayskoy rechi [On rhythmic structure of Chinese speech], *Philol. Nauki*, No. 6, Moscow, 1981 (in Russian).
- Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: 2014.
Xi Jinping. O gosudarstvennom upravlenii [State management]. Peking, 2014 (in Russian and Chinese).
- Спирин В.С. Построение древнекитайских текстов. СПб., 2006.
Spirin, V.S. Postroyenie drevnekitayskih tekstov [Composition of ancient Chinese texts], Sankt- Peterburg, 2006 (in Russian).
- Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянских культур, 2002.
Tan Aoshuang. Problemy skrytoy grammatiki. Sintaksis, semantika i pragmatika yazyka izoliruyushchego stroya [Problems of concealed grammar: syntax, semantics and pragmatics of an isolating language type (using Chinese as an example).] Moscow, *Yazyki slavyanskih kultur*, 2002 (in Russian).
- Ху Цзиньтао. Выступление на третьей встрече лидеров стран БРИКС [Электронный ресурс] / Ху Цзиньтао, 2011. — Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgwx/t816406.htm>
- Ну Джинтао. Speech at 3rd BRICS leaders meeting [Electronic version], Jintao Hu, 2011. — URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgwx/t816406.htm>
- Ху Цзиньтао. Выступление на саммите АТЭС [Электронный ресурс] / Ху Цзиньтао, 2012. — Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/n/2012/0908/c1024-18955502.html>

- Hu Jintao*. Speech at APEC summit [Electronic version], Jintao Hu, 2012. — URL: <http://politics.people.com.cn/n/2012/0908/c1024-18955502.html>
- Ху Цзиньтао*. Доклад на 18 съезде КПК [Электронный ресурс] / Ху Цзиньтао, 2012. — Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/n/2012/1118/c1001-19612670.html>
- Hu Jintao*. Report at 18th meeting of CPC [Electronic version], Jintao Hu, 2012. — URL: <http://politics.people.com.cn/n/2012/1118/c1001-19612670.html>
- Цзян Цзэминь*. Доклад на 16 съезде КПК [Электронный ресурс] / Цзэминь Цзян, 2002. — Режим доступа: <http://www.cprf.info/library/3582.shtml>
- Jiang Jiemín*. Report at 16th meeting of CPC [Electronic version], Jiemín Jiang, 2002. — URL: <http://www.cprf.info/library/3582.shtml>
- Чэн Гопин*. Выступление на Ланьтинском форуме [Электронный ресурс], Чэн Гопин, 2012. — Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/ce/ceat/chn/zgyw/t936154.htm>
- Cheng Guoping*. Speech at Lanting forum [Electronic version], Cheng Guoping, 2012. — URL: <http://www.fmprc.gov.cn/ce/ceat/chn/zgyw/t936154.htm>
- Ян Ли*. Сопоставление русских и китайских фразеологизмов и принципы их перевода. М.: 2015.
- Yang Li*. Sopotavleniye russkih i kitayskyh phrazeologizmov i principy ih perevoda [Translation comparison of Russian and Chinese idioms], Moscow, 2015 (in Russian).

Р.К. Кошкин,

доцент 32 кафедры ФГКВОУВПО «Военный университет»;
e-mail: roman.koshkin@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КВАНТИТАТИВНОЙ ДИНАМИКИ АНГЛО-РУССКОГО И РУССКО-АНГЛИЙСКОГО СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

В данной статье предпринята попытка установить количественную меру зависимости между тремя переменными, характеризующими динамику синхронного перевода (СП): (а) отставания СП от исходного текста, локальной плотностью (б) входящей и (в) исходящей информации как основных компонентов когнитивной нагрузки, ложающейся на синхронного переводчика. Анализ видеозаписей публичных выступлений и транскриптов их переводов выявил подобные паттерны корреляции между этими переменными, как в русской-английском, так и в англо-русском СП, что может свидетельствовать об аналогичных стратегиях, реализуемых синхронными переводчиками независимо от направления перевода. Загруженность рабочей памяти синхронных переводчиков большую часть времени не превышала 4 значимых слов, что соответствует максимальному объёму рабочей памяти испытуемых, не являющихся переводчиками. Вопреки ожиданиям, значимой корреляции между вероятностью компрессии (потерь) и локальной загруженностью рабочей памяти не выявлено.

Ключевые слова: синхронный перевод, EVS, рабочая память, компрессия, когнитивная нагрузка.

Roman K. Koshkin,

Assistant Professor, 32nd Department, Military University of the Ministry of Defense, Moscow, Russia; e-mail: roman.koshkin@gmail.com

COMPARATIVE ANALYSIS OF QUANTITATIVE DYNAMICS OF ENGLISH-RUSSIAN AND RUSSIAN-ENGLISH SIMULTANEOUS INTERPRETING

This paper attempts to explore quantitative relationships between the three objectively measurable variables involved in simultaneous interpreting (SI): incoming and outgoing local information densities and the ear-voice span measured in content words. These variables are hypothesized to affect each other during SI and determine the local cognitive load simultaneous interpreters have to deal with in the booth. We have analyzed video recordings of public statements and their professional translations in conjunction with their time-coded transcripts. The results seem to indicate similar strategies in both English-Russian and Russian-English SI. Most of the time working memory (WM) load did not exceed 4 content words, which supports previous findings of WM studies on non-interpreters. However, contrary to expectations, no significant relationship has been found between local WM load and the probability of compression (information loss).

Key words: simultaneous interpreting, ear-voice-span, working memory, compression, cognitive load.

1. Введение

Синхронный перевод (СП) — вид коммуникативной деятельности, предполагающий одновременное протекание нескольких когнитивных процессов (компонентов СП), ключевые из которых: восприятие и понимание, память, поиск (выработка) переводческих решений и эквивалентов, говорение и самоконтроль. В самом общем виде, переводчик воспринимает некоторый отрезок исходного текста, сохраняет его в рабочей памяти (РП)¹, ориентируется в нём, выполняет поиск подходящих эквивалентов, одновременно проговаривая выработанный перевод предыдущего отрезка и воспринимая следующий, и, наконец, осуществляет необходимый самоконтроль.

Несмотря на то, что синхронные переводчики активно пользуются паузами в речи оратора для перевода услышанного [Ширяев, 1973, с. 20–21; Varik, 1973], периоды одновременного говорения переводчика и оратора в среднем совпадают на 70%, т.е. большую часть времени перевод осуществляется в действительно синхронном режиме [Chernov, 1994].

Вместе с тем, синхронность когнитивных процессов, протекающих во время СП, является важнейшим фактором сложности данного вида речевой деятельности [Christoffels, 2004]. Степень одновременности и интенсивности каждого из компонентов СП определяет меру общей когнитивной нагрузки, ложащейся на переводчика или, иными словами, загруженности его когнитивного ресурса (КР), под которым в данной статье мы будем подразумевать способность переводчика адекватно перевести некоторый конечный объём информации за единицу времени.

Когнитивная нагрузка во время СП характеризуется высокой степенью нелинейности и часто превышает когнитивный ресурс переводчика [Gile, 2008]. Например, при локальном повышении информационной плотности исходного текста (ИП_{ИХ.}) на рабочую память ложится сравнительно бóльшая нагрузка, так как переводчик не может мгновенно увеличить информационную плотность перевода (ИП_{ВЫХ.}) как минимум до того, как закончит произнесение текущего отрезка перевода. Кроме того, при повышении ИП_{ИХ.} само кодирование информации в рабочей памяти также затруднено, поскольку фокус внимания в такие моменты смещается в сторону восприятия исходного текста. Разумеется, что загруженность рабочей памяти также повышается и в случае затруднений при поиске подходящего эквивалента ранее услышанному отрезку.

¹ В настоящей статье мы придерживаемся определения рабочей памяти, предложенного Бэддели и Хитченсом [Baddeley & Hitchens, 1974].

Очевидно, что успех перевода во многом зависит от владения переводчиком приёмами снижения когнитивной нагрузки, в частности компрессии, имплицирования (опущения) малозначимых единиц информации, подбора более компактных эквивалентов, эллипсиса, обобщения, номинализации и т.д.

Каждый из компонентов СП задействует некоторую часть когнитивного ресурса. Чем больше процессов происходит одновременно, тем выше когнитивная нагрузка. Если допустить, что когнитивный ресурс имеет некоторый предел и что он задействуется практически полностью в ходе СП [Gile, 1999], то переводчик должен стремиться (осознанно или бессознательно) к оптимальному распределению когнитивных процессов во времени, чтобы минимизировать вероятность перегрузки в конкретный момент времени.

Известно, что СП предполагает наличие некоторого отставания от исходного текста (ИТ). Являясь важнейшим количественным показателем общей динамики СП [Kim, 2005], данный аспект СП рассматривался в ряде работ отечественных [см., например, Ширяев, 1979] и западных лингвистов, посвящённых проблеме сегментации исходного текста [см., например, Barik, 1973; Gerver, 1976; Goldman-Eisler, 1972; Treisman, 1965; Christoffels&DeGroot, 2004]. В большинстве англоязычных публикаций используется термин *déclage* и *ear-voicespan (EVS)*, последний из которых мы будем использовать в настоящей статье.

Вопрос об отставании от оратора актуален, поскольку он напрямую связан с мерой загруженности рабочей памяти, которая имеет решающее значение для способности переводчика справляться с временным повышением ИП_{вх.} или преодолеть затруднения при поиске подходящего эквивалента на ПЯ. Именно рабочая память есть тот «буфер», который делает СП вообще возможным, поскольку в нём хранятся единицы информации, уже воспринятые, но ещё не прозвучавшие в переводе, над которыми выполняются переводческие трансформации.

Особенности функционирования рабочей памяти в непереводческих ситуациях достаточно глубоко изучены. Объём рабочей памяти зависит от свойств, предъявляемых в экспериментах на запоминание слов (длины, фонетического взаимоподобия [см., например, Baddeley et al., 1975; Conrad&Hull, 1964]). По современным представлениям объём РП составляет около 4 единиц информации [Cowan, 2001].

Однако СП переставляет собой особый случай функционирования рабочей памяти. Мнестический компонент СП, включающий кодирование информации в памяти и доступ к ней, требует произвольной концентрации внимания, но синхронист вынужден также

удерживать в центре внимания и другие когнитивные процессы (поиск эквивалентов, самоконтроль, восприятие и ориентирование в следующем отрезке текста, формулирование и артикуляцию перевода и др.). Естественно, что при таком разделении внимания — или переключении с одного когнитивного процесса на другой — фактический объём РП оказывается меньше, чем при прослушивании информации без необходимости её переводить. Эксперименты подтверждают, что после простого прослушивания текста испытуемые способны вспомнить больше информации, чем после синхронного перевода аналогичного текста [Christoffels, 2004; Darò & Fabbro, 1994; Gerver, 1974; Isham, 1994; Lambert, 1988].

Другим фактором, сокращающим фактический объём РП, вероятно, является артикуляционное подавление (АП), т.е. проговаривание перевода во время прослушивания исходного текста [см., например, Christoffels, 2006; Padilla, Vajo, Maciza, 2005]. И хотя в одном эксперименте не удалось выявить статистически значимого ухудшения способности синхронистов вспоминать слова, прослушанные во время проговаривания посторонних слов [Padilla, Vajo, Maciza, 2005], вопрос о влиянии АП на способность извлекать информацию из рабочей памяти *во время*, а не *после* СП, остаётся открытым. Возможно, что доступ к содержимому рабочей памяти затруднён именно в момент проговаривания перевода. Данный тезис требует эмпирического подтверждения.

В ранних исследованиях СП [см., например, Barik, 1973; Goldman-Eisler, 1972; Paneth, 1957; Oléron & Nanpon, 1965] EVS измерялся в секундах. В других работах была предпринята попытка измерить EVS в словах [Gerver, 1969]. Мы полагаем, что целесообразнее принять за единицу измерения EVS значимое слово, т.е. любое слово, исключая предлоги, союзы, а также артикли и глаголы-связки. Именно значимые слова (ЗС) несут максимум семантической нагрузки и, следовательно, существенно нагружают РП. Служебные слова лишь способствуют смысловой организации значимых слов в эпизодическом буфере рабочей памяти. Учитывая только значимые слова, мы получаем не зависящее от ИП_{вх.} представление о загруженности РП переводчика, как в среднем, так и в каждый конкретный момент времени. Анализ взаимовлияния и динамики величин EVS, ИП_{вх.} и ИП_{вых.}, выраженных в значимых словах в секунду, позволит понять, насколько велика когнитивная нагрузка в конкретный момент времени.

Слишком большая величина EVS чревата перегрузкой РП, искажением смысла и существенными потерями информации. Для снижения вероятности возникновения такой ситуации логично

было бы стремиться к максимальному сокращению отставания, однако это невозможно и нецелесообразно по следующим причинам. Между этапом восприятия и произнесением текста на ПЯ как минимум следует этап понимания и перекодировки (т.е. поиска подходящего эквивалента), который (а) длится в течение определённого времени, и (б) тем, что эффективный поиск точного эквивалента возможен только на основе некоторого минимального количества информации, достаточного для разрешения семантических неоднозначностей отдельных слов. Иными словами, адекватный и при этом строго синхронный перевод невозможен [Ширяев, 1979; Kim, 2005]. Таким образом, оптимальная величина EVS есть компромисс между минимумом слов, обеспечивающим понимание смысла, и объёмом РП [Kroll&Christoffels, 2005].

Интересен вопрос о максимально возможной величине EVS. Поскольку EVS отражает загруженность рабочей памяти, то следует ожидать, что в среднем она должна составлять не более 4 единиц информации [Cowan, 2001]. Вместе с тем следует учитывать, что в отличие от испытуемых в экспериментах на запоминание контекстуально независимых слов переводчики могут опираться на контекст, следовательно, и максимум EVS должен быть больше. С другой стороны, переводчик действует в режиме жесточайшего цейтнота, артикуляционного подавления и необходимости выделять внимание на прочие когнитивные процессы (восприятие оригинала, порождение перевода, самоконтроль).

Бесспорно, СП интересен как объект психолингвистического исследования. Представляется, что сопоставительный анализ СП, с одной стороны, может улучшить понимание организации речевой деятельности у билингов, а с другой, необходим для уточнения существующих моделей СП, взаимосвязи памяти, восприятия и порождения речи. Наконец, глубокое понимание количественной динамики процессов СП необходимо для выработки более эффективных стратегий СП.

В данном исследовании мы попытались установить количественную меру зависимости между тремя переменными, характеризующими динамику СП: (а) отставания СП от исходного текста (EVS), (б) локальной плотностью входящей информации (ИП_{вх.}) и (в) плотностью исходящей информации (ИП_{вых.}) и интерпретировать полученные результаты с точки зрения распределения когнитивной нагрузки между компонентами СП. Также мы хотели бы проверить гипотезу о том, что величины EVS положительно коррелируют с вероятностью компрессии и потери информации, содержащейся в оригинале.

2. Материал

Материалом исследования послужили видеозаписи выступлений президентов РФ и США на пресс-конференциях по итогам встреч в верхах (6 июля 2009 года, Кремль) и их официальных профессиональных синхронных переводов на английский и русский языки соответственно. Для всех переводчиков родным языком был русский.

Выбор данного материала связан, с одной стороны, с его доступностью (mp4-файлы и их точные транскрипты находятся в свободном доступе на сайтах whitehouse.gov и kremlin.ru), а также с тем, что переводы были выполнены в абсолютно реальных условиях переводческой работы.

Для упрощения обработки данных использовалось только вступительное слово обоих президентов (около 10 минут) до сессии вопросов и ответов.

Поскольку транскрипты выступлений официальных лиц и особенно их переводы подвергаются редактированию, каждый транскрипт был проверен на точное соответствие записи и, при необходимости, соответствующим образом откорректирован. Далее видеозаписи синхронизировались по времени и вместе с файлами отредактированных транскриптов загружались на видеохостинг YouTube для автоматической простановки тайм-кодов каждому слову. Благодаря тайм-кодам при каждом слове мы в последующем смогли в полуавтоматическом режиме измерить такие параметры СП, как EVS , $ИП_{вх.}$ и $ИП_{вых.}$ в каждый момент времени.

3. Процедуры обработки данных

Полученный с YouTube файл субтитров конвертировался в формат, пригодный для работы в табличном процессоре MS Excel и сегментировался пословно так, чтобы в итоге анализируемый материал представлял собой два ряда данных — один для исходного текста, другой для текста перевода. Началом сегмента считалось время, соответствующее тайм-коду при находящемся в данном сегменте слове, концом — время начала звучания следующего слова (в следующем сегменте).

Поскольку как в оригинале, так и в переводе количество слов за единицу времени непостоянно, сегменты необходимо было синхронизировать, т.е. расположить так, чтобы время начала произнесения слова в исходном тексте максимально точно соответствовало времени начала произнесения слова перевода. Для этого каждому

сегменту первого ряда ставился в соответствие сегмент второго, время начала которого было максимально близко к времени начала первого (см. рис. 1).

Номер сегмента	Оригинал				Перевод				EVS
	Время начала	Слова	Значимых слов		Время начала	Слова	Значимых слов		
			в сегменте	Итого			в сегменте	Итого	
1	00:10:19,390	Good	1	1			0	1	
2	00:10:20,320	afternoon	1	2			0	2	
3	00:10:21,250	everybody	1	3			0	3	
4	00:10:22,180	ahm	0	3			0	3	
5	00:10:22,870	I	1	4			0	4	
6	00:10:23,250	want	1	5			0	5	
7	00:10:23,640	to	0	5	00:10:23,780	Добрый	1	1	4
8	00:10:24,029	thank	1	6	00:10:24,050	вечер	1	2	4
9	00:10:24,420	President	1	7			0	2	5
10	00:10:24,770	Medvedev	1	8	00:10:25,076	хочу	1	3	5
11	00:10:25,550	and	0	8	00:10:25,706	поблагодарить	1	4	4
12			0	8	00:10:26,300	президента	1	5	3

Рис. 1. Фрагмент подготовленного к анализу транскрипта английского оригинала и его перевода

В соответствии с замыслом исследования, цель которого, в частности, состояла в анализе динамики загруженности РП, нам необходимо было очистить текст от служебных слов, поскольку, не имея номинативной функции, они не нагружают рабочую память. Для этого на следующем этапе в тексте маркировались как незначимые следующие слова: предлоги (в том числе, входящие в состав фразовых глаголов), союзы, артикли, частицы, вспомогательные глаголы и глаголы-связки. Далее в автоматическом режиме вычислялся показатель EVS, $ИП_{вх.}$ и $ИП_{вых.}$ на момент конца каждого сегмента.

Средние длины сегментов: русский оригинал — 572 мс, английский перевод — 444 мс; английский оригинал 389 мс, русский перевод — 555 мс.

Измерение EVS велось следующим образом. На момент произнесения каждого значимого слова перевода мы посчитали с помощью специального написанного макроса в MS Excel число услышанных, но ещё не переведённых на момент конца сегмента слов оригинала. Разность услышанных в оригинале и сказанных в переводе слов на момент конца каждого сегмента даёт точную количественную меру загруженности РП переводчика в момент времени в привязке к каждому значимому слову перевода.

Значимые слова, встретившиеся в переводе, но не прозвучавшие в оригинале игнорировались как не имеющие прямого отношения к оригиналу и, следовательно, загруженности РП. Аналогично, слова, прозвучавшие в оригинале, но не нашедшие отражения в переводе не учитывались при расчёте EVS, поскольку мы исходили из того, что они либо (а) игнорировались переводчиком как несущественные (поэтому не сохраняемые в РП), либо (б) удерживались в РП очень недолго (не более 2 последующих ЗС). В случаях, когда устойчивые словосочетания находили отражение в переводе в более сжатом, как правило, однокомпонентном, семантически трансформированном виде, привязка велась по последнему слову словосочетания.

В следующем отрывке и его переводе:

мы и дальше будем общаться → we will continue communicating
(точки привязки — *мы* — *we*; *будем* — *continue*; *общаться* — *communicating*)

словосочетание *дальше будем* и его перевод *will continue* привязываются к словам *будем* и *continue*. Слово *will* игнорируется при подсчёте EVS как грамматический указатель будущего времени, а слово *дальше* — как слово, не нашедшее прямого перевода в поверхностной структуре. Ниже приведены некоторые примеры, иллюстрирующие принцип привязки значимых слов оригинала и перевода (жирным выделены значимые слова, ставшие точками привязки).

Уровень отношений, который сложился → *level of relations which we have seen*

В многокомпонентных эквивалентных выражениях в качестве точек привязки выбиралось последнее слово:

До сих пор → *up until now*

Повестка дня → *agenda*

By all means — *обязательно*

Full scale → *полноформатный*

У нас сложилось понимание того, как нам двигаться дальше → *We have figured out where we go from here*

Величина $ИП_{ВХ}$ и $ИП_{ВЫХ}$ в каждом сегменте рассчитывалась путём деления числа слов в сегменте (1 или 0) на длительность сегмента в секундах.

4. Результаты

Из распределения величин EVS (рис. 2) видно, что большую часть времени EVS составлял 3–5 ЗС и 1–3 ЗС в англо-русском (АР) и русско-английском (РА) переводе соответственно. Всего 4 и

3% времени в англо-русском и русско-английском переводах соответственно данный показатель достигал сравнительно больших величин (7 и более значимых слов).

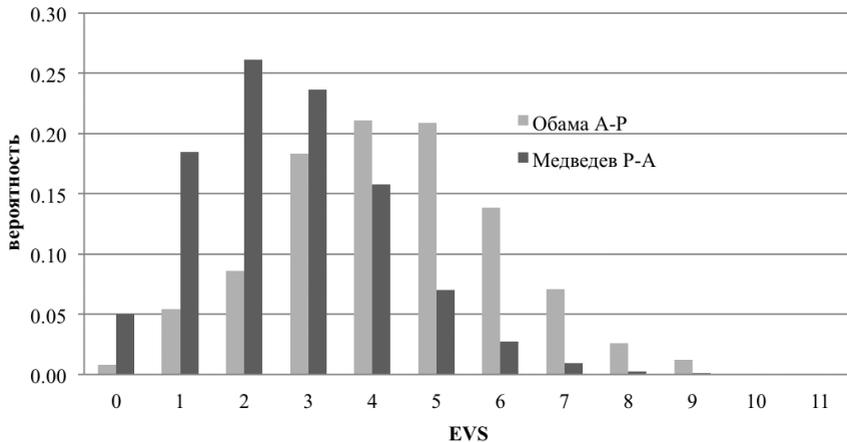

Рис. 2. Распределение величин EVS в материале исследования

Согласно U-тесту Манна — Уитни, средняя величина EVS в русско-английском СП (2.65 ЗС) оказалась значимо меньше, чем в англо-русском (4.34 ЗС), $U = 607171$; $Z = -24.19$; $r = 0.43$; $p < 0.001$. Для сравнения: EVS составил 4–5.7 слов [Gerver, 1976]; 4–5 слов [Goldman-Eisler, 1972]; 4–5 слов [Treisman, 1965], около 5 слов [Christoffels&DeGroot, 2004].

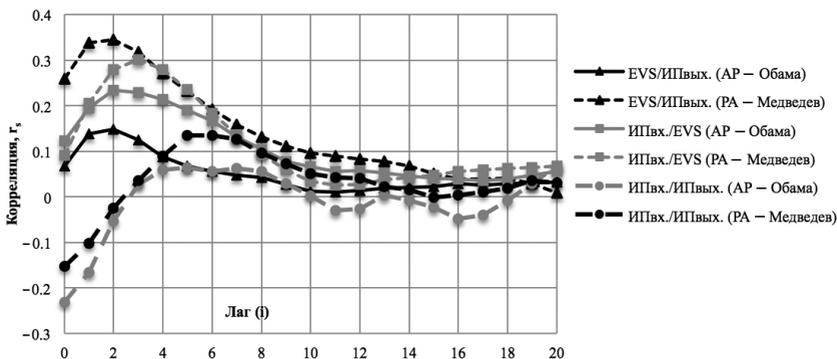

Рис. 3. Correlogramma² EVS, ИП_{вх} и ИП_{вых} (AP — англо-русский СП, РА — русско-английский СП)

² Корреляции в диапазоне лагов $i = \{0, \dots, 9\}$, за исключением (а) корреляции ИП_{вх}/ИП_{вых} при $i = \{2, 3\}$ в русско-английском и англо-русском СП и (б) EVS/ИП_{вых} при $i = \{7, 8, 9\}$ в англо-русском СП, оказались статистически значимыми ($p < 0.05$).

Рассмотрим теперь взаимное влияние ИП_{вх.}, ИП_{вых.} и EVS. Как видно из рис. 3, паттерны корреляции между ними характеризуются отчётливым подобием, почти не зависящим от направления перевода.

Рассмотрим теперь корреляции ИП_{вх.}, ИП_{вых.} и EVS отдельно.

ИП_{вх.} / EVS.

На нулевом лаге между рядами данных ($i = 0$), имеет место небольшая положительная корреляция³ (РА $r_s = 0.09$ и AP $r_s = 0.12$), достигающая максимума при $i = 3$ (РА $r_s = 0.3$; AP $r_s = 0.23$) и далее постепенно сходящая на нет в районе $i = 11$ (РА $r_s = 0.03$; AP $r_s = 0.04$). При $i > 11$ сильных и статистически значимых ($p < 0.05$) корреляций не выявлено. В целом на лагах $i > 11$ паттерны корреляции либо становятся горизонтальными и близкими к нулю, либо вовсе теряют определённость.

То, что максимум положительной корреляции между ИП_{вх.} и EVS достигается на лаге $i = 3$ (т.е. в среднем с задержкой, равной трём значимым словам), возможно, связано с тем, что на локальное повышение ИП_{вх.} переводчик часто не может отреагировать моментальным увеличением ИП_{вых.} Таким образом, имеет место, отсроченное на 3 значимых слова увеличение загруженности рабочей памяти(и, следовательно, EVS). Аналогично, при локальном снижении ИП_{вх.} происходит отсроченное на те же три ЗС сокращение EVS. В дальнейшем разгрузка РП происходит, по-видимому, в моменты снижения ИП_{вх.} или в периоды молчания оратора (когда ИП_{вх.} = 0). С другой стороны, такой паттерн корреляции может также объясняться тем, что при локальном повышении ИП_{вх.} переводчик не может продолжать работать в сравнительно комфортном режиме знакового перевода [см., например, Миньяр-Белоручев 1973, с. 166; Anderson, 1994; Fabbro&Gran, 1994], предполагающий минимальное осознание денотата, мелкую сегментацию исходного текста с малым отставанием от оригинала, и вынужден переключаться в режим смыслового перевода, требующий большей независимости от поверхностной структуры оригинала, его более глубокой семантической и синтаксической трансформации, компрессии, генерализации и имплицирования избыточных элементов, что необходимо для обеспечения приемлемого уровня отставания от оратора.

ИП_{вх.} / ИП_{вых.}

Интересный результат получен при анализе корреляции ИП_{вх.} и ИП_{вых.} Максимум отрицательной корреляции ИП_{вх.} и ИП_{вых.} до-

³ Поскольку анализируемые данные не прошли тест на нормальность распределения, использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s).

стигается при $i = 0$ ($AP r_s = -0.23$; $PA r_s = -0.15$). Максимум положительной, хотя и слабой, корреляции ($r_s = 0.13$, $r_s = 0.06$) наступает с запаздыванием в 6–7 ЗС относительно оригинала ($i = \{6, 7\}$). Фактически это означает «проседание» темпа речи переводчика при $i = \{0, 1, 2\}$ в ответ на локальное повышение $ИП_{вх}$. Иными словами, чем больше $ИП_{вх}$, тем меньше $ИП_{вых}$ в первое время (т.е. при малом лаге между рядами данных).

Такое первичное замедление может объясняться тем, что для восприятия сравнительно большой порции новой информации, поступившей за сравнительно небольшое время, переводчик отрывает значительную часть когнитивного ресурса от процесса порождения речи на переводящем языке и сосредотачивается на восприятии исходного текста. С другой стороны, отрицательная корреляция при $i = 0$ также означает, что при значительном падении $ИП_{вх}$ переводчик может перенаправить значительный высвободившийся когнитивный ресурс, ранее задействованный в перцептивном компоненте СП, на более быстрый подбор эквивалентов хранящимся в рабочей памяти единицам информации и ускоренное проговаривание текста перевода.

Положительные значения корреляции $ИП_{вх}/ИП_{вых}$ в интервале лагов $i = (3, \dots, 10)$, по-видимому, следует объяснять компенсаторной реакцией на первичное падение $ИП_{вых}$ на лагах $i = \{1, \dots, 3\}$. То есть, если в некоторый момент $ИП_{вх}$ увеличивается, то в первое время переводчик сокращает $ИП_{вых}$, затем навёрстывает «упущенное» путём увеличения $ИП_{вых}$ (что приводит к разгрузке рабочей памяти и сокращению EVS). Подтверждением такого объяснения может служить то, что лаг, на котором корреляция $ИП_{вх}/ИП_{вых}$ сменяется с отрицательной на положительную приблизительно совпадает с лагом, на котором имеет место максимум положительной корреляции $ИП_{вх}/EVS$. Иными словами, максимум EVS в среднем наступает на лаге $i = 2, \dots, 3$ после локального повышения $ИП_{вх}$, при том же значении $i = \{2, \dots, 3\}$ переводчик начинает ускоренно проговаривать свой перевод, освобождая РП (и сокращая EVS).

$EVS/ИП_{вых}$

При нулевом смещении корреляция $ИП_{вх}$ и EVS составляет порядка 0.1. Максимум положительной корреляции данных параметров наблюдается в районе $i = \{2, \dots, 3\}$ ($PA r_s = 0.30$; $AP r_s = 0.23$).

EVS и компрессия (потери)

В некоторых исследованиях сообщается, что величина EVS положительно коррелирует с вероятностью компрессии (потери) части информации в переводе [см. например, Varik, 1975]. Результат

проверки данного утверждения на нашем материале оказался неоднозначный.

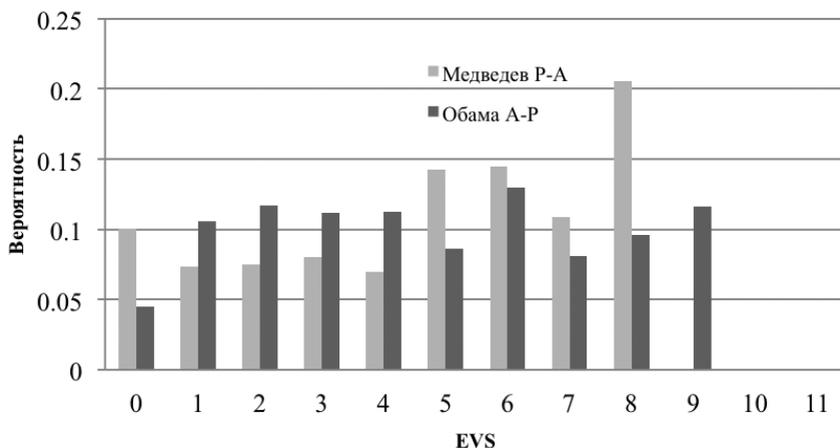

Рис. 4. Распределение вероятностей компрессии (потерь) в зависимости от EVS

Вопреки ожиданиям в англо-русском СП мы не обнаружили существенной зависимости между вероятностью компрессии (потери) и EVS. Как видно из рис. 4, вероятность компрессии (потери) для всех значений EVS осталась приблизительно на одном и том же уровне. С другой стороны, в русско-английском СП есть некоторое преобладание случаев компрессии (потерь) при больших значениях EVS (6–9).

К сожалению, полученные данные не позволяют с уверенностью утверждать, что вероятность компрессии повышается пропорционально EVS (т.е. загруженности РП). Если такой же результат будет получен и на более обширном материале, то можно будет сделать вывод, что величина EVS сама по себе не является существенным фактором, вынуждающим переводчика задействовать стратегии разгрузки в СП. Т.е. переводчик стремится убирать или имплицировать несущественную информацию всегда, даже при сравнительно небольших значениях EVS. В этой связи Э. Пим утверждает, что «опущения, не несущие большого риска для достижения цели коммуникации, происходят постоянно и практически не зависят от динамики исходного текста» [Рум, 2008]. Однако в таком случае остаётся открытым вопрос об объективных критериях рискованности опущений.

Также возможно, что в моменты сравнительно большой загруженности рабочей памяти возрастает не столько вероятность осмысленной компрессии, сколько вероятность неконтролируемых

потерь значимой информации. Однако рассмотрение данного вопроса выходит за рамки данной статьи.

В заключение необходимо отметить, что результаты данного исследования носят предварительный характер и требуют проверки на большем объеме текстов.

5. Заключение

Полученные результаты полностью соответствуют модели распределяемых усилий [Gile, 1999]: локальное повышение $ИП_{\text{вх}}$ влечёт отсроченное на 2–3 ЗС повышение EVS и немедленное снижение $ИП_{\text{вых}}$ и наоборот, локальное уменьшение $ИП_{\text{вх}}$ влечёт отсроченное на 2–3 ЗС сокращение EVS и немедленное увеличение $ИП_{\text{вых}}$. Иными словами, переводчик стремится снизить когнитивную нагрузку в каждый момент времени, минимизируя параллельность протекания компонентов СП, путём динамического перераспределения когнитивного ресурса в пользу наиболее критичных в данный момент когнитивных процессов.

Когда $ИП_{\text{вх}}$ локально увеличивается, переводчик, не успевая обработать информационно плотные сегменты исходного текста с той же скоростью, с которой они поступают, вынужден замедлять или приостанавливать процесс порождения перевода и перенаправлять ограниченный когнитивный ресурс на восприятие и понимание исходного текста. Часть когнитивного ресурса также перенаправляется на память, так как в связи с падением $ИП_{\text{вых}}$ переводчик во избежание потери входящей информации вынужден её накапливать в рабочей памяти. При последующем локальном снижении (или даже падении до нуля) $ИП_{\text{вх}}$, значительный когнитивный ресурс может быть перенаправлен на порождение речи, наступает этап разгрузки рабочей памяти и проговаривания перевода, характеризующийся относительно высокими величинами $ИП_{\text{вых}}$. Г. Барик делает аналогичное наблюдение: «...во время пауз в речи оратора переводчик имеет тенденцию говорить несколько больше, чем следовало бы ожидать в случае, если скорость речи переводчика и скорость речи оратора были бы независимыми величинами. Таким образом, переводчик использует паузы в речи оратора для сокращения периодов одновременного восприятия исходного текста и порождения перевода» [Barik, 1973].

Вопреки ожиданиям, существенной прямой зависимости между вероятностью компрессии (потерь) и EVS , по крайней мере, в англо-русском СП, не выявлено. По-видимому, это свидетельствует о том, что компрессия, генерализация, имплицирование и опущение не-

существенной информации являются постоянными процессами, не зависящими от локальной загруженности рабочей памяти.

Средневзвешенная по времени величина EVS, отражающая загруженность рабочей памяти синхронного переводчика, как в англо-русской, так и в русско-английской языковой комбинации составила 4.34 и 2.65 значимых слова соответственно. Это позволяет предположить, что переводчики, несмотря на в общем больший по сравнению с не-переводчиками объём рабочей памяти [Padilla, Bajo, Macizo, 2005], склонны поддерживать комфортный для себя режим загруженности РП, соответствующий максимальному для не-переводчиков объёму рабочей памяти — приблизительно 4 единицы информации (см., например, [Cowan, 2001]).

Также следует отметить заметную и разницу между значениями EVS в англо-русском и русском-английском СП. Скорее всего, она обусловлена тем, что в рассмотренном материале средняя взвешенная по времени величина ИП_{вх.} в английском оригинале выше, чем в русском (2.09 ЗС и 1.51 ЗС соответственно). С другой стороны, несоответствие средневзвешенных значений EVS в русско-английском и англо-русском СП может быть связано не столько с разницей между ИП_{вх.} соответствующих оригиналов, сколько с тем, что при прочих равных условиях восприятие речи на родном языке заметно полнее, чем на иностранном [Griffiths, 1999] и, по-видимому, отнимает сравнительно меньше когнитивных ресурсов. В этой связи Вебер предположил, что лимит восприятия информации за единицу времени при переводе с родного языка выше, чем с иностранного [Weber, 2009]. Р.К. Миньяр-Белоручев [Миньяр-Белоручев, 1996, с. 166] считает, что синхронный перевод требует меньших усилий при переводе с родного языка на иностранный. В таком случае бо́льшая величина EVS в англо-русском СП может объясняться более длительным этапом понимания сегментов исходного текста. Для проверки этого предположения необходимо отдельное исследование на более обширном материале.

Список литературы

- Миньяр-Белоручев Р.К.* Теория и методы перевода / Р.К. Миньяр-Белоручев. М.: Московский Лицей, 1996. 208 с.
- Minyar-Beloruhev, R.K.* Teoriya i metody perovoda [Theory and methods of translation], Moscow: Moskovskiy Litsei, 1996, 208 p. (in Russian).
- Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод с французского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.Ф. Ширяев; Военный институт иностранных языков. М., 1973. 23 с.
- Shiryaev, A.F.* Sinkhronniy perevod s frantsuzskogo yazyka [Simultaneous interpretation from French] / Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20, A.F. Shi-

- гуаев; Voennyi institut inostrannykh yazykov, Moscow, 1973, 23 p. (in Russian).
- Ширяев А.Ф.* Специализированная речевая деятельность (психолингвистическое исследование на материале синхронного перевода): Дисс. ... докт. филол. наук, 10.02.20 / А.Ф. Ширяев. М.: 1979. 334 с.
- Shiryayev, A.F.* Specializirovannaya rechevaya deyatel'nost' (psikholingvisticheskoye issledovaniye na materiale sinkhronnogo perevoda) [Specialized speech activity (A Psycholinguistic Research of Simultaneous Interpretation)], Diss. ... dokt. filol. nauk: 10.02.20, A.F. Shiryayev; Voennyi institut inostrannykh yazykov, Moscow, 1979, 334 p. (in Russian).
- Anderson, L.* Simultaneous interpretation: Contextual and translational aspects. In S. Lambert & B. Moser-Mercer (Eds.), *Bridging the gap: Empirical research in simultaneous interpretation*. Amsterdam: Benjamins, 1994, P. 101–120.
- Baddeley, A.D., & Hitch, G.* "Working memory". In G.H. Bower (Ed.), *The psychology of learning and motivation: Advances in research and theory*, 8. 1974, P. 47–89.
- Barik, H.C.* Simultaneous interpretation: Temporal and quantitative data. *Language and Speech*, 16, 1973, P. 237–270.
- Barik, H.C.* Simultaneous interpretation: Qualitative and linguistic data. *Language and Speech*, 18, 1975, P. 272–297.
- Chernov, G.* Message redundancy and message anticipation in simultaneous interpreting in Lambert, S., Moser, B. (eds.), *Bridging the Gap: Empirical Research in Simultaneous Interpretation*, John Benjamin's, Amsterdam / Philadelphia, 1994, P. 139–154.
- Conrad, R. & Hull, A.J.* Information, acoustic confusion, and memory span. *British Journal of Psychology*, 55, 1964, P. 429–432.
- Baddeley, A.D.; Thomson, N; Buchanan, M.* Word length and the structure of short-term memory. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior* 14, 1975, P. 575–589.
- Christoffels, I.K. & De Groot, A.M.B.* Components of simultaneous interpreting: Comparing interpreting with shadowing and paraphrasing. *Bilingualism: Language and Cognition* 7 (3), 2004, P. 227–240.
- Christoffels, I.K.* Listening while talking: The retention of prose under articulatory suppression in relation to simultaneous interpreting. *European Journal of Cognitive Psychology*, 18 (2), 2006, P. 206–220.
- Cowan, N.* The magical number 4 in short-term memory: a reconsideration of mental storage capacity. *Behavioural and Brain Sciences*, 24 (1), 2001, P. 87–114.
- Darò, V. & Fabbro, F.* Verbal memory during simultaneous interpretation: Effects of phonological interference. *Applied Linguistics*, 15, 1994, P. 365–381.
- Fabbro, F. & Gran, L.* (1994). Neurological and neuropsychological aspects of polyglossia and simultaneous interpretation. In S. Lambert & B. Moser-Mercer (Eds.), *Bridging the gap: Empirical research in simultaneous interpretation*, Amsterdam: Benjamins, 1994, P. 273–317.
- Gerver, D.* The effects of source language presentation rate on the performance of simultaneous conference interpreters. In Foulke (Ed.), *Proceedings of the 2nd Louisville Conference on Rate and/or Frequency-Controlled Speech*, University of Louisville, 1969, P. 162–184.

- Gerver, D.* Simultaneous listening and speaking and the retention of prose. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 26, 1974, P. 337–341.
- Gerver, D.* Empirical studies of simultaneous interpretation: A review and a model. In R. W. Brisikin (Ed.), *Translation: Applications and research*, New York: Gardner Press, 1976, P. 165–207.
- Goldman-Eisler, F.* Segmentation of input in simultaneous translation. *Journal of Psycholinguistic Research*, 1, 1972, P. 127–140.
- Gile, D.* Testing the Effort Models' Tightrope Hypothesis in Simultaneous Interpreting — A Contribution. *Hermes* 23, 1999. P. 153–172.
- Gile, D.* Local cognitive load in simultaneous interpreting and its implications for empirical research, *Forum* 6, 2008, P. 59–77.
- Griffiths, R.* Speech Rate and NNS Comprehension: A Preliminary Study in Time-benefit Analysis. *Language Learning* 40-3, 1990, P. 311–336.
- Isham, W.P.* Memory for sentence form after simultaneous interpretation: Evidence both for and against deverbalization. In S. Lambert & B. Moser-Mercer (Eds.), *Bridging the gap: Empirical research in simultaneous interpretation*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1994, P. 191–211.
- Kim Yire.* Linguistic Characteristics and Interpretation Strategy Based on EVS Analysis of Korean-Chinese, Korean-Japanese Interpretation, *Méta: Translators' Journal*, vol. 50, № 4, 2005.
- Kroll, J.F., De Groot, A.M.B.* Simultaneous Interpreting: A Cognitive Perspective. *Handbook of bilingualism: psycholinguistic approaches*: Oxford University Press, 2005, P. 454–479.
- Lambert, S.* Information processing among conference interpreters: A test of the depth-of-processing hypothesis. *Méta* 33, 1988, P. 377–387.
- Oléron, P. & Nanpon, H.* Recherches sur la traduction simultanée, *Journal de Psychologie Normale et Pathologique* 62 (1). 1965, P. 73–94.
- Paneth, E.* An Investigation into Conference Interpreting. In Pöchhacker and Shlesinger (eds): *London University*. 1957/2002. P. 31–40.
- Padilla, F., Bajo, M.T., Macizo P.* Articulatory Suppression in Language Interpretation: Working Memory Capacity, Dual Tasking and Word Knowledge. *Bilingualism: Language and Cognition* 8 (3), 2005, P. 207–219. Cambridge University Press.
- Pym, A.* On Omission in Simultaneous Interpreting. Risk Analysis of a Hidden Effort. In: Hansen, Gyde, Andrew Chesterman and Heidrun Gerzymisch-Arbogast (eds.), *Efforts and Models in Interpreting and Translation Research: A tribute to Daniel Gile*. IX, 2009, P. 83–105.
- Treisman, A.M.* The effects of redundancy and familiarity on translating and repeating back a foreign and a native language. *British Journal of Psychology*, 56, 1965, P. 369–379.
- Weber, W.K.* The Importance of Sight Translation in an Interpreter Training Program, In Bowden, D.M. (Eds.), *Interpreting Yesterday, Today and Tomorrow: American Translators Association Scholarly Monograph, Series 4*, NY, State University of New York at Binghamton, 1990.

Д.Ю. Шебаршина,

аспирант Высшей школы перевода (факультета) МГУ
имени М.В. Ломоносова; e-mail: shebarshina-@mail.ru

СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ АНОМАЛИЯ

В статье рассматривается проблема понимания текста в ситуации синхронного перевода и герменевтики, представлены особенности данного вида устного перевода, освещена основная категория герменевтики — герменевтический круг. В результате анализа процесса понимания в синхронном переводе выявляется определённое противоречие между философией синхронного перевода и герменевтикой. В статье затрагивается речемыслительный механизм, отвечающий за осуществление синхронного перевода — механизм вероятностного прогнозирования.

Ключевые слова: перевод, синхронный перевод, герменевтика, герменевтический круг, механизм вероятностного прогнозирования, герменевтическая аномалия.

Daria Yu. Shebarshina,

Postgraduate student at the Higher School of Translation and Interpreting,
Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: shebarshina-@mail.ru

SIMULTANEOUS INTERPRETING AS A HERMENEUTIC ANOMALY

The present article deals with the problem of text understanding in terms of simultaneous interpreting and hermeneutics. The peculiarities of simultaneous interpreting are revealed hereafter as is the principal category of hermeneutics, viz. the hermeneutic circle. The analysis of the process of text understanding within simultaneous interpreting showed a clear contradiction between the philosophy of simultaneous interpreting and hermeneutics. The article also touches upon the mechanism of thinking and discourse generation that is in charge of simultaneous interpreting performing, i.e. the mechanism of probability prediction.

Key words: translating, interpreting, simultaneous interpreting, hermeneutics, hermeneutic circle, mechanism of probability prediction, hermeneutic anomaly.

В последнее десятилетие в мире происходит рост социальной значимости информации, то есть полезных сведений, приобретаемых субъектами с целью снижения уровня неопределённости и формирования представления о процессах и объектах [Дятлов, 2008, с. 294].

На заре развития цивилизации информация играла не первостепенную роль в существовании индивидуума, поскольку основополагающим был фактор жизнеобеспечения. По мере развития общества человек накапливал всё больше информации о мире, что

в итоге привело к стремительному прогрессу информационных технологий, то есть способов получения, сбора, переработки, хранения и передачи информации. Как отмечал нобелевский лауреат, экономист Кеннету Эрроу, в настоящее время «информация во многом схожа с товаром, потому что её важные свойства — редкость и ценность» [Эрроу, 2013]. Таким образом, в условиях колоссального роста значимости информации современное общество главный приоритет отводит получению мгновенного доступа к ней.

Важно отметить, что зачастую сведения поступают и передаются на разных языках, поэтому возникает потребность в быстром и качественном языковом посредничестве. Языковое посредничество — это определённый вид коммуникации, осуществляемый в условиях межъязыкового и межкультурного контакта. В условиях жёсткого временного регламента именно синхронный перевод обеспечивает интенсивную двуязычную коммуникацию. Однако прежде чем обратиться к столь сложному феномену, как синхронный перевод, в первую очередь стоит раскрыть само понятие перевода.

Н.К. Гарбовский определяет перевод как «общественную функцию коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующуюся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению реальной действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от одной семиотической системы к другой с целью, т.е. максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключённой в исходном сообщении, от одного коммуниканта другому» [Гарбовский, 2007, с. 214]. Данная *общественная функция коммуникативного посредничества между людьми* может реализовываться как на письме, так и устно, поэтому выделяют *письменный и устный перевод*.

«Устный перевод протекает в условиях однократного предъявления исходного сообщения в устной форме, часто на фоне множественных помех, без возможности вновь вернуться к начатому уже переводу, без права на его редактирование. Естественно, по своей полноте устный перевод будет отличаться от письменного» [там же, с. 213].

В.Н. Комиссаров характеризует *устный перевод* как «вид перевода, при котором оригинал и его перевод выступают в процессе перевода в нефиксированной форме, что предопределяет однократность восприятия переводчиком отрезков оригинала и невозможность последующего сопоставления или исправления перевода после его выполнения» [Комиссаров, 2001, с. 111].

При устном переводе создание текста перевода может происходить либо параллельно восприятию оригинала, либо после того,

как завершится восприятие оригинала. Соответственно различаются два подвида устного перевода: *синхронный перевод* и *последовательный перевод*. «Синхронный перевод — это способ устного перевода, при котором переводчик, слушая речь оратора, практически одновременно (с небольшим отставанием 2–3 сек.) проговаривает перевод» [там же, с. 112].

Осуществление синхронного перевода одновременно с восприятием сообщения на языке оригинала являет собой принципиальное отличие данного вида языкового посредничества от других видов коммуникативной деятельности. «Особенность синхронного перевода, отличающая его от всех остальных видов перевода, заключается именно в том, что его основная и, по сути, единственная цель — обеспечить общение между разноязычными участниками акта коммуникации в момент совершения этого акта» [Чернов, 1987, с. 12].

Всякая переводческая деятельность представляет собой герменевтический процесс. Герменевтика — это теория интерпретации текста, наука о постижении смысла. В философии герменевтика представляет собой направление, исследующее теорию и практику истолкования, интерпретации, понимания.

Герменевтика сложилась как теория о предпосылках, возможностях и особенностях процесса понимания. Название “*герменевтика*” находится в символической связи с Олимпийским богом Гермесом, который вошёл в мифологию как родоначальник переводчиков. «От имени бога Гермеса образовано слово “*герменевтика*”, означающее способность *толковать, интерпретировать, разъяснять* и нередко используемое в современной теории перевода для обозначения этапа понимания, расшифровки исходного речевого сообщения» [Гарбовский, 2007, с. 35].

Создателем первой теории герменевтики принято считать Святого Августина. Герменевтика Святого (Блаженного) Августина формируется на основе интерпретации священных текстов в свете церковной традиции. В своей работе «Христианская наука или основания герменевтики и церковного красноречия» он первым определил такую герменевтическую категорию, как «понимание». Святой Августин трактует «понимание» как переход от знака к значению: «Знаки искусственные или условные суть те, которыми существа живые по взаимному согласию выражают свои душевные движения, чувствования и мысли. Цель употребления их состоит в том, чтобы посредством их передать и напечатлеть в душе другого то, что находится в уме человека, дающего знак» [Блаженный Августин, 2004, с. 20].

Основы герменевтики как общей теории понимания были заложены Фридрихом Шлейермахером, который выявил в тексте

предметно-содержательный (грамматический) и индивидуально-личностный (психологический) аспекты. Содержание текста, т.е. «языковое обозначение», было противопоставлено «выражению духовной жизни автора» в тексте, то есть «мыслям из совокупности жизненных моментов индивида». Главное в герменевтике, как считал Шлейермахер, «понять не предметное содержание, выраженное в мысли, а самих мыслящих индивидов, создавших тот или иной текст» [Шлейермахер, 2004, с. 38].

В настоящее время в герменевтике понятие «текст» трактуется предельно широко: «от письменной формы в рамках естественного языка до записи текста в любой знаковой системе, от формы живого высказывания до выражения чувств и эмоций, выраженных в форме восклицаний (междометий)» [Суворова, 2005].

Ф. Шлейермахер вводит общий закон герменевтики, который впоследствии получил название герменевтического круга. Герменевтический круг представляет собой особенность процесса понимания, связанную с его циклическим характером. Согласно учёному, «для понимания целого, необходимо понять его отдельные части, но для понимания отдельных частей уже необходимо иметь представление о смысле целого. Чтобы понять некоторый текст, надо понять отдельные предложения, но для понимания каждого предложения надо уже располагать пониманием текста; чтобы понять предложение, надо понять отдельные слова, но для правильного понимания их смысла надо понимать предложение и т.д. Слово есть часть относительно предложения, предложение — часть относительно текста, текст — часть относительно творческого наследия данного автора, тексты данного автора — часть определённой жанровой совокупности и т.д.» [Шлейермахер, 2004, с. 29].

Основоположник философской герменевтики Ганс-Георг Гадамер, опираясь в своих воззрениях на предшественников, решает проблему понимания следующим образом: обращение к любому тексту требует, прежде всего, «опыт осмысления — осмысления, непрестанно продолжающего выражать себя средствами языка, осмысления, никогда не начинающегося с нуля и никогда не замыкающегося на бесконечности» [Гадамер, 1991, с. 15]. Таким образом, Гадамер настаивает на необходимости личностного прочтения текста, его переосмысления и переоценки.

Определив проблему понимания с позиции герменевтики, мы переходим к рассмотрению данного вопроса с позиции синхронного перевода.

«К сожалению, в современной отечественной науке о переводе постсоветского периода экспериментальные исследования и теоретические модели деятельности устного переводчика весьма редки.

В то же время их методологическая значимость очевидна, так как анализ действий устных переводчиков, поддающийся непосредственному наблюдению, способен раскрыть многие важнейшие аспекты переводческой деятельности в целом» [Гарбовский, 2015, с. 13].

Г.В. Чернов характеризует синхронный перевод как «двуязычную коммуникативно-речевую деятельность, осуществляемую в экстремальных условиях — мощных физических, психологических и семантических «помех», острого дефицита времени и внешнего контроля за темпами протекания деятельности» [Чернов, 1978, с. 130]. Вышеперечисленные экстремальные условия осуществления переводческой деятельности определяют особенности синхронного перевода. А.Ф. Ширяев выявляет главную особенность синхронного перевода — «параллельность восприятия речи оратора и порождения речи на языке перевода» [Ширяев, 1979, с. 6], при этом перечисляя и другие особенности, в первую очередь жёсткий лимит времени: время осуществления синхронного перевода «в 2 раза меньше того, которым располагает переводчик при последовательном переводе, и в 20–30 раз меньше, чем при письменном переводе текста той же речи» [там же]. Учёный отмечает и «посегментный характер синхронного перевода: синхронный переводчик переводит текст по сегментам по мере их поступления, тогда как при последовательном переводе (как и при письменном переводе письменных материалов) переводчик сначала прослушивает (прочитывает) весь текст» [там же].

Посегментное восприятие речи в процессе синхронного перевода с её посегментным переосмыслением и переоценкой противоречит понятию герменевтического круга, поскольку, как уже отмечалось выше, герменевтический круг предполагает неоднократное обращение к тексту, в ходе которого происходит осмысление «отдельных частей» через «целое» и «целого» через «отдельные части». При синхронном переводе смысл высказывания извлекается поэлементно, при этом вышеупомянутые экстремальные условия перевода не позволяют переводчику вернуться к переосмыслению высказывания. Таким образом, мы приходим к следующему выводу: синхронный перевод представляет собой герменевтическую аномалию, существование которой возможно благодаря определённым речемыслительным процессам переводчика.

Экстремальные условия речемыслительной деятельности в процессе синхронного перевода и само существование синхронного перевода показывают существование определённых речемыслительных механизмов, способных обеспечить деятельность синхронного перевода. В качестве такого механизма, как было показано в работах Г.В. Чернова, выступает «механизм вероятностного прогнози-

рования вербального и смыслового развития развивающегося во времени сообщения на иностранном языке и упреждающего синтета порождаемого сообщения на языке перевода» [Чернов, 1978, с. 131].

Понятие вероятностного прогнозирования основано на фундаментальном методологическом понятии опережающего отражения действительности, событий внешнего мира в живом организме, которое рассматривается как «основная форма приспособления живой материи к пространственно-временной структуре неорганического мира, в котором последовательность и повторяемость являются основными временными параметрами» [Анохин, 1978, с. 18].

Суть идеи вероятностного прогнозирования в синхронном переводе сводится к тому, что в процессе слухового восприятия речи у переводчика путём подсознательной субъективной оценки вероятностей дальнейшего развития данной смысловой или вербальной ситуации возникают гипотезы о том или ином смысловом/вербальном развитии либо завершении намерений автора, выраженных в речевом сообщении. В ходе дальнейших процессов переводчик подтверждает или отклоняет свои гипотезы, ориентируясь на критические точки продолжающего поступать речевого сообщения одновременно на ряде уровней. Вероятностное прогнозирование определяется как «предвосхищение будущего, основанное на вероятностной структуре прошлого опыта и информации о наличной ситуации» [Фейгенберг, 1977, с. 3].

Таким образом, вероятностное прогнозирование, «как механизм, лежащий в основе процесса восприятия речи на исходном языке синхронистом, является многоуровневым, иерархически организованным процессом, в котором условными вероятностями связываются единицы каждого уровня; на уровнях слога — слова — синтагмы — высказывания — связного сообщения, а также на уровне коммуникативной ситуации. Чем выше избыточность¹ сообщения, тем выше вероятность правильного предсказания его развития на каждом из выделенных уровней. Верно и обратное: чем меньше избыточность, чем больше плотность информации в сообщении, тем ниже вероятность правильного предсказания его развития» [Чернов, 1978, с.133].

В завершении данной статьи представляется необходимым привести суждение Ганса-Георга Гадамера, в котором он проводит аналогию между деятельностью переводчика и беседой: «переводчик

¹ Избыточность — величина, которой измеряется относительная доля излишне используемых сообщений в некотором алфавите [Большая советская энциклопедия, 1978].

часто мучительно осознает дистанцию, отделяющую его от оригинала. В самом его обращении с текстом есть что-то от усилий по достижению взаимопонимания в устной беседе» [Гадамер, 1988, с. 230]. «Мы говорим, что мы «ведём» беседу; однако чем подлиннее эта беседа, тем в меньшей степени «ведение» её зависит от воли того или иного из собеседников... Что «выяснится» в беседе, этого никто не знает заранее. Достижение взаимопонимания или неудача на пути к нему подобны событию, случающемуся с нами. И лишь когда разговор окончен, мы можем сказать, что он получился или же что судьба ему не благоприятствовала» [Гадамер, 1988, с. 229].

Таким образом, «достижение взаимопонимания в беседе» подобно успешному функционированию механизма вероятностного прогнозирования в процессе синхронного перевода, что позволяет нам сделать следующий вывод: синхронный перевод — особая среда герменевтического опыта, позволяющая преодолеть пропасть между языками и достичь взаимопонимания между сторонами.

Список литературы

- Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональной системы: Избранные труды. М.: Наука, 1978. 400 с.
- Anohin, P.K.* Filosofskie aspekty teorii funkcional'noj sistemy: Izbrannye trudy [*Philosophical aspects of the theory of functional systems*], Moscow: Nauka, 1978, 400 p. (in Russian).
- Блаженный Августин.* Христианская наука или основания герменевтики и церковного красноречия. М.: Библиополис, 2007. 512 с.
- Blazhennyj Avgustin.* Hristianskaja nauka ili osnovanija germenevtiki i cerkovnogo krasnorechija [Christian Science or the bases of the sacred hermeneutic sand church eloquence], Moscow: Bibliopolis, 2007. 512 p. (in Russian).
- Гадамер Г.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Gadamer, G.-G.* Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevtiki [Truth and Method], per. s nem. B.N. Bessonova, Moscow: Progress, 1988, 704 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
- Garbovskij, N.K.* Teorija perevoda: Uchebnik [Translation Theory], Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007, 544 p. (in Russian).
- Н.К. Гарбовский,* Теория и методология устного перевода: традиции отечественной школы // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 2.
- Garbovskij, N.K.* Teorija i metodologija ustnogo perevoda: tradicii otechestvennoj shkoly [Theory and methodology of interpreting: traditions of national school], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda. 2015, No 2* (in Russian).

- Дятлов С.А.* Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование: Монография. СПб: Астерион, 2008. 294 с.
- Djatlov, S.A.* Informacionno-setevaja jekonomika: struktura, dinamika, regulirovanie: *Monografija* [Information and network economy: structure, dynamics, control], St. Petersburg: Asterion, 2008. 294 p. (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение: Учебное пособие. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
- Komissarov V.N.* Sovremennoe perevodovedenie: Uchebnoe posobie [Contemporary Translation Studies], Moskow: JeTS, 2001, 424 p. (in Russian).
- Суворова А.Н.* Введение в современную философию: Учебное пособие. Киев, 2005. 165 с.
- Suvorova, A.N.* Vvedenie v sovremennuju filosofiju: Uchebnoe posobie [Introduction to modern philosophy], Kiev, 2005, 165 p. (in Russian).
- Фейгенберг И.М.* Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М.: Наука, 1977. 392 с.
- Fejgenberg, I.M.* Verojatnostnoe prognozirovanie vdejatel'nosti cheloveka, Moskow: Nauka, 1977, 392 p. (in Russian).
- Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода: Учебник для инст-ов и фак-ов иностр. яз. М.: Высшая школа, 1987. 256 с.
- Chernov, G.V.* Osnovy sinhronnogo perevoda: Uchebnik dlja inst-ov i fak-ov inostr. jaz [The basics of simultaneous interpreting], Moskow: Vysshaja shkola, 1987, 256 p. (in Russian).
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. М.: Междунар. отношения, 1978. 253 с.
- Chernov, G.V.* Teorija i praktika sinhronnogo perevoda [Theory and practice of simultaneous interpreting], Moskow: Mezhdunar. otnoshenija, 1978, 253 p. (in Russian).
- Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.
- Shirjaev, A.F.* Sinhronnyj perevod: Dejatel'nost' sinhronnogo perevodchika i metodika prepodavanija sinhronnogo perevoda [Simultaneous interpreting: the work of interpreter and the methods of teaching simultaneous interpreting], Moskow: Voenizdat, 1979, 183 p. (in Russian).
- Шлейермахер Ф.* Герменевтика / Перевод с немецкого А.Л. Вольского. СПб.: Европейский дом, 2004. 242 с.
- Shlejermaher, F.* Hermenevtika [Hermeneutics], Perevod s nemeckogo A.L. Vol'skogo, St. Petersburg: Evropejskij dom, 2004, 242 p. (in Russian).
- Эрроу, Кеннет.* Информация как товар и проблемы экономической теории: Лекция. Полит.ру, 2013.
- Jerrou, Kennet.* Informacija kak tovar i problemy jekonomicheskoj teorii: Lekcija [Information as a good and economic theory problems], Polit.ru, 2013 (in Russian).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

В.Г. Кульпина,

доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

В.А. Татаринov,

доктор филологических наук, президент Российского терминологического общества (РоссТерм); e-mail: rossterm@mail.ru

О КОНЦЕПТ-ОБРАЗУЮЩИХ ФУНКЦИЯХ ЗВУКОВЫХ И ЦВЕТО-СВЕТОВЫХ НОМИНАЦИЙ В ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ

Рассмотрены звуковые и цвето-световые номинации в концептообразующих функциях. Анализируется их представленность в военной поэзии и прозе. Описываются когнитивно-семантические процессы формирования нового концепта войны, оценивается их лингвопоэтическая роль в построении военной картины мира. Проводится структурирование языковых единиц в аспектах цвета — бесцветности, огня и света, света и тьмы, а также в этнолингвистических аспектах. Устанавливается соотношение физических явлений с метафорическими, лингвopsихологическими и ментальными конструктами, созданными поэтами и писателями.

Ключевые слова: концепт, номинация звука, термин цвета, номинация света, языковая функция, русский язык.

Valentina G. Kulpina,

Dr. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Viktor A. Tatarinov,

Dr. Sc. (Philology), President of Russian Terminology Society; e-mail: rossterm@mail.ru

THE FUNCTIONS OF SOUND, COLOR AND LIGHT NOMINATIONS IN THE CONCEPT CREATING IN WORLD WAR II POETRY AND PROSE

The sound, color and light nominations in the concept creating functions are considered. Their presence in the war poetry and prose are analyzed. The cognitive and semantic processes of new war concepts' developing are described; their linguopoetic role in the creating of worldview is estimated. Regulating language units considered in the dichotomy "us" vs. "them," "friend" vs. "foe," "color" vs. "colorlessness," "fire" vs. "light," "light" vs.

“darkness” and ethno-linguistic aspects are carried out. The correlations between physical phenomena and metaphoric linguopsychological mental constructions created by poets and writers are determined.

Key words: concept, nomination of sound, color term, light nomination, language function, the Russian language.

Очевидно, что картина Великой Отечественной войны как общего для нашей страны несчастья связана с глобальным нарушением привычного порядка вещей. Этот слом привычной жизни фиксирует и языковая картина мира. Статья посвящена психологическому перелому в восприятии окружающей жизни в тяжёлый период истории нашей страны, зафиксированному в произведениях отечественных поэтов и писателей-фронтовиков, которые боролись с фашизмом на полях сражений, в том числе и в качестве военных корреспондентов, а также поэтов, которые не были непосредственными участниками Великой Отечественной войны.

Из совокупной военной языковой картины мира нами отображены такие сегменты визуального восприятия, как цветовой и световой, а также сегмент слухового восприятия — «голоса войны».

В результате становится очевидным, что поэтические тексты и военная литература благодаря номинациям цвета, света и звуков сформировали сложный семантический образ событий второй мировой войны, который вошёл в нашу жизнь как святой образ, святой концепт Великой Отечественной войны как «правого дела».

Звуковая картина войны: свои и чужие

Разрушительная война влечёт за собой ощущение дестабилизации, дисгармонии мира. Дисгармония мира во время военных действий проявляется в негармоничной фоносемантике, связанной со звуками, издаваемыми артефактами военного времени. Любому говорящему на русском языке знакомо выражение *грохот войны*, содержащее в себе «показатель» силы и специфики звука вовлечённой в военные действия военной техники. Мы часто встречаем его в книгах на военную тематику. Ср. пример: «*Грохот войны*, который в первые годы после её окончания так часто слышался ему, а потом постепенно затих, вновь явственно донёсся до его слуха» [Чаковский, с. 10].

Грохочет тяжёлая бронетехника, при этом грохочущий звук принимает облик разных частей речи — существительных, причастий, наречий...: «...пробуравив воздух, снаряды разорвались *с грохотом* за траншеей...» [Смирнов, с. 17]; «...навстречу *грохочущей гусеницами громадине*, описывая тяжёлую дугу, полетела противотанковая граната» [Шолохов, с. 17].

Звуки войны могут иметь исключительно обобщённо-метафорическую и в то же время персонифицированную форму. Сердце во время войны тоже может *грохотать*: «Просыпался с *грохочущим*, скачущим сердцем» [Кожухова, с. 7], а небо — *реветь*: «Небо *ревело*, качалось, ветер колебал цветные нитки трассирующих» [Акулов, с. 2].

Модификацией грохота является *громыхание*: «...справа и слева, обтекая горизонт, *громыхание нависло угрожающими крыльями*» [там же, с. 27].

Звуки боя рисуются с помощью глагола звукоподражания — *бой гремит*: «Вокруг Николая *гремел ожесточённый бой*» [Шолохов, с. 18].

Звуки взрывов, бомбёжки, разрывы, свист и грохот снарядов, скрежет орудий, лязг гусеничных танков — это неделимая часть звуковой картины войны. Все слышали выражение *земля гудит* — это о Сталинградской битве, о битве на Курской дуге — великих сражениях Великой Отечественной войны. В описаниях часто говорится *всё гудело*: «А на северо-западе *всё гудело и гудело*, и в сплошном *вздыбившемся громе* уже не было ни перепадов, ни пауз» [Акулов, с. 20].

Гудеть может и сам воздух. Звуковая картина окружающей действительности после взрыва может принимать вид исключительно суггестивных сравнений. Ср. примеры: «Он дошёл до середины огорода, когда в податливую тишину ударился тугой раскат взрыва. Вздрогнул и весь *загудел воздух*, а следом наплыла другая волна, и там, на северо-западе, вдруг *застучало, нетерпеливо и требовательно, как будто кто-то ломился в гигантскую железную дверь*. Показалось, что и огород, и казарма, и раakitник, и овцы, вскочившие в испуге и бегущие навстречу, и небо — *всё это накрыто железным гудящим колпаком, по которому бьют тяжёлыми кувалдами и который не выдержит ударов, неминуемо расколется*» [там же, с. 26].

Трагическим символом военных действий является словосочетание *свист пуль*, напр., в *Победе* Александра Чаковского: «В последние годы часто ловил себя на том, что с безотчётной неприязнью смотрит на молодых журналистов-международников (...), никогда не голодавших, не слышавших *свиста пуль*» [Чаковский, с. 5].

Свист пуль являет собой чрезвычайно наглядный образ опасности погибнуть от пули врага (на войне она всегда рядом), который может предстать в развёрнутой форме: «*Пуля в свистящем рощерке* прошла совсем близко...» [Акулов, с. 21].

Пули свистят и в любимой у нас песне *Тёмная ночь*: «Тёмная ночь. Только *пули свистят* по степи, Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают».

Звуки, издаваемые орудиями, характеризуются по их долготе (длительности), способности отдаваться эхом как *раскат / раскаты*: Лексема *раскат* в ед. числе нередко характеризует неожиданные звуки орудий, имеющие определённую протяжённость: «В податливую тишину ударился тугой *раскат взрыва*» [там же, с. 26]. Лексема *раскат* может ассоциативно связываться с *плеском* воды: «К утру до Сухиничей *доплеснулся* первый орудийный *раскат*» [там же, с. 25].

Звуки, характеризующиеся по долготе, могут передаваться лексемой *рокот*. Так, *рокот* снарядов может катиться по дороге: «*Рокот катился* по пыльной дороге, / Грозно рычал раскалённый металл» [Сурков, с. 123].

Характеристика громких, длительных и в то же время расчленимых звуков орудий передаётся лексемой *канонада*: «За ракетником, в открытом поле, *орудийная канонада* как бы приблизилась...» [Акулов, с. 27].

Звуки, издаваемые разными типами оружия, значительно дифференцированы и нередко передаются глаголами, образованными на основе звукоподражания — *щёлкать* (повторяющиеся выстрелы), *хлопнуть* (одиночный, однократный выстрел) и др.: «Часто *щёлкали* винтовочные выстрелы...» [Шолохов, с. 28]; «*Хлопнул выстрел*» [там же, с. 29].

Глаголы *захлопать / хлопнуть*, часто характеризующие звук выстрела, выражают его начало: «Когда в лесу *хлопнули орудийные выстрелы...*» [Смирнов, с. 17]. *Захлопать* могут также разрывы мин: «По лесу веером легли и *гулко захлопали разрывы мин*» [Шолохов, с. 49].

Особым образом характеризуются звуки, издаваемые пулемётами. Их неожиданность передаётся начинательными глаголами *сыпануть, застучать*: «В спины *сыпанула пулёмётная очередь...*» [Акулов, с. 31]; «Из балки *застучали пулёмёты*» [Шолохов, с. 17]; «Дробно и глухо сливаясь воедино, *стучали очереди автоматов*» [там же, с. 28].

Начало звука и его повторяемость могут быть переданы через словосочетание *рассыпалась дробь*: «И тут же за увалом *рассыпалась дробь пулёмёта* и до забавного часто начала стучать какая-то пушчонка» [Акулов, с. 31].

Персонификация пулемёта, как и других военных орудий и механизмов, является нередким явлением, как в примерах ниже: «Ю-87» резко снижался (...). Навстречу ему, просто *захлёбываясь, бил ручной пулёмёт* сержанта Никифорова» [Шолохов, с. 28]. Звуки, издаваемые пулемётом, характеризуются как «*Заливистые пулёмётные трели*» [там же]. Простреленный пулемёт, жизнь которого кончается вместе с жизнью его хозяина, в поэтическом изложении

Николая Заболоцкого издаёт предсмертный крик: «С опалёнными веками / Припаду я убитый к земле. / Крикнет бешеным вороном, / Весь дрожа, замолчит пулемёт» (из песни *Иволга* из кинофильма *Семнадцать мгновений весны*).

Звуки взрывов могут получать характеристики, связанные с треском и расчленённой длительностью: «И в следующее мгновенье немцы ударили по оврагу, обороне и даже лесочку, где пряталась кухня, беглым огнём, и *взрывы, трескучие, рассыпчатые*, будто их бросили из одной горсти, слились в *дробный перепляс*» [Акулов, с. 105].

Образная передача звуков снарядов, выпущенных врагом, нацелена именно на демонстрацию их коварного характера: «Низко, над самой головой, раскинув *шуриющий хвост*, пролетело несколько снарядов» [там же, с. 81].

Звуковые характеристики танков, являя собой определённый стандарт описания работы механизмов (*рёв/шум моторов*), могут получать и весьма развёрнутые воплощения в случае, если это танки врага: «В балке *взрели моторы*, показали танки. (...) До чего же обнаглели, проклятые...» [Шолохов, с. 16]; «Не успели самолёты после двух заходов отвалить, как с бугра донёсся *шум моторов*, но уже совсем иной, *прижатый к земле, сплошной, перемешанный с лязгом и железным скрежетом гусениц*» [Шолохов, с. 31].

Звуки войны могут формировать как нерасчленённые синкретичные совокупности, так и расчленённые неоднородные множества, вбирающие в себя целый ряд звуков скорее психологической, чем физической природы, Ср. пример синкретичных образований: «Охватов стрелял навстречу *гулкой волне*, туда же смолил из своей винтовки Глушков. (...) Автоматная и винтовочная пальба, разрывы мин и гранат — всё слилось в один неперемежающийся *треск...*» [Акулов, с. 78].

Рассматривая приведённые выше формации как синкретичные, мы исходим из того, что «в основе синкретизма, понимаемого как «нерасчленённость», лежит синкретизм мышления, который может быть назван мифологическим синкретизмом, по причине того что мифология, миф является средоточием данного вида синкретизма. (...) Элементы мифологического сознания присущи и современному бытовому и гуманитарно-философскому сознанию» [Береснева, 2011, с. 21].

Сливаясь в синкретичное целое, звуки могут оглушать человека: «Сквозь *гул разрывов, воющий свист осколков и глухой обвальный шум падающей сверху земли* Лопахин тщетно пытался услышать *выстрелы своих зениток*. (...) В *дьявольском грохоте*, заполнившем всё вокруг, он почти не различал выкриков Сашки. *Оглушённый* и по-

давленный свирепствовавшим над землёю ураганом взрывов, он всё же находил в себе силы...» [Шолохов, с. 29].

Ср. далее пример языковых формаций, передающих звуки в виде дифференцированного расчленённого множества: «Правда, теперь не раздавались винтовочные выстрелы, не чистили автоматы, не стрекотали пулемёты, не слышались разрывы бомб и снарядов» [Чаковский, с. 10].

Некоторые такие множества могут иметь совершенно хаотический, незапланированный характер, случайное наполнение, обладая лишь одним общим признаком, имя которому — война: «На дороге перемешалось всё: кони, люди, сани, крики, разрывы снарядов, ружейная стрельба, ржание подбитых лошадей. Потом всё скатилось в низину и долго там гудело и рвалось, удаляясь и сникая» [Акулов, с. 81].

Категория *свой* — *чужой* в образном строе военного времени высвечивается со всей явственностью. Свои батареи «разговаривают» (такие характеристики не отмечаются в отношении вражеских орудий): «Володин стал различать (...) *дробный говор* зенитных батарей» [Ананьев, с. 25]; «Но пулемёты на запасных не смолкали, и Володин, улавливая их теперь совершенно *притуплённый говор*, с радостью отмечал, что рота не отступила...» [Ананьев, с. 42].

Особо выделяется звук чужих самолётов, самолётов врага, получающий скорее оценочные, а не физические характеристики, что демонстрирует целый ряд примеров: «Где-то на большой высоте *противно нудил самолёт*. За три месяца войны этот *нудный, ноющий* звук хорошо уже знали все: и животные, и люди. Воздух мелко дрожал, отзываясь на звуки чужого мотора» [Кожухова, с. 6]; «А часа через два этим же курсом прошло двенадцать немецких самолётов. Они летели так низко и так кучно, что *давящее гудение моторов с характерным подвыванием* навалилось на оборону внезапно и исчезло так же внезапно, как и сами самолёты» [Акулов, с. 94]; «Он неотрывно наблюдал за самолётом, снижавшимся *с низким, тягучим и нарастающим воем*» [Шолохов, с. 28].

Распознаваемый звук немецких самолётов является предметом рефлексии и детальных описаний: «*Рокот многих моторов*, слившийся вдали в сплошной гул, бойцы слышали значительно раньше, чем увидели немецкие самолёты. (...) Гул, сопровождавший их, рос чудовищно быстро, и в нем отчётливо слышалось какое-то *кипящее нехорошее подвывание, готовое вот-вот сорваться, но не срывалось, а резало и резало, насквозь сверлило воздух и опахнуло лица бойцов неуловимым жутким ветерком*» [Акулов, с. 27–28]; «Рассветло окончательно. В сыро серевшем небе (...) родился *ноющий звук самолёта. Звук немецкий, наши так не подвывают*» [Смирнов, с. 17];

«По тому, как надрывно гудели моторы, Царёв сразу определил, что летят «юнкерсы» [Ананьев, с. 25].

Звуки, характеризующиеся особой устрашающей громкостью, издают сирены врага: «Юнкерсы» пикировали с включёнными сиренами, и *сирены были так оглушительно и с таким надрывом*, что даже видавших виды солдат пробирал холод» [Ананьев, с. 25].

Звуковая картина изображения вражеских самолётов (*нарастающий рёв со свистящим воем*) может сочетаться с цветовой (*черные галки с коричневым носом*): «— Это галки там (...), а *рокот* уже перерос в *могучий рёв*, и теперь было ясно, что лился он с неба. Самолёты и в самом деле шли кучей в неровной галочьей стае; (...) Каждый летел в каком-то странном ныряющем наклоне, с растопыренными лапами, с коричневым носом и *отвратительным свистящем воем*» [Воробьёв, с. 4].

Вражеские бомбы издают отвратительные высокие нарастающие звуки, характеризуемые с помощью лексем *свист* и *визг*. Эти звуки хорошо знакомы солдатам, знающим, что последует за взрывом бомбы. Ср. примеры: «Знакомый, отвратительный *свист бомбы вырос* мгновенно, *сомкнулся с оглушительным взрывом*. По каске, по униженно согнутой спине Лопахина, *как крупный град, с силой забарабанили комья вздыбленной и падающей земли...*» [Шолохов, с. 27]; «Николай (...) успел дать всего лишь единственную очередь навстречу стремительно и косо падавшему на него самолёту. *К ревушему вою мотора* присоединился короткий, *нарастающий визг бомбы*» [там же, с. 18]; «Просыпаясь, слышала в ночи, / Как *фугаска*, падая, *визжит*, / Как кирпич расколотый кричит» [Сурков, с. 117].

Звуки войны могут передаваться через собственно звукоподражания на основе редупликации. Имитации звуков могут быть как протяжными, так и отрывистыми: «*И-и-и-ах-ах*! — выли и ныли бомбы. (...) *Дык-дыкдык-дык!* — лаяли где-то за станцией скорострельные зенитки. (...) *О-о-о-ох! О-ох!* — с отяжкой охнуло троекратно: видимо, на путях рвались боеприпасы. Бойцам, лежавшим на земле, показалось, что где-то рядом сдвинулась земля и поползла, гудя и осыпаясь» [Акулов, с. 28]; «Услышал треск своих пулемётов. (...) То прерываясь, то захлёбываясь, словно соревнуясь в торопливости: «*Та-та-та!*...» выводили мелодию накалённые стволы. «*Живы-живы-живы!*» — обрадованно повторял Володин...» [Ананьев, с. 46].

Изображение звуковой картины может поддерживаться световым компонентом (*звуковые вспышки*): «Временами, когда гул спадал, можно было расслышать протяжные и слитные *звуковые вспышки*, словно кто-то недалеко и скрытно разрывал на полосы плащпалатку» [Воробьёв, с. 5].

Звуковая и световая картины предстают как взаимопроникающие: «...слух его невольно фиксировал все *разнородные звуки огня*: и *обвальный грохот фугасок*, сыпавшихся в школьном саду возле огневых позиций зенитной батареи, и *частые удары зениток*, и *заливистые пулёмётные трели*» [Шолохов, с. 28].

Звуковая картина войны часто связана с аллегорическим изображением поезда, везущего людей на фронт. Эти картины мы нередко видим и слышим в кинофильмах о войне, например, когда на фронт уходят под звуки духового оркестра. Ср.: «На перроне собрался митинг. В вытоптанном скверике *играл духовой оркестр*... Оркестр играл марши один за другим, и Колька, слушая их, вдруг сделал поразившее его своей неожиданностью открытие: марши, всегда казавшиеся ему *звонкими, бодрыми*, на самом деле не были такими. В них совершенно отчётливо звучала *тревога, щемящая тоска*» [Акулов, с. 5]. Как видим, восприятие маршей под влиянием окружающей обстановки, облекаясь в языковые формы, преобразуется из явления физического в феномен лингвопсихологический.

Описания звуковой (и отчасти цветовой) картины едущих на фронт людей имеют историческую и аллегорическую ценность: «Из-за водокачки, где в светлом небе мигал зелёный огонёк семафора, выкатился *шумный и дымный* поезд. Весь перрон пришёл в движение, и началась суতোлка. И *женский плач*, и *мужская ругань*, и *разухабистые песни*, так не к месту, и *шум поезда* — *всё слилось, всё смешалось*, и только *тугие удары барабана* покрывали и вместе с тем ещё более увеличивали его» [там же, с. 6]; «Всё быстрее выскакивали из-за водокачки вагоны и сливались в один *зелёный пояс*; *шум смолкал*, и в окне снова виднелась только *красная кирпичная башня*, железнодорожное полотно и кучи шлака на полотне, оставленные паровозами...» [Ананьев, с. 44]. Ср. также звуки замедляющего ход поезда, какими они слышатся его пассажирам: «Вагон с *чётким постукиванием* прокатился по стрелкам, *туго заскрипели тормоза*, *без звона лязгнуло железо сцепления*, и поезд замедлил ход» [Акулов, с. 23].

Контрастом с тяжёлыми для восприятия человека звуками войны живут звуки природы, пение птиц, которыми нередко перемежается военный нарратив: «Откуда-то с вышины звучали простые, но безошибочно находящие дорогу к сердцу *трели жаворонков*...» [Шолохов, с. 17]; «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...» [Из песни *Соловьи* на слова А. Фатьянова // Песни..., с. 129].

Большую роль в повествованиях о войне играет *тишина* как антоним звука, звучания. Отсутствие звука предстаёт как *молчание людей* и *тишина в природе*; тишина персонифицируется и приобретает количественные параметры: «К утру над заснеженными, на-

сквозь простреленными увалами, *онемела огромная тишина*» [Акулов, с. 81]; «Ни выстрела, ни колёсного скрипа, ни бряцания оружием, ни собачьего брёха. *Тишина глубокая, промороженная, сухая, могущая зазвенеть сама собой*. Какая выпадает под Новый год» [Смирнов, с. 63].

Периоды боев сменяются периодами *тишины*: «После громового гула артиллерийской канонады, грохота разрывов и пулеметно-автоматной трескотни, раскатами ходившей вдоль всего переднего края, необычной и странной показалась Звягинцеву эта *внезапно наступившая тишина*... — Ну, вот и притихло (...). Он наслаждался *блаженной тишиной*...» [Шолохов, с. 33].

Особую знаково-символическую значимость имеет слово *затишье* — это такая тишина, которая в любой момент может быть нарушена: «На всём восьмикилометровом фронте Камской дивизии стояло *полное затишье*» [Акулов, с. 98]; «Однако майору повезло: на фронте скоро установилось *затишье*...» [Ананьев, с. 18]. Частотно словосочетание *часы затишья*. «Днём, как правило, бойцы ходили в наступление или сами отбивали атаки немцев, а если *перепадали часы затишья*, ковыряли и ковыряли мёрзлую землю, каждую ямку, всякую воронку приспособляли к обороне» [Акулов, с. 98]. *Часы затишья* редки, нерегулярны, они солдатам лишь *перепадают*.

Беззвучные картины передышки в повествованиях о войне сменяются звуковыми картинами обстрелов, мирный *сизый дымок кухни* как символ покоя сменяется *звуками взрывов*. М.А. Шолохов в своём описании стремится передать их особый тембр (*сухо зашумело, будто кто-то развёртывал газету*): «За крутым коленом овражка, в лесочке, увидели *сизый дымок кухни*, трубу её, и ускорили было шаг, но *в воздухе сухо и громко зашумело, будто кто-то над самой головой развёртывал газету*, а в следующий миг уже *прогремел взрыв*, снаряд разорвался так близко от кухни, что сорвал с трубы дымок. Начался очередной обеденный обстрел» [Шолохов, с. 98].

Анализ звуковой картины войны позволяет говорить о выраженном механоцентризме этой картины, связанном с работой оружия и боевой техники, которые характеризуются в художественном тексте, прежде всего по их силе (громкости), долготе, повторяемости и высоте, значительно реже по тембру. При этом особую важность с точки зрения характеристики звука имеет его источник и среда его распространения (см. подробнее о глаголах эмиссии: [Кобозева, 2015, с. 23–41]). Звуки механизмов могут имитировать человеческую речь — при этом «разговаривать» могут только «свои», «наши» орудия и никогда орудия и машины врага, которые в проанализированных текстах способны издавать лишь звуки, воспри-

нимаемые как ужасные и отвратительные. В качестве контраста звукам войны как особые сущности и ценности выступают звуки природы и тишина.

Цветовая картина мира войны: цвет и бесцветность — особенности концептуализации

Цветовая картина войны, как и звуковая, дисгармонична; дисгармония цвета выражается прежде всего как его утрата. Колористическая дисгармония проявляется в виде субъективного ощущения, что окружающий мир становится *чёрно-серо-белым*, меняет цветность на *блеклые тона* или вообще *лишается цветности*. Даже свои зенитки продуцируют только *чёрно-белые облачка*: «За лесом ударили зенитки, и *по небу рассыпались белые и чёрные облачка разрывов*» [Ананьев, с. 25].

Среди факторов, лишаящих мир цветности, изменяющих его в сторону ахроматической гаммы, выступают последствия разрушительного действия *огня* — *выжженная земля, обгоревшие, почерневшие, потемневшие* от военных пожаров дома — всё это «работа» огня. Ср. пример из романа «Они сражались за родину» Михаила Шолохова, который был на войне военным корреспондентом: «Снова расстилалась по обеим сторонам дороги *выжженная земля*, такая *тёмная и страшная* в своей молчаливой печали, что времени Звягинцев не мог на неё смотреть» [Шолохов, с. 19].

Пыль, в том числе дорожная, также лишает мир привычных для него красок. Пыль является неделимой частью войны и солдатского пути: «Пехотный взвод (...) / Он *пылит по дорогам* четвёртый год: / Он и Волгу, и Дон знавал» [Сурков, с. 172]. Пыль по умолчанию *серая*, что отражает словарь сочетаемости, в котором *серая пыль* занимает первое место, а затем уже приводятся другие её цветковые характеристики: *жёлтая, белая* и др.) [см.: УССС, 1979, с. 459]. Пыль порождает *серый цвет, серой массой* оседая на солдатских сапогах и шинелях, на лицах солдат, она олицетворяется и становится субъектом, *приглушающим краски*.

И хотя пыль в произведениях участников войны может иметь разные источники происхождения и быть не только серой, она в любом случае обесцвечивает и обезличивает мир, иногда вообще лишает возможности что-либо увидеть. Пыль в описаниях военного времени вездесуща и нередко приобретает свойства действующего субъекта. Ср.: «Из облака *жёлтой*, не успевшей осесть, *пыли* высунулся длинный ствол ружья, повернутый в сторону прорвавшегося танка...» [Шолохов, с. 9]; «Потом на секунду увидел и шевельнувшуюся *каска Звезгинцева (...), густо запорошенную пылью*

и теперь уже окончательно утратившую тусклый глянец защитной окраски» [Шолохов, с. 31]; «*В клубах пыли* трепетал над головой девушки красный флажок. Он то скрывался, как в тумане, то снова был виден хорошо и отчётливо. (...) Когда шоссе опустело и *пыль, оседая, свалилась за обочину*, Володин вышел на дорогу» [Ананьев, с. 5]; «Но соломинцы уже поднимались (...), *стряхивая пыль* и страх только что пережитой танковой атаки...» [Ананьев, с. 49]; «И снова густое облако *бурой пыли*, словно туманом, заволокло окопы, высоко поднялось в безветренном воздухе, закрыло солнце» [Шолохов, с. 31]; «Бомбы часто рвались вдоль линии окопов. (...) Лопатин (...) сквозь *мутно-бурю пелену взвихрившейся пыли* увидел слева взмывавший в голубое небо самолёт, различив даже свастику на хвосте его...» [Шолохов, с. 28].

Пыль может скрывать предметы полностью, лишая всякой возможности видеть: «Взбитая сотнями ног *густая, согретая за день пыль*, льнула к потным лицам, лезла в нос, в рот, в глаза. А сбоку колонны, *невидимый в пыли*, командовал старший: — Не растягиваться!» [Акулов, с. 5].

Частью языковой картины войны являются *дым* и *свинец*. В то время как в первом значении лексема *свинец* означает химический элемент, «тяжёлый мягкий, ковкий металл темно-серого цвета», то во втором значении раскрывается её перифрастическая сущность: «О пуле (пулях). *Врага встретили свинцом*» [БТС, 1998, с. 1160]. И таким образом, лексема *свинец* вызывает представление *о сером и темно-сером цвете* и об опасности: «*Окропив* обезумевших людей *свинцом*, самолёты развернулись в гигантскую карусель...» [Акулов, с. 28]; «*Испытало нас время свинцом* и огнём» [Сурков, с. 145] (о косвенных, неявных цветовых маркерах см.: [Кульпина, 2014, с. 103–111]). *Свинец* влечёт за собой разрушения и смерть: «Железо горит, как солома. (...) / *Секут* по буграм и камням / *Горячие струи свинца*» [Сурков, с. 168].

Свинец может *полоснуть* (как ножом): «Но соломинцы уже поднимались (...). Сейчас они *полоснут свинцом* по наступающей цепи...» [Ананьев, с. 49–50]. Метафорическое образование на базе лексем *свинец*, олицетворяющее собой пули, формирует в тексте уже новую метафору с глаголом *полоснуть*, и предстаёт здесь как особенно грозное оружие.

Хотя термин цвета *свинцовый* в русском языке бронирован скорее за таким явлением природы, как волны (ср. *свинцовые волны* реки, моря в серый, непогожий день), образ *свинцовой метели* в русскоязычном ареале вполне прозрачен, транспарентен, понятен — например, в песне *Берёзы* на слова Владимира Лазарева: «Неужто

свинцовой метелью земля запыляет окрест / И снова в солдатских шинелях ребята уйдут от невест...» [Песни..., с. 67].

Солдатский путь постоянно пролегает *сквозь дым*: «сквозь едкий дым...» [Сурков, с. 171]. Цветовой образ дыма в общем-то понятен нашим соотечественникам, поэтому лексема *дым* может выступать без цветовых маркеров: «Взвод шагал три года *сквозь дым и тьму*» [Сурков, с. 173]; «Даже *«солнце в дымной раме»* [Сурков, с. 171].

В создании картины войны участвует и глагол *дымиться* — например, в песне «На безымянной высоте» на слова М. Матусовского: «*Дымилась* роща под горою / И вместе с ней горел закат» [Песни..., с. 131].

Источником дыма могут стать подбитый вражеский бомбардировщик или танк: «Но вот головной бомбардировщик качнулся и пошёл вниз, распуская *густой шлейф дыма*» [Ананьев, с. 27]; «Танк развернулся над окопом и остановился, подбитый нашими артиллеристами; по броне скользнул яркий язычок пламени. И вскоре весь танк уже пылал, испуская *клубы чёрного дыма*» [Ананьев, с. 47].

Военный дым нередко имеет *чёрную окраску*: «Сотни снарядов и мин, со свистом и воем вспарывая горячий воздух (...), вздымая брызжащие осколками *чёрные фонтаны земли и дыма...*» [Шолохов, с. 35].

Дым и огонь на войне сопрягались в кошмарный круговорот необратимых последствий: «Немцы непрерывно били из миномётов и дивизионных пушек. Град осколков вместе с *искрами* засыпал окопы. Дым был такой едкий, что пришлось надеть противогазы... Резина *дымилась!* Глаза у бойцов *краснели* и опухали... *Кожа багровела* и вздувалась волдырями... Четверо ослепли... *Обмундирование дымилось и загоралось*, но люди держались!..» [Богомолов, с. 35].

Обратившись к артефактной сфере, мы наблюдаем, что в качестве обесцвечивающего предметы-артефакты фактора на войне могут выступать *природные явления* — солнце, дожди и метели: из-за них *шинели* и другие вещи *выцветают* в долгих переходах. Ср. пример, иллюстрирующий исчезновение цвета, цветности у солдатских вещей: «Шли с войны домой советские солдаты. / От жары, от злого зноя / Гимнастёрки на плечах повыгорали» (из песни «Солнце скрылось за горою» на слова А. Коваленкова, см.: [Песни..., с. 135]); «Бывалые солдаты с орденами, медалями, гвардейскими значками и нашивками за ранения *на побелевших от солнца и стирки гимнастёрках...*» [Богомолов, с. 40]; « — Садитесь. Как раз туда и еду, — сказал сержант, перебрасывая на заднее сиденье шинель и выдавший виды *выцветший вещевого мешок*» [Чаковский, с. 13].

В то же время *камуфляжная форма* и *камуфляж* землянок и орудий сводят краски к какому-то общему знаменателю: «...теперь со-

бралось ещё больше машин — несколько «эмок», окрашенных во *фронтовые камуфлирующие цвета*, поблёскивающий свежей чёрной краской, очевидно, недавно присланный из Москвы «ЗИС-101», а также иностранные «хорьхи», «мерседесы» и «форды» с английскими и американскими флажками на радиаторах» [Чаковский, с. 15]. Цвета камуфляжа названы здесь фронтowymi — *фронтовые цвета*.

Если мы обратимся к *результатам войны*, военных действий, обычно они предстают тоже как царство *ахроматики* — чёрного, тёмного или серого цвета с редкими вкраплениями других цветов: «...в лица солдат молча смотрели пустые или наполненные водой *тёмные глазницы воронок*, мёртвые развалины домов...» [Чаковский, с. 10]; «*Седые*, покрытые щебёночной пылью развалины, руины, по которым, *точно зелёные ручейки*, ползли змейки плюща» [Чаковский, с. 10]; «Сутками, неделями не утихали эти бои за господствующие высоты, за хутора и деревни, от которых остались *обгорелые*, измочаленные осколками и пулями *вётлы* да *почерневшие печи* — кормилицы и родные матери многих поколений крестьянских семей» [Акулов, с. 90]; «...Хату никто не тушил, и к вечеру она *истлела* до основания. *В середине пожарища* непоколебимо, устремлённо, как паровик, стояла русская *печь с высокой красной трубой*» [Воробьёв, с. 12].

Серый пепел и *обгорелые (сгоревшие) дома* являются постоянным атрибутом описаний войны и её результатов: «*Под серым пеплом чёрный сруб*» [Сурков, с. 93].

В поэзии ахроматическая картина войны может представлять в исключительно образной форме: «*Ворон-могильщик, от пепла горячего серый, / Падает в чёрную ночь с обгорелых ворот...*» [Сурков, с. 81].

Убитые на войне и в результате фашистских зверств люди предстают чёрной массой: «Раненые, добитые выстрелами в лицо, лежали *чёрной обугленной грудой* на залитой солнцем поляне. Их сложили в костёр, как дрова, и облили бензином» [Кожухова, с. 10].

В цветовой картине войны часто проступает цвет пролитой солдатами крови. Кровь нередко имеет косвенные, домысливаемые воплощения: раненые на войне, медсестра, перевязывающая солдатские раны. Солдатский госпиталь, медсанчасть — это вместилище *белого и красного цвета*: «С тыловой стороны был другой вход (...). Сквозь него выносили оцинкованный таз, наполненный изъятymi осколками, *окровавленными бинтами и ватой*» [Ананьев, с. 31]; «Вместо гулко, летящего обломками неба над ним мирно *белел* госпитальный, с лепниною потолок. — Что, военврач? — шептал *белый от гипса* сосед. — Всё воюешь? В атаку, ура?» [Кожухова, с. 7]; «Полковая санитарная часть помещалась в тесовом бараке, *побелённом изнутри известью*» [Акулов, с. 13].

Кровь во время войны — это и кровь на донорском пункте. Ср. пример: «Честно сказать: ненавижу всякое стояние в очередях. (...) Но тогда, в сорок первом, я гордилась той длинной, нескончаемой очередью на донорский пункт. Мою кровь взяли очень поздно, уже на рассвете. Двести граммов горячей, богатой гемоглобином, молодой моей крови. Целый стакан жидкости, похожей по цвету на вино» [Кожухова, с. 4].

Ещё один пример. «Когда-то война рисовалась Петрякову существом довольно порядочным: вот это можно делать на войне, а это нельзя, не полагается. Нельзя, например, убивать стариков и детей. Или женщину. Или пленного. Нельзя бросать бомбы на лазареты, тем более, если на их крышах отчётливо прорисован *большой красный крест*» [Кожухова, с. 14].

Кровь присутствует в окружающем пейзаже: «Меловые скалы над Осколом / *Зарево пожара кровянит*» [Сурков, с. 11]; «Небо кровью залила заря» [Сурков, с. 163]; «Снег в *накрапе кровавой росы...*» [Сурков, с. 177].

Очередной год войны — тоже *кровавый*: «Уже потерян горький счёт убитым. / Грядёт *кровавый третий год* войны [Игнатов, с. 94].

Кровавый след оставляет война и на облике всей страны: «Нашей стране, ещё полуразрушенной, *кровоточащей*, пришлось тратить тогда многие миллионы рублей, чтобы создать свою собственную бомбу [Чаковский, с. 9].

С помощью цветослов создаётся специфическая хронология войны. В языковой картине мира время живёт в других категориях, нежели в реальности. Хотя война распространилась у нас на все времена года, её изображение всё-таки чаще приходится на осенне-зимний период, когда защитникам нашей родины приходилось особенно тяжело. Осенне-зимнему периоду сопутствуют соответствующие *приглушённые цветовые маркеры и ахроматическая гамма*. Именно осенне-зимний период в эмоциональном плане соответствует состоянию людей, переживающих войну. Ср. примеры: «Услыхав голос чужого мотора, здесь, над Старой Еланью, Иван Григорьевич хмуро задумался и долго глядел в *осеннее низкое небо с белыми ниточками падающих звёзд*» [Кожухова, с. 7]; «В лесу было по-осеннему сыро и неуютно. Дождь, ливший два дня кряду, перестал ещё ночью, но вымокшие деревья так и не обсохли, *кора* на них была влажная и потому *чёрная* [Акулов, с. 19]; «За окопами — *серая лента реки*. Дальше — *чёрный выжженный город* [Сурков, с. 139].

Термин жёлтого цвета при обозначении природных реалий военной поры однозначно не вызывает радостных чувств. Ср.: «Жди, когда наводят грусть *жёлтые дожди*» [Константин Симонов, стихотворение *Жди меня, и я вернусь*]; «*Жёлтой жижей* по каскам бегут

ручейки / И ознобом стекают за ворот. / Впору волком завывать от погоды такой / И палить в облака из нагана. / Только то и отрадно, что им за рекой / Так же сыро и так же погано» [Сурков, с. 139]; «*Небо* на востоке *пожелтело*. Посыпался дождь, за ним мелкий снег и снова дождь. Не уважает он такую погоду» [Смирнов, с. 9].

В повествованиях о войне нередко выступает *тёмное время суток*. Ср.: «Снова они молча шли *в крошечной тьме...*» [Шолохов, с. 39]; «*Непроглядная тьма* озарялась вспышками разрывов...» [Шолохов, с. 39]. Сквозным мотивом любимой всеми песни *Тёмная ночь* является именно *тёмная ночь*.

Багровое небо на Руси всегда предвестник зловещих событий. В стихотворении Алексея Суркова *Ночь в сентябре* такие облака выступают в сочетании с кровавой тьмой: «Над городом, над Волгой, по ночам / В полнеба *багровеют облака*. / Вот ты стоишь в окопе над рекой, / Глядишь туда, где *кровянится тьма* [Сурков, с. 140].

Багровое зарево источают подожжённые хлеба: «Подожжённые немецкими авиабомбами, всю ночь горели на корню огромные массивы созревших хлебов. Всю ночь в полнеба стояло *багровое* немеркнувшее трепетное *заревое...*» [Шолохов, с. 19]. Гибель хлебов — страшное злодеяние, один из кошмаров войны и нередкий мотив в военной поэзии и прозе.

Сама природа во время войны может выступать как *обесцвеченная*, и эта обесцвеченность участвует в формировании горьких эмоций: «Небо подёрнуто тонкой паутинкой облаков, сквозь которые просеивались *обесцвеченные лучи солнца...*» [Акулов, с. 14].

Описания природы во время войны нередко содержат какую-то ушибинку, но нередко и надежду, хотя и на общем скорее унылом фоне — как в примере ниже, где среди печальных картин проявляются и обнадеживающие моменты, выраженные *ярким синим цветом снега*. Здесь же наряду с терминами цвета содержатся и косвенные, неявные цветовые маркеры, такие, как облака, солнце и др. под. (о неявных цветовых маркерах см.: [Кульпина, 2014, с. 103–111]): «Было уже за полдень, и *пасмурное, холодное небо*, с утра *провисшее до самых краёв*, вдруг поднялось, и сквозь летучие, овейные поднебесными ветрами облака проглянуло солнце, оплывшее и высокое. Неглубокий дубовый лесок на скате оврага *густо чернел*, и прошлогодние, недавно упавшие *листья* на *ослепительно синем* снегу казались тоже *чёрными...*» [Акулов, с. 97].

Отметим, что *ослепительно синий цвет снега* может существовать, возможно, только в русском языке, потому что синий цвет мы особенно любим и оттого многие вещи могут казаться нам синими. Этноцвет — в наших краях — *синий*, вездесущ. Он имеет обыкновение проникать на «свободные территории», окрашивая

сущности, не занятые цветом, а также — на территории, уже занятые другими цветовыми маркерами (о критериях выявления этноцвета см.: [Кульпина, 2001, с. 413–423]). И хотя для снега забронирован термин белого цвета, *синий снег* в русском языке встречается отнюдь не столь редко, как можно было бы себе представить. Конечно, такая лексическая единица, как *синий снег*, являет собой трудность для понимания носителей других языков, соответственно, это же и сложный момент перевода на другие языки.

В нижеследующем примере оттенок надежды присутствует уже более явственно, несмотря на ряд печальных моментов, как-то: *кущй рассвет, вымороженное солнце*. Ср.: «В куцем зимнем рассвете нарождался *ядрёно-синий день*. Хоть и поздно вставало *вымороженное солнце*, но схватившийся ледком снег враз вспыхнул яркими холодными искрами» [Акулов, с. 81].

Ядрёно-синий день — эта лексическая единица, наверно, как и *ослепительно синий снег*, относится к особым, этнозначимым лингвоментальным изобретениям ареала русского языка, непонятым вне породившей этот лингвоментальный изыск языковой среды.

Надежда и здесь связана с появлением синего этноцвета: *ядрено-синий день*, то есть день, «окрашенный» в синий цвет, в нашей языковой среде, несомненно, сулит надежду.

В следующем примере надежду сулят трансформации цвета перелесков, которые *стали син е*: «*Перелески* теперь уже не казались невесомыми и как бы парящими над землёй, а стали *синее* и приобрели осязаемую на взгляд грубоватую плотность» [Шолохов, с. 17].

От войны страдают не только люди, но и животные, растения. Особенно часто упоминаются этнически важные флористические и зоосимволы: «Над пеплом сырым, / *По ветвям обгорелым* / Тревожно снуют *погорельцы — скворцы*» [Сурков, с. 102].

В примере ниже *василёк обгорел*, а *жаворонок плачет*: «*Обгорелый синий василёк* / На лицо морщинистое лёг. / Под волнистым облаком, в выси, / *Жаворонок плачущий* висит» [Сурков, с. 119].

Цветовые контрасты, так же как и звуковые, проникают в языковую картину войны на линии *своё — чужое*. Символ России — река Волга — *темнеет* от переживаний *за своих*: «Там снаряды гремят, Там пожары дымят, *Волга-матушка вся потемнела...*» (из *Песни о Сталинграде*, слова народные, см.: [Песни..., с. 116]).

Враг часто изображается в *синкретично-тёмном виде*, как *силы тьмы*, *сила тёмная* и как *крылья чёрные* — именно таков враг в песне *Священная война* на слова В.И. Лебедева-Кумача, музыка А.В. Александрова: «Вставай, страна огромная, / Вставай на смертный бой / С фашистской *силой тёмною*, / С проклятою ордой. (...) / За мир и свет мы боремся, / Они — за *силы тьмы*. (...) / Не смеют *крылья*

чёрные / Над родиной летать...» [Песни..., с. 109] (о песне *Священная война* см. подробнее: [Мещерякова, Шестакова, 2015, с. 61–63]. Метафорически враг предстаёт как *воронов чёрная стая* и как *крылья чёрные*. Как известно, в русском народном творчестве *чёрный ворон* символизирует смерть, и этот символ представлен в *Песне о Сталинграде*: «Об утёс броневой / Бьётся лютый прибор, / Вьётся *воронов чёрная стая*... [Песни..., с. 116]; «Не смеют *крылья чёрные* над родиной летать... (Из песни *Священная война* на слова В.И. Лебедева-Кумача, см.: [Песни..., с. 109]).

В то же время в изображения врага и его атрибутов нередко внедряется *зелёный цвет*: «*Они катились* вниз по склону, как *серо-зелёные листья, сорванные и гонимые сильным ветром*, и многие из них, так же как листья, падали, сливались с травой и больше уже не поднимались...» [Шолохов, с. 18]; «*Зелёные немецкие ракеты*, Качаясь, догорают вдалеке» [Сурков. с. 143].

Свето-огневые приметы войны: огонь, свет и тьма

Характерные световые стереотипы войны — это, прежде всего, *вспышки артиллерийского огня* и *исчерченное прожекторами небо*. Световые проекции прожекторов и военного неба приобретают обычно причудливые метафорические очертания: «На ночных занятиях по тактике мы всегда были рядом. Мы лежали с Женькой, притихшие, на росистой траве, среди белых, рассыпанных, точно звезды, ромашек и смотрели в ту сторону, где Москва и где на фоне чернильно-лилового неба *маршировали длинные медленные тени прожекторов*» [Кожухова, с. 2].

Снаряды могут слепить солдатам глаза: «*Ослепительные* и быстрые, метались разрывы вокруг Володина...» [Ананьев. с. 48].

Для произведений о военном времени характерны изображения такого времени суток, как ночь, когда свет отсутствует как таковой. Характерно также, что свет в период войны в целях маскировки часто бывает приглушённым, кроме того, он может мелькнуть и исчезнуть, как в примере ниже: «Меж сосновых стволов мелькнул *синеватый луч штабного фонарика*» [Кожухова, с. 8].

Единственным источником света может быть *огонь в печи*: «Но, шурясь острыми голубыми глазами на *жёлтый, прыгающий в печи огонь*, он и сам на мгновение застыл, погружённый в раздумье» [Кожухова, с. 9]. Свет фонарей часто предстаёт как *тусклый*: «За будкой стрелочника рельсы круто изгибались к составам, и *красные огни хвостовых фонарей мертвенно-тускло отражались* в мокрой накатанной стали» [Акулов, с. 21].

Свет во время войны воспринимается как особо ценная сущность, несравнимо бльшая, чем в мирное время. Источники света во время войны (по разным причинам) нередко предстают как слабые и ненадёжные: «Минаков умолк и без нужды, но усердно сопя, начал поправлять *фитилёк коптилки*» [Акулов, с. 35]; «Сырая земля не брала влагу, и бойцы ходили по воде. Все *фонари залило*, и зажечь их снова никто не мог. Поезд погрузился в *кромешной темноте*» [Акулов, с. 20]; «*Света в вагонах не было*. На счастье Андрея, луна выплыла из-за туч...» [Богомолов, с. 3].

Свет во время войны может вообще исчезать там, где ему положено быть в мирное время: он исчезает из опасений привлечь внимание врага и из соображений экономии. Ср. примеры: «Сидя в тесном *неосвещённом автобусе*, мы долго молчали...» [Кожухова, с. 5].

Проблемы со светом преследуют людей, как на фронте, так и в тылу: «Бомбы падали всё ближе, и нервная атмосфера в подвале быстро накалялась. Близкий разрыв колыхнул подвал, *погас свет*. Наступила напряжённая тишина» [Ардаматский, с. 40].

Природа во время войны тоже нередко скупится «дать побольше света»: «*При робком свете едва обозначившейся зари* лейтенант Филипенко разглядел, что копать надо не там, где залегли бойцы...» [Акулов, с. 26]; «*Луна взошла, подёрнутая жёлто-коричневой пеленой*, и стало ещё тягостнее и тревожнее от её *мутно-бутылочного света*...» [Воробьёв, с. 6–7].

Погибающий на войне человек лишается света и погружается во тьму: «Последний раз где-то далеко в сознании промелькнула жалость к себе, досада на несбывшиеся мечты, и *всё потухло*, улетучилось, *задёрнулось искрящейся чёрной шторкой*...» [Ананьев, с. 43].

Огонь, горение народного достояния, материальных ценностей является одной из световых примет войны: «Подожжённые немецкими авиабомбами, всю ночь горели массивы созревших хлебов. (...) в этом *освещавшем степь жестоком сиянии войны голубой и призрачный свет* *ущерблённого месяца* казался чрезмерно мягким и, пожалуй, даже совсем ненужным» [Шолохов, с. 19]; «И там, где ты в спокойный, тёплый быт / Едва впервой ногой переступил, / Сейчас *огонь прожорливый бежит*» [Сурков, с. 141].

Запахи войны как постоянный атрибут произведений о войне

Запахи войны не менее лингво- и этноспецифичны, чем все другие приметы военного времени. Запахи едущего на фронт поезда участвуют в воссоздании картины войны: «В вагоне *пахло сырыми шинелями и обувью, паровозной гарью, вагонной дезинфекцией*» [Акулов, с. 21].

В военном нарративе своим приторно-едким запахом обладает взрывчатка: «Две или три мины разорвались у моста — перелёт. Две не то три упали поближе, обдав бойцов *приторно-гнилым запахом взрывчатки*» [Акулов, с. 33]; «В ноздри вторгнулся и захватил дыхание *едкий, металлический запах сгоревшей взрывчатки...*» [Шолохов, с. 28]. Источником чада является танк врага: «Ухин рванулся вперёд и потонул в чёрном дыму *чадившего танка...*» [Ананьев, с. 51].

Запах гари сопровождает бойцов постоянно: «Деревня загорелась от бомб. Она горела всю ночь, *застылая угарным дымом окопы*» [Ананьев, с. 21]; «*Запах гари* вместе с ветром перемещался на восток, неотступно сопровождая отходивших к Дону бойцов, преследуя их, как тягостное воспоминание» [Шолохов, с. 19]. Такой запах имеет и вкус: «И с каждым километром пройденного пути все мрачнее становилось на душе у Звягинцева, словно *горький, отравленный воздух пожарища* оседал у него не только на лёгких, но и на сердце...» [Шолохов, с. 19].

В запахах нередко содержится отторжение войны, тоска по мирной жизни: «Ветер прошёл по верхушкам деревьев, донёс *запах полковой походной кухни: смолистого дымка от углей, пригорелой гречневой каши*» [Кожухова, с. 8]. И в передышках между боями: «За какие-нибудь две недели он успел дочерна загореть на позднем солнце бабьего лета, полюбить неумолчное бормотание близкой реки, голоса певчих птиц в чашобах и *запахи гнилых, перезревших ягод малины и ежевики* на лесных ослепительно жёлтых от клёнов прогалинах» [Кожухова, с. 8].

Этнически важным предстаёт *запах антоновских яблок*: «Снег пошёл в полдень — лёгкий, сухой, голубой. Он *отдавал запахом перезревших антоновских яблок*, и роте сразу стало легче идти: ногам сообщалось что-то бодрое и весёлое, как при музыке» [Воробьёв, с. 2]. От *голубого снега*, пахнувшего *антоновскими яблоками*, солдатам становится легче идти.

Этнокультурные ценности как нерушимая часть цвето-световой ментальной жизни народа

Цвето-световой спектр войны живёт в художественных произведениях о войне отечественных авторов на фоне этнокультурных свето-цветовых стереотипов, надстраиваясь над ними, не заменяя и не разрушая их. Картины военной жизни в произведениях писателей-фронтовиков как бы временно приглушают картины мирной жизни и жизни природы, окружающий мирный пейзаж. Ср. пример: «Для многих в новинку была чудная красотой дорога через

Урал, но никто не обращал внимания на красоты, потому что плохие вести несла дорога» [Акулов, с. 6].

Картины войны перемежаются картинами жизни природы — прежде всего леса, рощи — как в песне *Иволга* на стихи Николая Заболоцкого из кинофильма *Семнадцать мгновений весны*: «В этой роще берёзовой, вдалеке от страданий и бед, где колышется *розовый, немигающий утренний свет...*». В описаниях военного времени нередки изображения берёзы — этнически важного дерева, групп берёз, *берёзовой рощи*, в которой много света, красок, пения певчих птиц. А если *белая берёзовая роща* предстаёт в песне на фоне розового утреннего света — это ещё красивее, это уже образ мечты (как в упомянутой песне *Иволга*).

Фоно-, свето- и цветосемантика мечты о мире после войны ориентированы на светлое и гармоничное. Мечтая о мире, о встрече с любимой солдат вспоминает родные цветы, пшеничное поле и другой этнозначимый символ *Жар-птицу*: «*Иван-да-Марья, и ромашки цвет, / И васильки в пшенице на пути... (...) / Да нам пока заказаны пути / С полей войны к родимым очагам. / Жар-птица чертит не для нас круги...*» [Сурков, с. 132]. Поэт мысленно просит любимую, вспоминая о ней в день её рождения: «Проснись и платье светлое надень, / А в косу — *колокольчик голубой*» [Сурков, с. 133].

В мечтах о мирной сельской жизни нередко присутствует *белый цвет*, а также такие неявные цветовые маркеры, как *хлеб* (с его подразумеваемым по умолчанию цветом), а также *цвет сена* (сеновал в примере ниже): «Всю жизнь собирался прожить мирно в сельской глуши. (...) *Кружка парного молока и шершавый ломоть ещё тёплого хлеба, сеновал*, тяжёлые вздохи коровы, жующей свою вечную жвачку... О чём ему было ещё и мечтать, молодому врачу?» [Кожухова, с. 7].

Символом мира без войны является *голубое небо*, а также *чистое небо*, а значит, по умолчанию — тоже голубое — как в песне *Родина*: «Родина, мои родные края! / Родина, весна и песня моя! (...) / *Да будет над странюю небо голубое / И рассветный луч золотой!*» [SovMusic.ru 13/01/ 2014] (Песня Родина).

Картина войны была бы неполной без мечты о победе, о которой мечтал у нас каждый человек. Победа пробуждает ассоциации с весенней порой, с утром или с его самой ранней стадией — рассветом. Утро победы встаёт и в песне *Иволга* на стихи Н. Заболоцкого: «*И над рощей берёзовой, / Над берёзовой рощей моей, / Где лавиную розовой / Лыются листья с высоких ветвей, / Где под каплей божественной / Холодеет кусочек цветка / Встанет утро победы торжественной / На века*».

Победа означает конец кошмарам войны, что образно передано как *война окончит сев свинца*: «Однажды на рассвете война окончит сев свинца» [Сурков, с. 151]. Угроза миру предстаёт в образе *руки в стальной перчатке*: «И снова жадно шарит по карте / В стальной перчатке рука» [Сурков, с. 190].

В стихотворении А.А. Суркова «Утро победы» много ярких красок и света: «За плечами *пылала заря молодая*, Предвещая *солнечный день*» [Сурков, с. 181]. Более того, победа залита светом и ассоциируется с кульминацией весны — маем, это *ослепительный май*: «После долгих ненастий недружной весны / Ждёт и нас *ослепительный май*» [Сурков, с. 146].

Заключение

Герой романа А.А. Ананьева говорит о Великой Отечественной войне: «Нынешняя война — война машин...» [Ананьев, с. 8]. Представленная в произведениях о войне картина мира в определённой степени механоцентрична. Механизмы ведут себя словно люди, об этом говорит то, что они наделены некоторыми личностными свойствами. Они принимают ипостась действующего субъекта, делятся на своих и чужих, обладают речью (говором), способны издавать звуки и запахи. Для современного нам мира Г.Г. Молчанова отмечает «настойчивую тенденцию движения метафорических концептов в области передовых технологий от персонификации к антропозентризму (компьютерные метафоры) до деперсонификации и механоцентризма...» [Молчанова, 2002, с. 338]. Анализ картины войны позволяет говорить о том, что развитие метафорических механизмов механоцентризма получило значительный импульс ещё в эпоху Великой Отечественной войны.

Очевидно, что во время войны и в послевоенное время в недрах русского языка шла работа по выработке стереотипов — как говорить о войне, какими словами и образами. В результате эта картина достаточно типизирована; были выработаны определённые стереотипы такого описания, которые вместе с тем опираются на многовековой вербальный опыт нашего народа. Подтверждение находит здесь та мысль, что «перенесённые с помощью образно-ассоциированного переосмысления «в другую модель мира», инновационные структуры носят как интернациональный, так и национально-специфический характер, ибо как рождение нового слова, так и его заимствование и внедрение в другую культуру тесно связано с «картой мира» носителя языка и невозможны без опоры на стереотипные ассоциативно-образные представления о мире, приня-

тые в данной социокультурной группе или общности...» [там же, 2002, с. 335–336].

Через индивидуальное восприятие войны, представленное в художественных образах, отечественные авторы показывают и тем самым формируют коллективное сознание, коллективную память. При этом «конstellация индивидуальных концептосфер образует когнитивную картину мира социума» [Мерзлякова, 2003, с. 7], в данном случае — коллективного восприятия Великой Отечественной войны.

Вот и получается, что язык органов чувств является неделимой частью этноязыковой картины мира. Чувственные ощущения перерабатываются языковым механизмом, преобразуясь в образные словесные интерпретации Великой Отечественной войны».

Таким образом, концептуализация войны, представленная в отечественной поэзии и прозе, создающая метафорически образные фоно-цвето-световые спектры, базируется на этноспецифических цвето-световых и звуковых картинах мира как неотъемлемых элементах лингвомыслительного восприятия мира. В поэтическом, и особенно в песенном творчестве, картина войны даётся более плакатными красками, в более символически и этнически насыщенном и ярком виде. В прозе звуковая и цвето-световая картина войны не столь явно и декларативно выражена, не столь крупными мазками. Однако у прозаиков, естественно, эта картина в силу жанровых возможностей в большей мере развёрнута и дифференцирована, в ней больше нюансов.

Общей для художественной литературы является художественная концептуализация явлений войны в направлении от стереотипических и физически существующих цвето-световых спектров и концептов к лингвопсихологическим ментальным конструктам, которые на века закрепили в языке и мышлении образы борцов за свободное отечество и образы врага, неотделимые от механизированных атрибутов.

Список литературы

- Береснева В.А.* Лингвистический синкретизм: онтология и гносеология / Отв. ред. В.А. Татаринov. Киров: ОАО «Первая Образцовая типография», филиал «Дом печати — ВЯТКА», 2011. 246 с.
- Beresneva, V.A.* Lingvisticheskiĭ sinkretizm: ontologija i gnoseologija [The Linguistic Syncretism: Ontology and Gnosiology, Otv. red. V.A. Tatarinov, Kirov: ОАО «Pervaja Obrazcovaja tipografija», filial «Dom pečati — VJATKA», 2011, 246 p. (in Russian).
- Кобозева И.М.* Восприятие неосозаемых субстанций в зеркале русских глаголов эмиссии // Speculum Linguisticum / Red. Naczelný Jan Wawrzyń-

- czyk; Red. tomu Jan Wawrzyczyk. Warszawa: BEL Studio, 2015. Vol. III. S. 23–41.
- Kobozeva, I.M.* Vosprijatie neosjazaemyh substancij v zerkale russkikh glagolov jemissii [The Reception of Nontangible Substances in the Mirror of Russian Verbs of Emission], *Speculum Linguisticum*, Red. naczelny Jan Wawrzyńczyk; Red. tomu Jan Wawrzyńczyk? Warszawa: BEL Studio, 2015. Vol. III. P. 23–41 (in Russian).
- Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001, 470 с.
- Kul'pina, V.G.* Lingvistika cveta: Terminy cveta v pol'skom i russkom jazykah [The Linguistics of Color: the Terms of Color in Polish and in Russian]. Moskow: Moskovskij Licej, 2001, 470 p. (in Russian).
- Кульпина В.Г.* Имплицитная цветономинация в образных парадигмах как категория лингвистики цвета // *Speculum Linguisticum* / Red. naczelny Jan Wawrzyńczyk; Red. tomu Jan Wawrzyńczyk. Warszawa: BEL Studio, 2014. Vol. I. S. 103–111.
- Kul'pina, V.G.* Implicitnaja cvetonominacija v obraznyh paradigmah kak kategorija lingvistiki cveta [The Implicit Nominations of Color in the Picturesque Paradigms as a Linguistics of Color's Category], *Speculum Linguisticum* / Red. naczelny Jan Wawrzyńczyk; Red. tomu Jan Wawrzyńczyk. Warszawa: BELStudio, 2014, Vol. I, P. 103–111 (in Russian).
- Мерзлякова А.Х.* Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие»: На материале английского, русского и французского языков. М.: Едиториал УРСС, 2003. 352 с.
- Merzljakova, A.H.* Tipy semanticheskogo var'irovanija prilagatel'nyh polja «Vosprijatie»: Na materiale anglijskogo, russkogo i francuzskogo jazykov [The Types of Semantic Variability of Adjectives — Field of *Reception*: on the Base of English, Russian and French], Moskow: Editorial URSS, 2003, 352 p. (in Russian).
- Мещерякова О.А., Шестеркина Н.В.* Поэтика стихотворения В.И. Лебедева-Кумача «Священная война» // Вторая мировая война в славянских литературах и языках. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. С. 61–63.
- Meshherjakova, O.A., Shesterkina, N.V.* Pojetika stihotvorenija V.I. Lebedeva-Kumacha «Svjashhennaja vojna» [The Poetics of V.I. Lebedev-Kumach' spoeem "The Sacred War"], Vtoraja mirovaja vojna v slavjanskikh literaturah i jazykah. Moskow: Institut slavjanovedenija RAN, 2015, P. 61–63 (in Russian).
- Молчанова Г.Г.* Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности // *С любовью к языку: Сб. научных трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой.* М.; Воронеж: ИЯ РАН; Воронежский государственный университет, 2002. С. 332–338.
- Molchanova, G.G.* Jazykovye mehanizmy variativnoj interpretacii dejstvitel'nosti [The Language Mechanisms of Variable Interpretation of Reality], *S ljubov'ju k jazyku: Sb. nauchnyh trudov. Posvjashaetsja E.S. Kubrjakovoj.* Moskow: Voronezh: IJa RAN; Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2002, P. 332–338 (in Russian).

Источники

- Акулов* — Акулов И.И. Крещение // *Роман-газета*. 1973. № 13 (731). 127 с.
Akulov — Akulov, I.I. Kreshhenie [The Baprtism of Fire] // *Roman-gazeta*, 1973, No 13 (731). 127 p. (in Russian).
- Ананьев* — Ананьев А.А. Танки идут ромбом // *Роман газета*. 1963. № 17 (293). 80 с.
Anan'ev — Anan'ev, A.A. Tanki idut rombom [The Tanks go by a Diamond-shaped] // *Roman-gazeta*, 1963, No 17 (293). 80 p. (in Russian).
- АрдаMATский* — АрдаMATский В.И. Ленинградская зима. Повесть // *Роман-газета*. № 21 (691). 1971. 109 с.
Ardamatskij — Ardamatskij, V.I. Leningradskaia zima. Povest' [The Leningrad's Winter. The Story], *Roman-gazeta*. No 21 (691), 1971, 109 p. (in Russian).
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
BTS — Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The Big Explanatory Dictionary of Russian], Sost. i gl. red. S.A. Kuznecov, SPb.: Norint, 1998, 1536 p. (in Russian).
- Богомолов* — Богомолов В.О. В августе сорок четвёртого... // *Роман-газета*. 1975. № 9 (775). 112 с.
Bogomolov — Bogomolov, V.O. V avguste sorok chetvertogo... [In the August of 1944], *Roman-gazeta*, 1975, No 9 (775), 112 p. (in Russian).
- Богомолов 2* — Богомолов В.О. В августе сорок четвёртого... Роман (Окончание) // *Роман-газета*. 1975. № 10 (776). 78 с.
Bogomolov 2 — Bogomolov, V.O. V avguste sorok chetvertogo... Roman (Okonchanie) [In the August of 1944. The Novel. The End], *Roman-gazeta*, 1975, No 10 (776), 78 p. (in Russian).
- Воробьев* — Воробьев К.Д. Убиты под Москвой // *Роман-газета*. 1980. № 9 (895). С. 1–23.
Vorob'ev — Vorob'ev, K.D. Ubity pod Moskvoy [They were Killed near Moscow], *Roman-gazeta*, 1980, No 9 (895), P. 1–23 (in Russian).
- Заболоцкий* — Заболоцкий Н.А. Стихотворение *Ивола* (песня из кинофильма *Семнадцать мгновений весны*).
Zabolockij — Zabolockij, N.A. Stihotvorenie *Ivolga* [The Poem “The Oriole”] (*pesnja iz kinofil'ma Semnadcat' mgnovenij vesny*) (in Russian).
- Игнатов* — Игнатов М.В. Былого ключья мысленно пасую...: Сб. стихотворений / Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; Сост. сб. Т.Н. Болотникова. М., 2007. 211 с.
Ignatov — Ignatov, M.V. Bylogo kloch'ja myslenno pasuju... [The Days of Old' Pieces I Mentally Look over], *Sb. Stihotvorenij, Fakul'tet zhurnalistiki MGU imeni M.V. Lomonosova*; Sost. sb. T.N. Bolotnikova. Moscow, 2007, 211 p. (in Russian).
- Кожухова* — Кожухова О.К. Ранний снег // *Роман-газета*. 1965. № 9 (333). 64 с.
Kozhuhova — Kozhuhova, O.K. Rannij sneg [The Early Snow] // *Roman-gazeta*, 1965, No 9 (333), 64 p. (in Russian).
- Песни...* — Песни труда и любви. М.: Профиздат, 1971. 312 с.

- Pesni...* — *Pesni truda i ljubvi* [The Songs of Work and Love]. Moscow: Profizdat, 1971, 312 p. (in Russian).
- Песня *Берёзы* — Песня *Берёзы* на слова В.Я. Лазарева на музыку М.Г. Фрадкина.
- Pesnja *Berezy* — Pesnja *Berezy* [The Birches] na slova V.Ja. Lazareva na muzyku M.G. Fradkina (in Russian).
- Песня *Родина* — песня *Родина* на слова Ю.А. Полухина, на музыку С.С. Туликова.
- Pesnja *Rodina* — pesnja *Rodina* [The Homeland] na slova Ju.A. Poluhina, na muzyku S.S. Tulikova (in Russian).
- Песня *Тёмная ночь* — Песня *Тёмная ночь* из кинофильма *Два бойца* на слова В.Г. Агатова на музыку Н.В. Богословского.
- Pesnja *Temnaja noč'* — Pesnja *Temnaja noč'* [The Dark Night] iz kinofil'ma *Dva bojca* na slova V.G. Agatova na muzyku N.V. Bogoslovskogo (in Russian).
- Смирнов* — Смирнов О.П. Прощание. Роман (Окончание) // *Роман-газета*. 1979. № 20 (882). 78 с.
- Smirnov* — Smirnov, O.P. Proshhanie. Roman (Okonchanie) [The Farewell. The Novel. The End], *Roman-gazeta*, 1979, No 20 (882), 78 p. (in Russian).
- Сурков* — Сурков А.А. Стихи и песни. М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1957. 287 с.
- Surkov* — Surkov, A.A. Stih i pesni [The Poems and Songs]. Moscow: Gos. izd-vo hudozhestv, lit., 1957, 287 p. (in Russian).
- УССС — Учебный словарь сочетаемости слов русского языка: Около 2500 словар. статей / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 1978. 688 с.
- USSS — Uchebnyj slovar' sochetajemosti slov russkogo jazyka: Okolo 2500 slovar. statej [The Didactic Dictionary of Russian Words' Combinations: about 2500 Lexical Units], Pod red. P.N. Denisova, V.V. Morkovkina, Moscow: Russkij jazyk, 1978. 688 p. (in Russian).
- Чаковский* — Чаковский А.Б. Победа: Политический роман // *Роман-газета*. 1979. № 14. 86 с.
- Chakovskij* — Chakovskij, A.B. Pobeda: Politicheskij roman [The Victory: The Political Novel] // *Roman-gazeta*. 1979, No 14, 86 p. (in Russian).
- Шолохов* — Шолохов М.А. Они сражались за родину (главы из романа) // *Роман-газета*. 1951. № 1 (181). 67 с.
- Sholohov* — Sholohov, M.A. Oni srazhalis' za roдину (glavy iz romana) [They Fought for the Homeland (Chapters from the Novel)], *Roman-gazeta*, 1951, No 1 (181), 67 p. (in Russian).

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

И. В. Балканов,

адъюнкт, соискатель учёной степени кандидата филологических наук,
Военный университет Министерства обороны; e-mail: i-balkanov@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ ВОЕННЫХ ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЕЙ

В статье проводится анализ военных переводных словарей, созданных в СССР и России, предпринимается попытка классифицировать данные словари по основаниям, предложенным В. П. Берковым, рассматриваются особенности отечественной двуязычной военной лексикографии.

Ключевые слова: макро- и микроструктура словаря, словарная статья, переводной словарь, специальный словарь, принципы отбора лексики, интерпретация значений слов.

Ilya V. Balkanov,

Adjunct, Cand. Sc. (Philology) Degree Applicant, Military University
of the Russian Federation Defense Ministry; Moscow, Russia; e-mail:
i-balkanov@mail.ru

TYPOLOGY OF BILINGUAL MILITARY DICTIONARIES

This article is an analysis of the military bilingual dictionaries published in the USSR and Russia. It classifies those dictionaries as per the criteria proposed by V. Berkov to reveal general trends in Russian lexicography and the lexicographical culture of specialized (military) dictionaries.

Key words: macro- and microstructure of a dictionary, dictionary entry, bilingual dictionary, specialized dictionary, vocabulary selection strategies, interpretation of word meanings.

Предметом нашего исследования являются военные переводные словари, выпущенные в СССР и России. В этой работе мы поговорим о типологии переводных словарей, рассмотрим вопросы классификации отраслевых переводных словарей.

В современной практической лексикографии созданию двуязычных, или переводных, словарей уделяется значительное внимание. Данные словари призваны помочь в понимании текста на иностранном языке и его переводе на родной. Отечественная лексикография имеет богатые традиции составления двуязычных словарей. Среди наиболее известных иноязычно-русских словарей выделяется англо-

русский словарь В.К. Мюллера¹, первое издание которого датируется 1943 г., и большой англо-русский словарь И.Р. Гальперина², объём словника которого составляет более 150 000 слов и словосочетаний. Подробные иноязычно-русские переводные словари были составлены практически для всех языков мира, а для наиболее востребованных языков свет увидели также многочисленные специальные переводные словари. Куда хуже дело обстоит с русско-иноязычными словарями: так, до сих пор не существует русско-английского словаря, сравнимого по своему объёму, социальной и лексикографической значимости со словарями В.К. Мюллера и И.Р. Гальперина.

Мега-, макро- и микроструктура переводных словарей, особенности их составления являются предметом исследования учёных-лексикографов. Одним из первых типологию двуязычных словарей ввёл В.П. Берков, которые предлагал делить переводные словари по следующим основаниям [Берков, 2004]:

– По типу пользователя (активные и пассивные). Если словарь используется для работы с текстом на неродном языке, то такой словарь считается пассивным, или рецептивным, а для работы с текстом на родном языке — активным, или продуктивным.

– По количеству адресатов (монодирекциональные и бидирекциональные). Если переводной словарь имеет одного адресата, то его следует считать монодирекциональным, а когда двух — бидирекциональным.

– По объёму (краткие, средние и большие). Как отмечал В.П. Берков, такое деление «в известной мере условное, поскольку абсолютно чёткие количественные критерии... здесь едва ли возможны» [Берков, 2004, с. 11].

– По охвату словарного состава языка (общие и специальные). Общие, или общезыковые, двуязычные словари в большей или меньшей степени охватывают весь словарный состав, в то время как специальные переводные словари сосредотачиваются на определённой области знаний. При этом специальные словари могут, в свою очередь, подразделяться на словари терминологические, или отраслевые, и словари, охватывающие так называемые нетерминологические единицы (фразеологические обороты, крылатые выражения).

¹Англо-русский словарь: Около 60.000 слов и выражений: С прил. списка сокращений и списка геогр. названий с указанием произношения / Сост. проф. В.К. Мюллер. М.: ГИС, 1943. 776 с.

²Большой англо-русский словарь: Около 150 000 слов / Под общ. руковод. [и с введ.] д-ра филол. наук, проф. И.Р. Гальперина. М.: Сов. энциклопедия, 1972. 2 т.

Кроме того, В.П. Берков отмечал, что современные переводные словари могут быть не только текстовыми, но и иллюстрированными, или картинными, а также отдельно выделял синонимические и дифференциальные двуязычные словари.

В настоящей работе мы подробно остановимся на двуязычных военных словарях, необходимость создания которых была обоснована «потребностью понимать тексты на чужом языке» [Щерба, 1974, с. 297]. В предисловии к англо-русскому военному словарю Г.А. Судзиловского сообщается о том, что данный словарь «включает наиболее употребительную современную военную лексику по основным вопросам организации, технического оснащения и вооружения, комплектования и прохождения службы, тактики, оперативного искусства и стратегии, управления войсками и работы тыла вооружённых сил» [Судзиловский, 1968, с. 2]. Похожим образом в авторских (более характерно для словарей второй половины XX века) или издательском (обезличенном «От издательства», характерном для словарей А.М. Таубе) предисловиях ко всем военным словарям говорится о том, что они охватывают основную военную терминологию, а их создание было обусловлено стремительным развитием военного дела на протяжении всего XX века, когда лексики общего переводного словаря перестало хватать для перевода специальной (военной и военно-технической) литературы.

В СССР создание первых переводных военных словарей тесно связано с именем А.М. Таубе³, единоличного автора военных англо-русского, немецко-русского и французско-русского словарей. Во второй половине XX века работу над переводными словарями (как иноязычно-русскими, так и русско-иноязычными) продолжили такие учёные-лексикографы, как Г.А. Судзиловский, Л.Ф. Парпаров, Н.К. Гарбовский, Л.В. Дудник, М.А. Надысев, В.Н. Шевчук и многие другие.

При создании военных переводных словарей составители опирались на частотность употребления тех или иных военных терминов в оригинальной военной литературе (научной и художественной) и в боевых документах соответствующих стран Западной Европы, США и НАТО, о чем также сообщается в предисловиях данных словарей.

³ Энциклопедические познания военной терминологии и опыт выдающегося лексикографа, профессора Военного института иностранных языков Александра Михайловича Таубе легли в основу военной лексикографии первой половины XX века. Александр Михайлович является единоличным автором военных англо-русских (1938, 1942 и 1949 гг.), немецко-русских (1931, 1936, 1942, 1944, 1945 гг.) и французско-русских (1931, 1937, 1942 гг.) словарей.

Двуязычные, или переводные, словари можно разделить на общие, или общеязыковые (неспециализированные), и специальные. Общеязыковые словари охватывают, в большей или меньшей степени, весь словарный состав языка, в то время как специальные обобщают определённую категорию лексем [Берков, 2004, с. 12].

Так как военные переводные словари ограничены определённой областью (военным делом), то их следует отнести к специальным, а среди специальных к терминологическим, или отраслевым. При этом мы считаем, что терминологические словари следует в дальнейшем подразделять на общие отраслевые и специальные отраслевые. Такое деление обосновано количеством и направленностью лемм, объединяемых корпусом каждого конкретного терминологического словаря в рамках определённой отрасли.

Рассмотрим данное утверждение на примере англо-русских военных словарей второй половины XX века.

Военное дело является слишком обширной областью научных знаний, чтобы мы могли поставить знак равенства между, например, англо-русским военным словарём Г.А. Судзиловского⁴ и англо-русским артиллерийским словарём В.М. Бузинова и Н.В. Савелова⁵, англо-русским военно-инженерным словарём Н.В. Володина⁶ или англо-русским автобронетанковым словарём А.П. Чочиа и А.С. Щеглова⁷.

Каждый из вышеуказанных словарей служит своей конкретной цели: англо-русский военный словарь Г.А. Судзиловского является словарём общим, объединяющим в себе основные, или ключевые, понятия и термины из области военного дела, о чем сообщается в предисловии. Объём корпуса второго издания данного словаря составляет 50 000 слов, а третьего издания — 70 000, при этом составители активно используют приём гнездования:

heat нагрев, нагревание; нагревать, ...

~ **barrier** тепловой барьер;

~ **burn** ожог от светового излучения (*ядерного взрыва*) [Судзиловский, 1968].

Общая направленность данного словаря объясняет включение в него несобственно лексикографической информации как в самой

⁴ Выдающийся лексикограф Г.А. Судзиловский продолжил дело А.М. Таубе и стал ведущим составителем англо-русского военного словаря (1960 г.), впоследствии переработанного, дополненного и переизданного в 1968 и 1987 гг.

⁵ Бузинов В.М., Савелов В.Н. Англо-русский артиллерийский словарь: около 17 000 терминов. М.: Воениздат, 1959. 415 с.

⁶ Володин Н.В. Англо-русский военно-инженерный словарь: около 33 000 терминов. М.: Воениздат, 1962. 783 с.

⁷ Чочиа А.П., Щеглов А.С. Англо-русский автобронетанковый словарь: свыше 30 000 слов и сочетаний. М.: Воениздат, 1961. 783 с.

словарной статье, так и в форме отдельных приложений. В теле словарной статьи данная информация в основном представлена с помощью различных комментариев и помет:

deamericanization «деамериканизация» (*переложение большей части военных расходов на партнёров США по блоку НАТО*).

В словаре Г.А. Судзиловского обширно представлена эмоционально-окрашенная лексика, что во многом сближает его с общеязыковым двуязычным словарём:

bull жарг. цель; мишень; аврал, приборка; наведение «марафета»
artillery ~ *арт* промах

daily ~ ежедневный приказ по части

full ~ полковник

tiddley ~ *Бр* строевая церемония (*напр. встречи начальника*).

Введение в военный переводной словарь несобственно лексикографической информации и эмоционально-окрашенных лексических единиц сближает его со словарём толковым, а именно таким видел переводной словарь Л.В. Щерба, утверждавший, что «обычные переводные словари не дают настоящего знания иностранных слов, а лишь помогают догадываться об их смысле в контексте... При этом по большей части догадки приводят даже в лучшем случае к неточному пониманию» [Щерба, 1974, с. 300].

Отчасти решить проблемы переводного словаря возможно через создание общих отраслевых переводных словарей, которые не только бы объединяли в себе основную терминологию определённой области знаний, но и предлагали бы адресату необходимый минимум экстралингвистической, грамматической, фонетической и иной информации, позволяющей правильно подобрать и использовать тот или иной эквивалент без обращения как к энциклопедическим, так и к общеязыковым (неспециализированным) переводным словарям.

В то же время словари В.М. Бузинова, Н.В. Володина и А.П. Чочиа исследуют определённую область военного дела. Ограниченный тираж (около 3000 экземпляров) данных словарей, отсутствие в них экстралингвистической информации и эмоционально окрашенной лексики объясняются необходимостью осуществлять перевод крайне специфического узконаправленного текста, с которым в практической работе сталкивается уже подготовленный специалист-переводчик, имеющий как запас общей военной терминологии, так и минимально необходимые познания в конкретной области военного дела.

Более того, во второй половине XX века появились не только общие и специальные военные, но и общие военно-технические переводные словари, ставшие переходным звеном между двумя описанными выше типами словарей. Так, русско-английский воен-

но-технический словарь М.А. Надысева и В.П. Савелова⁸ объединяет в себе 35 000 терминов по основным типам и системам вооружений: стрелковому оружию, артиллерийскому и ракетному вооружению, автобронетанковой технике, оружию массового поражения, военной радиоэлектронике и связи, военно-инженерному делу и другим областям военной науки и техники. Данный словарь схож с общими русско-иноязычными словарями алфавитно-гнездовым принципом построения словника, наличием устойчивых, глагольных и предложных словосочетаний в теле словарной статьи. Несмотря на наличие кратких пояснений и помет, направленных на недопущение неправильного подбора эквивалентов, экстралингвистическая информация и эмоционально-окрашенная лексика в словаре не представлены ни в корпусе, ни в разделе завершающих текстов.

Таким образом, необходимость параллельного существования и развития как общих, так и специальных военных словарей не вызывает сомнения. При этом следует не забывать о том, что именно общий словарь является словарём базовым и основополагающим и, по мнению В.П. Беркова, «основным учебником иностранного языка» [Берков, 2004, с. 10], что позволяет использовать его при обучении иностранному языку, в том числе в процессе подготовки военных переводчиков. Данное предположение подтверждается не только значительным тиражом общих военных переводных словарей (тираж 2-го издания англо-русского военного словаря Г.А. Судзиловского составил 19 000 экземпляров, русско-английского военнотехнического словаря М.А. Надысева — 18 500 экземпляров,), но и включением в них статей по военной терминологии и лексикологии: так, в разделе завершающих текстов второго издания англо-русского военного словаря Г.А. Судзиловского представлены статьи В.В. Борисова и Г.А. Судзиловского об особенностях английской военной терминологии, что объясняется стремлением составителей поднять словарь с уровня прикладной на уровень научной лексикографии.

Составители общих военных переводных словарей стремятся предложить адресату не просто дословный перевод, но найти наиболее точный эквивалент в системе выходного языка. При необходимости они используют приём описательного перевода, учитывают многозначность слова, предлагают многочисленные пометы и пояснения.

⁸ *Надысев М.А., Савелов В.П.* Русско-английский военнотехнический словарь. М.: Воениздат, 1975, 623 с.

Продолжая рассуждать о классификации исследуемых нами военных переводных словарей, мы должны отметить их однонаправленность, или моноскопальность, т.е. наличие одного входного и одного выходного языка. Безусловно, в отечественной лексикографии существуют примеры создания бископальных военных словарей (краткий англо-русский и русско-английский военный словарь В.В. Вахмистрова и Г.А. Судзиловского⁹), однако в СССР это направление практической лексикографии так и не получило должного внимания.

Русско-иноязычных словарей значительно меньше: за весь XX век по основным европейским языкам было написано лишь несколько русско-иноязычных военных словарей: русско-немецкий военный словарь Л.Ф. Парпарова¹⁰ выходит в 1990 г., а русско-французский — за авторством Н.К. Гарбовского¹¹ в 2008 г. До сих пор не создано ни одного фундаментального русско-английского военного словаря, что можно назвать упущением отечественной военной лексикографии. Данную ситуацию можно объяснить тем, что большинство переводных словарей создаются путём подбора русских слов к толкованиям иноязычного толкового словаря [Щерба, 1974, с. 305], в то время как русско-иноязычные словари (как например русско-немецкий словарь А.М. Малинина¹²) часто пишутся путём выворачивания наизнанку словника (корпуса) соответствующего иноязычно-русского словаря (в данном случае военного немецко-русского словаря А.М. Таубе¹³), в результате чего «сложные отношения между иностранными и русскими словами запутываются ещё больше» [Щерба, 1974, с. 306], что затрудняет работу со словарём и обоснованно является препятствием в создании русско-иноязычных словарей подобным образом. Как неоднократно отмечал Л.В. Щерба, создание русско-иноязычных и иноязычно-русских переводных словарей — это совершенно разные направления практической лексикографии, каждое из которых, как мы считаем, требует создания своей научной школы, чего, к сожалению, так и не было сделано в XX веке, когда составлением военных переводных словарей

⁹ Вахмистров В.В., Судзиловский Г.А. Краткий англо-русский и русско-английский военный словарь. М.: Воениздат, 1963. 560 с.

¹⁰ Парпаров Л.Ф. Русско-немецкий военный словарь: около 60 000 терминов. М.: Воениздат, 1990. 1040 с.

¹¹ Гарбовский Н.К. Русско-французский словарь военных терминов. М.: Изд-во МГУ, 2008. 960 с.

¹² Малинин А.М. Военный русско-немецкий словарь: Около 5 000 слов. М.: Полиграфкнига, 1944. 176 с.

¹³ Военный немецко-русский словарь: ок. 35 000 слов и ок. 6 000 сокращений, применяемых в воен. лит.-ре. 3-е изд., испр. и доп. / Сост. Ф.Е. Кузнецов, А.М. Таубе; Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Ред. Ф.Н. Петров, В.Г. Боговой. М.: ГИС, 1942. 640 с.

занимались отдельные энтузиасты, а их труды часто не находили должной поддержки.

Таким образом, именно создание моноскопальных военных словарей является единственно возможным направлением развития теоретической и практической военной лексикографии с точки зрения создания общих военных словарей.

Продолжая рассуждать о классификации военных переводных словарей, мы отмечаем, что по своей природе они являются монодирекциональными, то есть направленными на одного адресата, в нашем случае — носителя русского языка, что, безусловно, не исключает возможности использования данных словарей носителями иностранного языка, для чего, например, в русско-французском словаре военных терминов Н.К. Гарбовского раздел предваряющих текстов написан не только на русском, как в остальных русско-иноязычных и иноязычно-русских военных словарях, но и на французском языке.

Направленность изданных в СССР и России военных переводных словарей на носителя русского языка отражается, в первую очередь, в структуре словарной статьи. Так, грамматические пометы, используемые в исследуемых нами словарях, помогают определить категорию рода и числа имён существительных или прилагательных, уточнить неправильные формы глагола, что актуально именно для носителя русского языка:

темляк (*пехотинца*) Tróddel *f*; (*кавалериста*) Fáustriemen *m*; **офицерский т.** Portepée *n*. [Малинин, 1944]

войска Truppen *f, pl*; (*род войск*) Truppe(n) *f (pl)*; *см. тж. подразделение*; **выводить ~ из-под удара** Truppeneinem Schlagentziehen; **обходить ~** die Front der Truppenabschreiten [Парпаров, 1039]

перегрузка 1. Surcharge *f*; charge *f ex excès*; *ав.* accélération *f*, facteur *m de charge*, G. **2.** transbordement *m* [Гарбовский, 2008]

Следует отметить, что в конце XX — начале XXI в. составители военных русско-иноязычных словарей, в частности Л.Ф. Парпаров и Н.К. Гарбовский, активно обращаются к использованию грамматической информации в микроструктуре словаря, что даёт адресату возможность правильно употребить данное слово в речи и, следовательно, делает данные словари менее зависимыми от общих русско-немецких и французско-русских словарей.

Монодирекциональность военных двуязычных словарей определяется и наличием фонетической информации в теле словарной статьи (более характерно для англо-русских словарей), при этом транскрибироваться могут как все леммы, так и только наиболее употребительные из них (в форме отдельного приложения во втором издании англо-русского военного словаря Г.А. Судзиловского).

Первые военные переводные словари (например, военный англо-русский словарь А.М. Таубе 1938, 1942, 1949 гг.¹⁴) предлагали транскрипции всех реестровых слов:

defence [di'fens] *n* оборона; защита

covering ['kʌvɪŋ] **1.** *pres. p.* прикрывающий; **2.** *n* равнение в затылок, расположение в затылок

Словнику предшествует объяснение фонетических обозначений английских гласных, дифтонгов и согласных с примерами:

i: как в слове *see*

i — it

e — get [Таубе, 1938]

Это во многом объяснялось наличием достаточного объёма и стремлением авторов (в данном случае А.М. Таубе) создать самостоятельный, во многом независимый от общего, военный переводной словарь. Однако во второй половине XX века Г.А. Судзиловский вынужден был отказаться от транскрибирования каждого заглавного слова в силу возрастающей необходимости поиска способов экономии места для включения в словарь новых военных терминов, появление которых вызвано динамичным развитием военной науки. Большинство военных переводных словарей, не только англо-русских, не имеют фонетического очерка в разделе завершающих текстов и не транскрибируют даже наиболее сложные вокабулы, отклоняющиеся от правил орфоэпии иностранного языка.

Таким образом, исследованные нами военные двуязычные словари по своей природе являются отраслевыми, или терминологическими, переводными монодирекциональными моноскопальными словарями. Каждый общий военный переводной словарь успешно выполняет главную задачу отраслевого словаря — отражать изменения в терминологии определённой области знаний. К недостаткам исследуемых словарей относятся низкая периодичность их издания, отсутствие научных школ военной лексикографии, которые бы позволили параллельно развивать и совершенствовать как иноязычно-русские, так и русско-иноязычные военные словари, уделяя в равной степени внимание как созданию фундаментальных (общих), так и специальных (узконаправленных) отраслевых словарей.

¹⁴ Военный англо-русский словарь: около 25 000 слов и терминов из основных областей воен. дела с прил. словаря воен. сокращений / Сост. А.М. Таубе. М.: Изд-во нац. и иностр. словарей, 1938. 472 с.; Военный англо-русский словарь 2-е изд., испр. и доп. / Сост. А.М. Таубе. М.: Гос. изд. нац. и иностр. словарей, 1942. 640 с.; Военный англо-русский словарь 3-е изд., перераб. / Сост. А.М. Таубе. М.: Гос. изд. нац. и иностр. словарей, 1949. 947 с.

Более того, в составлении русско-французского словаря военных терминов Н.К. Гарбовского, последнего из вышедших на сегодняшний день общих переводных военных словарей, приняли участие лексикографы России и Франции, что позволяет нам предполагать, что данный словарь рассчитан не только на русскоязычного адресата, но может быть успешно использован в работе военными специалистами франкоязычных стран, о чем также косвенно свидетельствует перевод окружающих текстов на французский язык.

Объединение усилий лексикографов и отраслевых специалистов разных стран следует считать следующим этапом развития теоретической и практической отраслевой лексикографии: в условиях активного международного сотрудничества и развития транснациональных корпораций отраслевые переводные словари позволят решать многие проблемы межкультурной коммуникации, а также будут способствовать снятию языковых барьеров, препятствующих её развитию.

Список литературы

- Берков В.П.* Двужычная лексикографія: Учебник. М.: АСТ, Астрель, 2004. 236 с.
- Berkov, V.P.* Dvujazychnaja leksikografija: Uchebnik [Bilingual Lexicography: Textbook], Moskow: AST, Astrel', 2004, 236 p. (in Russian).
- Военный англо-русский словарь: около 25 000 слов и терминов из основных областей воен. дела с прил. словаря воен. сокращений / Сост. А.М. Таубе. М.: Изд-во нац. и иностр. словарей, 1938. 472 с.
- Voennyj anglo-russkij slovar': okolo 25 000 slov i terminov iz osnovnyh oblastej voen. dela s pril. slovarja voen. Sokrashhenij [Military English-Russian Dictionary: approx. 25,000 entries of the main military areas with the dictionary of military abbreviations], Sost. A.M. Taube, Moskow: Izd-vo nac. i inostr. slovarej, 1938, 472 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Русско-французский словарь военных терминов. М.: Изд-во МГУ, 2008. 960 с.
- Garbovskij, N.K.* Russko-francuzskij slovar' voennyh terminov [Russian-French Dictionary of Military Terms], Moskow: Izd-vo MGU, 2008, 960 p. (in Russian).
- Малинин А.М.* Военный русско-немецкий словарь: Около 5 000 слов. М.: Полиграфкнига, 1944. 176 с.
- Malinin, A.M.* Voennyj russko-nemeckij slovar': Okolo 5 000 slov [Military Russian-German Dictionary: approx. 5,000 entries], Moskow: Poligrafkniga, 1944, 176 p. (in Russian).
- Судзиловский Г.А.* Англо-русский военный словарь: около 50 000 терминов. М.: Воениздат, 1968. 1064 с.

- Sudzilovski, G.A.* Anglo-russkij voennyj slovar': okolo 50000 terminov [English-Russian Military Dictionary: approx. 50,000 entries], Moskow: Voenizdat, 1968, 1064 p. (in Russian).
- Парпапов Л.Ф.* Русско-немецкий военный словарь: около 60 000 терминов. М.: Воениздат, 1990. 1040 с.
- Parparov, L.F.* Russko-nemeckij voennyj slovar': okolo 60 000 terminov [Russian-German Military Dictionary: approx. 60,000 entries], Moskow: Voenizdat, 1990, 1040 p. (in Russian).
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. 428 с.
- Shherba, L.V.* Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' [Language system and Speech Activity], Moskow: Nauka, 1974, 428 p. (in Russian).

Б.Л. Бойко,

доктор филологических наук, профессор Военного университета Министерства обороны РФ; e-mail: borisboiko@gmail.com

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ (на материале романа Э.М. Ремарка «Возвращение»)

Военная лексика обобщает понятия военная терминология, военная профессиональная лексика, военный жаргон. В переводе названным категориям должны быть найдены эквивалентные единицы или предложены решения перевода непереводаемого. Оригинал воссоздается с опорой на имеющиеся в языке перевода ресурсы, успех перевода во многом зависит от творческого потенциала переводчика.

Ключевые слова: военная лексика, военная терминология, военные профессионализмы, единицы военного жаргона.

Boris L. Boiko,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Military University, Moscow, Russia;
e-mail: borisboiko@gmail.com

TRANSLATING MILITARY TERMS: A CASE STUDY OF THE RUSSIAN TRANSLATION OF *THE ROAD BACK* BY ERICH M. REMARQUE

The military lexicon generalizes the concepts of military terminology, military professional lexicon and military slang. For these categories, equivalent units are to be found in the translation or a solution as to how to translate the untranslatable is to be proposed. The original is reconstructed with the resources available in the target language, and the success of the translation broadly depends on the translator's creativity and imagination.

Key words: military lexicon, military terminology, military professional lexicon, military slang.

В художественных текстах военная лексика обозначает в самом широком плане принадлежность произведения или его отдельных фрагментов к теме войны или военному делу. В авторской речи и в речи персонажей военная лексика с различной степенью точности передает суть событий и суть отношений между людьми, принимающих участие в описываемых событиях. Военная лексика включает военные термины, военные профессионализмы и единицы военного жаргона. Эти три категории на пространстве художественных текстов отличаются функциональной спецификой. Военные термины, вышедшие за пределы специальных текстов, утрачивают присущую им точность, обретают черты военных профессионализмов. Читатель, не принадлежащий к военной среде

и не имеющий специальных военных знаний, воспринимает их как вкрапления, относящиеся к профессиональной речи [Гарбовский, 1988, с. 25]. Военные профессионализмы и единицы военного жаргона, выходя за рамки социально-групповой речи и подчиняясь нормам литературного языка, пропускаются через сито существующей общественной морали.

Военный специалист всегда усмехнётся неточностям использования военных терминов в художественном тексте о войне, ветеран военной службы уличит автора в ошибках воспроизведения профессиональной речи, лихой вояка упрекнёт автора в незнании значений единиц жаргона. В переводе оригинального текста на иностранный язык мера неточности возрастает — переводной текст — это всегда недостаточно полное воспроизведение картины мира иноязычной культуры и субкультуры на языке перевода. Наибольшие потери в переводе несёт профессиональная и жаргонная речь автора и его персонажей.

Тему статьи попытаемся раскрыть с опорой на оригинал и два перевода романа Э.М. Ремарка «Der Weg zurück», выполненные И. Горкиной и Е. Шукшиной. По материалам изысканий Р.Р. Чайковского и соавторов [Чайковский, Крашенинников, Лысенкова, 2001, с. 5–14], этот роман Ремарка был впервые опубликован в 1930–1931 гг. в газете «Vossische Zeitung». Перевод романа на русский язык появился в русских эмигрантских газетах в Риге и в Париже и (1931 г.), в третьем номере журнала «Интернациональная литература (1933 г.) и в седьмом номере журнала «Знамя» (1934 г.). Перевод 1934 г., выполненный И. Горкиной, вышел отдельным изданием в 1936 году под названием «Возвращение» и затем многократно переиздавался в СССР и России. Перевод Е. Шукшиной под названием «На обратном пути» опубликован в 2015 году. Ниже в сопоставительном плане мы рассматриваем отдельные фрагменты оригинала и соответствующие фрагменты в переводах И. Горкиной [Ремарк, 1993] и Е. Шукшиной [Ремарк, 2015].

Сопоставление оригинального текста и двух текстов переводов позволяет заново прочитать оригинал глазами переводчика, обязанного понять иноязычный текст намного глубже того читателя, кому предназначен перевод. Сужение объекта исследования до проблемы перевода военной лексики — с тем же успехом мог быть исследован в оригинале и переводе любой иной тематически связанный пласт лексики — позволяет обнаружить успешные и менее успешные решения переводчика.

Ограниченные объёмом статьи, мы сосредоточим своё внимание на переводе нескольких начальных страниц романа, наиболее насыщенных военной лексикой и требующих от переводчика того

уровня знаний военной области, которую предполагал в своём читателе автор. Они содержат описание боя на одном из участков Западного фронта. Бой этот, по замыслу автора, оказывается последним для персонажей романа — горстки немецких солдат, оставшихся в живых в проигранной Германией войне.

Сюжет начального фрагмента текста романа незамысловат: остатки пехотной роты во главе с её командиром располагаются на оборонительных позициях. Ночь, относительно тихо. Солдаты дремлют, однако прислушиваются к звукам войны. Один из них обращает внимание на необычные, странные звуки, отличающиеся от привычных звуков войны. Противник применил газовые снаряды? Нет, это шум крыльев и клёкот улетающих на юг диких гусей. Вскоре противник начинает артиллерийскую подготовку. Командир роты приказывает солдатам выдвинуться вперёд. Солдаты покидают окопы и занимают позиции в воронках от разорвавшихся снарядов. Начинается атака противника, солдаты ведут огонь из винтовок и пулемётов, бросают гранаты, отражают напор наступающего противника, однако удержать позиции они не могут. Перед тем как отойти, они выручают своих товарищей, оказавшихся на острие атаки противника. Поступает приказ об отходе. Солдаты отходят, унося на плащ-палатке смертельно раненого товарища. О насыщенности этого фрагмента текста военной терминологией можно судить по нашей выборке, в которой для удобства восприятия лексика разнесена по тематическим группам. Назовём их:

- общие понятия, связанные с военной темой: Krieg, Front, Soldaten;
- боевые действия, управление боем: Gefecht, Gefechtszone, Gefechtsläufer, Befehl, Angriff, angreifen, vorstoßen, umkämpfen, abschneiden, von der Flanke fassen, zurückgehen;
- подразделения и командиры, воинские звания: Zug, Zugführer, Kompanie, Kompanieführer, Feldwebel, Unteroffizier, Leutnant;
- вооружение пехоты: Gewehr, Maschinengewehr, MG, Revolver, Handgranate (Granate), Leuchtrakete (Rakete), Leuchtkugel;
- боеприпасы и средства поражения: Munition, Sprengstücke, Granatfetzen;
- выстрел, производство выстрела, звук выстрела, звук встречи пули или снаряда с целью: Schuss, Abschuss, Ladehemmung, Einschlag, Volltreffer;
- артиллерия, огонь артиллерии, артиллерийские снаряды: Artilleriefeuer, schweres Feuer, Granate¹, Gasgranate, Mündungsfeuer;

¹ Ремак не использует слово Geschoss. Артиллерия времен Первой мировой войны, по Ремарку, ведёт огонь *гранатами* — *Granaten*).

- обмундирование и оснащение пехотинца: Zeltbahn, Stiefel, Kochgeschirr, Mantel, Koppel, Helm (Stahlhelm), Uniform;
- естественные и искусственные укрытия на поле боя, инженерное оборудование местности: Trichter, Trichternest, Grabenstück, Laufgraben, Böschung, Unterstand, Brustwehr, Stellung, Schützengraben, Schutz;
- ранения, оказание медицинской помощи раненым на поле боя, медицинские учреждения в ближайшем тылу: Sanitäter, Lazarett, Schuss in den Arm bekommen, Bauchverletzte, verbinden, Krankheit, Tabletten einnehmen;
- фронтовой отпуск: Urlaub;
- единицы военного жаргона Knarre (Gewehr), Kohldampf (Hunger), Gulaschkanone (Feldküche), Lausekrieg, Spieß (Kompaniefeldwedel), Feldgraue (Soldaten), beim Kommiß (beim Militär), Kommißmantel, Kommißknüppel (Gewehr);
- разговорная лексика и инвективы разговорной речи солдат: Scheiße, Verflucht! Verdammt! Halt die Schnauze! eins vor den Brecken kriegen, eine saftige Schweinerei erzählen, das schlägt ein wie eine Bombe, Schnauzen aufreißen.

Военные сцены в тексте романа не детализованы. Военная лексика в оригинале образует фон, на котором действуют персонажи. От читателя не требуется военных знаний, ему важно понять отношения между людьми на войне.

Далее ограничимся анализом отдельных примеров перевода — успешных, менее успешных и ошибочных — с тем, чтобы понять, специфику функционирования военной лексики в художественном тексте. Разберём отдельные фрагменты оригинала и двух упомянутых выше переводов. Оговоримся: работая с изданием текста романа, датированного 1931 годом, мы приводим отдельные фрагменты в современной орфографии.

Военные термины

Военные термины вне пространства военных текстов, функционирующих в речевом общении военных специалистов, размываются в своих специальных значениях. Те из них, что были заимствованы из общего языка, возвращаются к своему семантическому содержанию до своей терминологизации. Таковы слова Feuer, Nest, Graben, Böschung, Trichter и им подобные. Другие утрачивают свою семантическую точность, подвергаются детерминологизации [Лейчик, 2014, с. 29] и включаются в общий лексический фонд языка на основаниях тематической принадлежности, таковы Angriff, Gewehr, Schuss, Front, Revolver и др.

Пример 1. *Kompanieführer* ‘командир роты’, *Trichter* ‘воронка (образовавшаяся от разрыва снаряда, мины или авиационной бомбы)’, *Munition* ‘боеприпасы’.

(1) *Der Kompanieführer kriecht in unsern Trichter. „Habt ihr alles?“ fragt er durch den Lärm. „Zu wenig Munition“, schreit Bethke (Remarque, p. 17).*

(1) Ротный лезет в нашу воронку. — Всем обеспечены? — старается он перекричать шум. — Патронов маловато! — кричит в ответ Бетке (Перевод И. Горкиной, с. 13–14).

(1) К нам в траншею спрыгивает ротный. — У вас всё есть? — перекикивает он грохот. — Снарядов мало, — кричит Бетке (Перевод Е. Шукшиной, с. 15).

В переводе Е. Шукшиной сразу две ошибки интерпретации оригинального текста. Первая связана с неверной конкретизацией значения слова *Munition*. По тексту оригинала немецкие солдаты применяют в бою винтовки, пулемёты и ручные гранаты. Следовательно, слово *Munition* в данном случае может означать патроны для винтовок и пулемётов и некоторый запас ручных гранат. На нехватку *снарядов* жаловались бы артиллеристы. Вторая ошибка связана с неверной интерпретацией слова *Trichter* — *воронка*. *Воронка* — естественное углубление, образовавшееся на месте взрыва крупнокалиберного снаряда или авиационной бомбы, *траншея* — протяжённый ров, отрытый пехотинцами в целях ведения оборонительного боя и укрытия от пуль и осколков. У *воронки* пологие края, у *траншеи* — стенки, отрытые под углом в девяносто градусов.

Обращает на себя внимание перевод в обоих случаях термина *Kompanieführer* — *командир роты* в разряд единиц разговорной речи — *ротный*. К этому переводчиков подвигает общая нетерминологическая тональность использования военных терминов в художественном тексте.

Обеим переводчицам можно было бы посоветовать прибегнуть к уточнению перевода фрагмента *fragt er durch den Lärm*. Предлагаемые *шум* (И. Горкина) и *грохот* (Е. Шукшина), можно было бы приблизить к ситуации, развернув их в словосочетания *шум боя* и *грохот разрывов*.

Пример 2. *Angriff* ‘наступление’, ‘атака’, *Handgranate* ‘ручная граната’, *Ladehemmung* ‘задержка ведения огня из-за перекоса ленты’, *Trichternest* ‘огневая точка в воронке’, *Flanke* ‘фланг’, *MG (Maschinengewehr)* ‘пулемёт’, *Böschung* ‘пологий откос воронки (от разорвавшегося снаряда)’.

(2) *Der Angriff liegt links vor uns. Ein Trichternest vor uns wird umkämpft. Das MG bellt. Die Blitze der Handgranaten zucken. Plötzlich*

schweigt das MG — Ladehemmung. Sofort wird das Nest von der Flanke gefasst. Ein paar Minuten noch, und es ist abgeschlossen. Heel sieht es. „Verflucht“, er setzt über die Böschung, „Vorwärts!“ (Remarque, p. 18–19).

(2) Атака — влево от нас. Борьба разгорается вокруг одной нашей огневой точки в воронке. Лает пулемёт. Вспыхивают молнии рвущихся гранат. Вдруг пулемёт замолкает: заело. Огневую точку сразу же атакуют с фланга. Ещё несколько минут — и она будет отрезана. Хеель это видит.

— Чёрт! — он прыгает через насыпь. — Вперёд!

(Перевод И. Горкиной, с. 14–15).

(2) Бой слева от нас. Он идёт за одну из наших точек в воронке. Лай пулемёта. Секундные вспышки гранат. Пулемёт замолкает — пулемётчику надо поменять магазин, — и с фланга сюда тут же устремляется атака. Ещё несколько минут, и точка отрезана. Хеель, заметив это, садится на насыпь.

— Чёрт возьми! Вперёд!

(Перевод Е. Шукшиной, с. 16).

Атака и Бой слева от нас как переводческие решения — пример детерминологизации военного термина Angriff, имеющего значения и ‘наступление’ и ‘атака’. Бой, описываемый в данном фрагменте художественного текста, может быть интерпретирован как *атака* противника на позиции немецких подразделений. Термин Ladehemmung в дословно переводе ‘помеха при зарядании’ может означать как прекращение огня из-за перекоса ленты (что чаще), так и необходимость заменить отстрелянный контейнер с пулемётной лентой на 100 патронов на заряженный. Оба переводческих решения: *Вдруг пулемёт замолкает: заело и пулемёт замолкает — пулемётчику надо поменять магазин* — приемлемы, так как любое уточнение деталей противоречило бы принципу детерминологизации терминов в художественном тексте. Менее удачна интерпретация фрагмента, где командир роты, увлекая за собой солдат, setzt über die Böschung. Из ситуации более-менее понятно, что немцы ведут бой несколько впереди оборонительных позиций, укрываясь от огня противника в воронках и превратив эти воронки в огневые точки. Броситься на выручку солдат, находящихся слева, означало не *прыгнуть через насыпь* (пер. И. Горкиной), ни, тем более, *сесть на насыпь* (пер. Е. Шукшиной), а *перемахнуть через бруствер*.

Пример 3. Sprengstück ‘осколок снаряда’, Volltreffer ‘прямое попадание’, Explosion ‘разрыв (снаряда)’.

(3) Es regnet Sprengstücke. Einen hat es bestimmt erwischt, denn in unsern Trichter saust mit einem heißen Granatfetzen eine abgerissene Hand, gerade neben Bethkes Kopf (Remarque, s. 18).

(3) Осколки сыплются дождём. В кого-то наверняка попало: в нашу воронку у самой головы Бетке падает вместе с раскалённым осколком кисть чьей-то руки. (Перевод И. Горкиной, с. 14).

(3) Градом сыплются осколки. Кого-то точно накрыло, потому что к нам в траншею вместе с горячим осколком гранаты летит оторванная рука. (Перевод Е. Шукшиной, с. 16).

О том, что немецкие солдаты попали под огонь артиллерии противника, читатель может судить по фразе *Es regnet Sprengstücke* — Градом сыплются осколки (в переводе Е. Шукшиной). Далее по тексту автор использует разговорный синоним *Granatfetzen* ‘осколок снаряда’, подтверждая, что в начале XX века в речевом обиходе слово *Granate* в значении ‘артиллерийский снаряд’ ещё не вытеснено словом *Geschoss*. Обращает на себя внимание различие в интерпретации слова *Hand*. О необходимости различать слова *Arm* ‘рука’ и *Hand* ‘кисть’, *Bein* ‘нога’ и *Fuß* ‘ступня’ студентам общается на начальном этапе обучения.

Пример 4. *Gewehr* ‘винтовка’. *Zeltbahn* ‘плащ-палатка’. *Bahre* ‘носилки (для транспортировки раненых)’.

(4) *Weßling nehmen wir in einer Zeltbahn mit, durch die ein Gewehr zum Tragen gesteckt wird, bis wir eine Bahre finden. Vorsichtig tappen wir hintereinander her* (Remarque, p. 20).

(4) Пока не найдём носилок, мы тащим Веслинга на плащ-палатке, продев в неё ружьё, чтобы удобнее было ухватиться. Ощупью, осторожно ступаем друг за другом (Перевод И. Горкиной, с. 16).

(4) Веслинга мы берём на плащ-палатку, продев в неё винтовку, пока не найдём настоящие носилки. Осторожно пробираемся друг за другом (Перевод Е. Шукшиной, с. 18).

Внимание читателя романа в переводе И. Горкиной привлекает *ружьё*, продетое в плащ-палатку для удобства использования её в качестве носилок. Если это попытка переводчицы перевести термин винтовка в разряд просторечного ружьё, то попытку это придётся признать неудачной. К началу первой мировой войны *ружьё*, заряжавшиеся с дульной части, стали достоянием истории. На смену им пришли многозарядные *винтовки*, с помощью которых были достигнуты более высокая скорострельность и меткость огня. Кстати, это единственный случай, когда в качестве эквивалента слова *Gewehr* переводчица предлагает слово *ружьё*, см. например в том же начальном фрагменте текста романа: *Щёлкает затвор, Козоле опускает винтовку ...Козоле с досадой швыряет винтовку. ...винтовки щёлкают, и от земли вдруг поднимается гнилостный запах смерти* (Перевод И. Горкиной, с. 10–11).

Профессионализмы

Термины и профессионализмы и в какой-то мере жаргонизмы — неотъемлемая часть военно-профессиональной разговорной среды. В специальных текстах, где термины реализуют свои первичные функции именованя, военные профессионализмы и единицы военного жаргона оформляются как заимствования из речевого обихода специалистов в своей среде, и в этом случае они берутся в кавычки, чем обозначается их цитатный характер. В художественном тексте профессионализмы рядовое явление, это те случаи перевода терминов в разряд профессионализмов, о котором мы писали выше.

Пример 5. MG (Maschinengewehr) ‘пулемёт’.

(5) Kein MG mehr, kein Abschuss, kein Einschlag; kein Granatpfeifen, nichts, gar nichts mehr, kein Schuss, kein Schrei. Esisteinfachstill, vollkommenstill (Remarque, p.16).

(5) Ни пулемётов, ни пальбы, ни разрывов, ни посвиста снарядов, — ничего, как есть ничего, ни одного выстрела, ни одного крика. Тихо, просто тихо (Перевод И. Горкиной, с. 13).

(5) Ни пулемётов, ни пуль, ни разрывов, ни свиста гранат — вообще ничего, ни выстрелов, ни крика. Просто тишина. Полная (Перевод Е. Шукшиной, с. 13).

Использованная в оригинале аббревиатура MG принадлежит немецкой военной профессиональной речи. В переводе не предлагается ей буквенного эквивалента, заодно переводятся в разряд профессионализмов и термины Abschuss ‘производство выстрела’, Schuss ‘выстрел’, Einschlag ‘точка встречи’ (снаряда, пули с целью).

Пример 6. Helm (Stahlhelm) ‘шлем’ (стальной шлем), совр. ‘каска’.

(6) Heel springt zu uns herein, kalkweiß vor Wut unter dem Helm beim Aufflackern der Explosionen. „Brandt“, keucht er, „Volltreffer, alles weg“ (Remarque, p. 18).

(6) Хеель прыгает к нам. При вспышках разрывов видно из-под шлема его побелевшее от ярости лицо.

— Брандт... — задыхается он. — Прямое попадание. В клочки!

(Перевод И. Горкиной, с. 14).

(6) Опять запрыгивает Хеель. В свете разрывов под шлемом видно его лицо, от бешенства белое как стена.

— Это Брандт, — объясняет он. — Прямое попадание, в кашу.

(Перевод Е. Шукшиной, с. 16).

Замена военного термина Stahlhelm на усечение Helm, характерное для военно-профессиональной речи и усвоенное общей речевой практикой само по себе ещё один пример упрощённого использования терминов в художественном тексте. В современном

понимании слово *шлем* в русском речевом обиходе не связывается с ушедшим в историю стальным шлемом, украшенным пикой и выполнявшим функцию каски. Не лучше ли было в данном случае оставить слово *Helm* без перевода?

Военный жаргон

Военный жаргон — неотъемлемая составная часть речевого общения в военной среде. Его функции не отличают его от любого языка социальной группы, где с помощью единиц военного жаргона его носители достигают необходимой эмоциональности внутригрупповых отношений. Жаргон в принципе непередадим, в своей образности он излишне национален. Солдатский жаргон языка перевода имеет иную образную основу, которая вырастает на иной этнической почве.

Пример 7. Knarre ‘винтовка’.

(7) Ein Schuß knallt. Kosole setzt die Knarre ab und späht eifrig zum Himmel. Er hat mitten in den Keil hineingehalten. (Remarque, p. 12).

(7) Щёлкает затвор. Козоле опускает винтовку и напряжённо всматривается в небо. Он целится в самую середину летящего клина (Перевод И. Горкиной, с. 10).

(7) Раздаётся выстрел. Козоле опускает винтовку и пристально всматривается в небо. Он целился в самый центр клина (Перевод Е. Шукшиной, с. 10).

Этнические различия единиц жаргона, сопоставляемых в процессе перевода культур и субкультур, не оставляют переводчику никаких шансов для эквивалентного перевода. Обратим внимание читателя и на ошибку в прочтении оригинала переводчицей И. Горкиной. Для того чтобы выстрелить из винтовки, недостаточно щёлкнуть затвором, нужно ещё нажать на спусковой крючок и только после этого, убедившись, что пуля не попала в цель, можно с досадой отбросить винтовку. Увы, русский военный жаргон не располагает эквивалентом для немецкого жаргонизма *Knarre*.

Пример 8. Kohldampf ‘ощущение голода’.

(8) Kosole mustert ihn noch einmal forschend. Da Jupp jedoch ruhig bleibt, wender er sich ab und brummt: „Dir zischt der Kohldampf im Bauch, das sind deine Granaten. Solltest lieber ein Auge voll Schlaf nehmen“ (Remarque, s. 7).

(8) Козоле снова критически оглядывает его, но так как на Юппа это не действует, он отворачивается и брюзжит:

— В брюхе у тебя урчит от голода — вот твои снаряды. Всхрапнул бы, больше б толку было (Перевод И. Горкиной, с. 7).

(8) Козоле бросает на него ещё один пристальный взгляд. Но поскольку Юпп молчит, он, отворачиваясь, бухтит:

— В животе у тебя урчит, вот и все твои гранаты. Спи лучше (Перевод Е. Шукшиной, с. 5).

Слово *Kohldampf* немецкими лексикографическими источниками однозначно квалифицируется как принадлежащее военному жаргону. Заимствованное из воровского жаргона, это слово насыщено экспрессивностью, подчёркивающей сильное чувство голода. Сопоставляя варианты перевода «в брюхе у тебя урчит от голода» (пер. И. Горкиной) и «в животе у тебя урчит» (пер. Е. Шукшиной), отдадим предпочтение первому варианту, где слово *брюхо*, стилистически помеченное как *разговорно-сниженное* [БТС, 1998], точнее передаёт грубоватую тональность общения в солдатской речевой среде.

Пример 9. *Eins vor den Bregen kriegen* *разг.* ‘получить пулю в лоб’.

(9) *Vereinzelte Schüsse fallen. Von rechts klingt entfernt das Geräusch explodierender Handgranaten.*

„Hoffentlich bleibt’s hier ruhig“, sagt Weßling.

„Jetzt noch eins vor den Bregen kriegen“ — Willy schüttelt den Kopf.

„Wer Pech hat, bricht sich den Finger, wenn er in der Nase bohrt“, brummt Valentin.

Ludwig liegt auf einer Zeltbahn. Er hätte wirklich hinten bleiben können. Max Weil gibt ihm ein paar Tabletten zum Einnehmen. Valentin redet auf ihn ein, Schnaps zu trinken (Remarque, p. 15).

(9) Одиночные выстрелы. Справа доносится отдалённый грохот рвущихся ручных гранат.

— Хоть бы здесь-то тихо было... — говорит Веслинг.

— Не хватает только напоследок получить пулю в мозговые клетки, — покачивает головой Вилли.

— Кому не везёт, тот, и в носу ковыряя, сломает палец, — бормочет Валентин.

Людвиг лежит на плащ-палатке. Ему действительно не следовало двигаться. Макс Вайль даёт ему несколько таблеток. Валентин уговаривает его выпить водки (Перевод И. Горкиной, с. 12).

(9) Отдельные выстрелы. Вдалеке справа разрывы гранат.

— Может, хоть здесь обойдётся, — говорит Веслинг.

— Не хватало ещё, чтобы сейчас мозги продырявили, — качает головой Вилли.

— Уж если не везёт, то ломаешь палец, ковыряя в носу, — отзывается Валентин.

Людвиг лежит на плащ-палатке. Ему, в самом деле, лучше было остаться. Макс Вайль даёт ему пару таблеток, Валентин уговаривает выпить шнапса (Перевод Е. Шукшиной, с. 12).

В лексикографическом источнике Duden Universallexikon слово Bregen помечено как заимствованное из нижненемецкого, где оно означает лобовую часть черепа животного, предназначенного для уоя. Для немецкого фразеологизма „eins vor den Bregen kriegen“, где Bregen во втором значении сопровождается пометой *ugs. scherzh.* — *разг.-шутл.* наиболее удачным было бы «получить пулю в лоб». Сопоставляя решения «Не хватает только напоследок получить пулю в мозговые клетки» (пер. И. Горкиной) и «Не хватало ещё, чтобы сейчас мозги продырявили» (пер. Е. Шукшиной), отдадим предпочтение второму варианту. Одновременно пометим на полях, что Schnaps, означающий в немецком речевом обиходе любой спиртной напиток и имеющий в том же немецком универсальном лексиконе помету *ugs. (разг.)*, никоим образом не может превратиться в *водку* (пер. И. Горкиной). Переводческая теория и практика освоила эти и другие напитки и передаёт их главным образом, прибегая к транскрипции и транслитерации. Лексикографические источники русского и немецкого языков предлагают *шнэпс* для *Schnaps* и *Водка* для *водка*.

Краткие итоги

Военная лексика в художественном тексте представлена военными терминами, военными профессионализмами и единицами военного жаргона. Названные лексические единицы покидают естественную среду обитания, какой для военных терминов служат специальные военные тексты, и устно-речевую среду, характерную для бытования военных профессионализмов и военного жаргона. Военные термины в художественном тексте теряют свойственную терминам точность употребления, подвергаются детерминализации. Военные профессионализмы и единицы военного жаргона проходят стадию олитературивания в той степени, в какой они одобряются социальной моралью. Сопоставление одного из фрагментов романа Э.М. Ремарка в оригинале и двух его переводах на русский язык предлагает читателю, владеющему немецким и русским языками, возможность для осмысления найденных в русском языке эквивалентов военным терминам, военным профессионализмам и единицам военного жаргона исходного текста.

Список литературы

- БТС: Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. 1536 с. Санкт-Петербург.
- BTS: Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language], sost. i gl. red. S.A. Kusnecov. St. Petersburg: "Norint", 1998, 1536 p. (in Russian).

- Гарбовский Н.К.* Сопоставительная стилистика профессиональной речи (на материале русского и французского языков). М.: Изд-во МГУ, 1988. 144 с.
- Garbovskij, N.K.* Sopostavitel'naja stilistika professional'noj rechi [Comparative stylistics of professional speech (on a material of Russian and French)], Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1988, 144 p. (in Russian).
- Лейчик В.М.* Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 264 с.
- Lejchik, V.M.* Terminovedenije. Predmet, metody, struktura [Terminology. Subject, methods, structure], Moscow: "LIBROKOM", 2014, 264 p. (in Russian).
- Чайковский Р.Р., Крашенинников А.Е., Лысенкова Е.Л.* Русские переводы романов Э.М. Ремарка в контексте эпохи // Перевод и переводчики: Науч. альманах каф. нем. яз. Сев. междунар. ун-та. Вып. 2: Э.М. Ремарк / Гл. ред. Р.Р. Чайковский. Магадан: Кордис, 2001. С. 5–14.
- Chajkovskij, R.R., Krasheninnikov, A.E., Lysenkova, E.L.* Russkije perevody romanov E.M. Remaque v kontekste epochi [*Chajkovskij R.R., Krasheninnikov A.E., Lysenkova E.L.* Russian translations of novels of E.M. Remarque in the context of an age], perevod i perevodchiki: Nauchnyj almanach kaf. nem. jaz. Sev. mezhdunar. un-ta. Vyp. 2: E.M. Remarque, gl. red. R.R. Chajkovskij, Magadan: Kordis, 2001, p. 5–14 (in Russian).
- Duden. Deutsches Universalwörterbuch.* 5, überarbeitete Auflage. Dudenverlag. Mannheim. Leipzig. Wien, Zürich, 2003.

Источники

- Ремарк Э.М.* Возвращение / Пер. с нем. И. Горкиной // Ремарк Э.М. Возвращение. Время жить и время умирать. М.: LEXICA, 1993. С. 5–233.
- Remark, E.M.* Vosvrashhenije [The Road Back], perevod s nem. Ira Gorkina, Remark E.M. Vosvrashhenije. Vrem'a zhit' i vrem'a umirat'. Moscow: LEXICA, 1993, p. 5–233 (in Russian).
- Ремарк Э.М.* На обратном пути / Пер. с нем. Е. Шукшиной. М.: АСТ, 2015. 320 с.
- Remark E.M.* Na obratnom puti [The Road Back], perevod s nem. Jekaterina Shukshina. Moscow: AST, 2015, 320 p. (in Russian).
- Remarque, E.M.* Der Weg zurück. Im Propyläen-Verlag, Berlin, 1931, 369 p.
- Remarque, Erich Maria.* The Road Back. A Novel, Berlin, 1931, 369 p.

Ким Ирe,

Стажёр факультета Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: moscow_yirye@naver.com

О ГЕНЕТИЧЕСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

В статье проводится генетический анализ современной южнокорейской строительной терминологии, который демонстрирует, что термины, как и слова общелитературного языка можно подразделить на три группы: исконно корейские, сино-корейские (ханмунные) и фонетически адаптированные заимствования. Особенностью строительной терминологии, которая формировалась динамично и хаотично, является множество гибридных терминов. Сино-корейские единицы (морфемы, лексемы) составляют основу терминологии по причине подвижности и вариативности иероглифической семантики, высокой сочетаемости иероглифов друг с другом (агглютинация), в связи с аналитическим характером форм (образование сложных терминов). К основным причинам фонетического заимствования терминов из английского языка можно отнести стремление специалистов к упрощению международных контактов, а также к языковой экономии — предпочтение кратких заимствований описательным оборотам родного языка. Несмотря на то, что строительство в Корее велось испокон веков, терминология начала формироваться и унифицироваться только в XX веке с появлением Института корейского языка. В статье рассматриваются основные исторические периоды, повлиявшие на формирование строительной терминологии в частности и корейской лексики в общем. Южнокорейская терминология, как и сфера строительства, до сих пор динамично развивается, пополняется новыми терминами. Некоторые термины переходят в класс устаревающих, другие остаются в числе неологизмов и профессиональных жаргонизмов и не входят в фонд общелитературного языка. В Республике Корея ведётся активная работа лингвистов по упорядочению и унификации строительной терминологии.

Ключевые слова: южнокорейская строительная терминология, исконно корейская лексика, сино-корейская лексика, ханмунная лексика, терминология, терминологический элемент, фонетически адаптированные заимствования.

Kim Yirye,

PhD, Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: moscow_yirye@naver.com

ON GENETIC ORIGIN OF STRUCTURAL ELEMENTS OF SOUTH KOREAN CONSTRUCTION TERMS

The article deals with the results of a genetic analysis of modern South Korean construction terminology and demonstrates that construction terminology shows the same word formation trends. It can be divided into three groups: Native Korean, Sino-Korean / Hanmun elements and phonetically adapted borrowings. A distinctive feature of South

Korean construction terminology, which has been evolving rapidly and chaotically, is a multiple number of hybrid terms. Sino-Korean morphemes form the basis of terminology due to the mobility and variability of hieroglyphic semantics, high compatibility of Sino-Korean elements with each other (agglutination) and due to the nature of the analytical formation of complex terms. The main reasons for the phonetic borrowings of terms from the English language can be attributed to the desire of experts to facilitate international contacts and the preference for shorter in form borrowings to longer descriptive native terms. Despite the fact that the construction has been carried out in Korea for centuries, terminological unification and systematization started in the middle of the 20th century stipulated by the Institute of the Korean Language. In the article, the main historical periods that influenced the formation of construction terminology in particular, and Korean language in general, are classified. South Korean construction terminology is overcoming dynamic development, new terms replenish professional vocabulary, some terms proceed to the category of obsolescent, some other terms remain in the category of neologisms or professional jargon terms. Nowadays South Korean construction terminology is being actively classified and unified.

Key words: South Korean construction terminology, Native Korean vocabulary, Sino-Korean vocabulary Hanmun vocabulary, terminology, terminological elements, phonetically adapted borrowings, hybrid terminology.

В настоящей статье приведены результаты диахронического исследования с целью выявления структурных компонентов, из которых образуются южнокорейские терминологические единицы сферы строительства.

С генетической точки зрения лексику корейского языка можно подразделить на исконно корейскую лексику¹; сино-корейскую или ханмунную² лексику³, которая потенциально может быть записана иероглифами, и фонетически адаптированные иноязычные заимствования⁴. Именно такая классификация является наиболее частотной и широко используемой в корееведении и является наиболее оправданной для корейского языка [см. напр.: Концевич, 2001; Дмитриева, 2002; Скорбатюк, 1975; Пакулова, 2009; Похолкова, 2007 и пр.].

Сино-корейская лексика обеспечивает функционирование корейского литературного языка в научном, публицистическом, официально-деловом и художественном тексте и является структурной основой любой терминологии. Она неоднородна по своему происхождению. Изобретённые в Китае иероглифы заимствовались странами Дальнего Востока. Однако иероглифическая лексика корейского языка пополнялась не только за счёт лексического фонда китайского языка, некоторые слова были созданы внутри

¹ 고유어 [кою].

² 한문 [ханмун].

³ 한자어 [ханчао].

⁴ 외래어 [верэо].

корейского языка как отдельные лексические единицы или кальки иностранных слов, многие пришли из Японии. С присутствием сино-корейских значимых морфем в лексике и терминологии связывают такие языковые явления, как омонимия, синонимия, терминологическая метафора, высокая степень детализации понятия.

Началом использования иероглифики и ханмунной лексики (иероглифического происхождения) считается VII век нашей эры, однако некоторые исследователи утверждают, что ещё в III веке иероглифы стали проникать на территорию Корейского полуострова из Японии [Пакулова, 2009; Ли Иксоп, 2009]. Однако в тот период процент лексики китайского происхождения в языке был незначителен, при этом она имела статус иностранных заимствований. На протяжении VII и VIII веков сино-корейская лексика стала занимать достаточно важное место в корейском языке. Этому способствовал целый ряд факторов: заимствование государством Силла системы образования страны Тан и установление в Коре образовательных учреждений для изучения конфуцианских канон. Во-вторых, «китаизация» корейских топонимических названий и использование китайских названий для обозначения должностей чиновников.

Появившуюся в тот исторический период (III–VIII вв.) ханмунную лексику можно в целом разделить на две группы: 1) лексика, описывающая учение Конфуция и соответственно государственное устройство и 2) лексика, относящаяся к буддизму. Последнюю, следует разделить на две категории: а) лексика, образующаяся путём транскрипции (т.е. санскритские слова, записанные иероглифами по чтению) и б) лексика, вошедшая в фонд корейского языка через собственно перевод и переводческие трансформации⁵. Именно первая разновидность буддийской лексики, навела корейских ученых на мысль о возможности создания фонетических систем записи путём использования иероглифов по чтению для записи собственно корейских сначала служебных морфем, а затем и слов вообще. Здесь следует сказать о том, что, хотя в российском корееведении наиболее известной системой фонетической записи является иду, в корейской лингвистике основное внимание уделяется хянгчхаль,

⁵ Под переводческой трансформацией мы вслед за Н.К. Гарбовским понимаем такой процесс перевода, «в ходе которого система смыслов, заключенная в речевых формах исходного текста, воспринятая и понятая переводчиком в силу его компетентности, трансформируется естественным образом вследствие межъязыковой асимметрии в более или менее аналогичную систему смыслов, облакаемую в формы языка перевода» [Гарбовский, 2004, с. 366]. Поскольку при транскрипции операции совершаются не на смысловом, а на формальном уровне, то есть переводчик оперирует не системами смыслов, а формальными единицами — фонемами и графемами — такой метод заимствования к переводу мы не относим.

поскольку именно последняя была попыткой не кореизации иероглифического письма, а фиксирования корейского языка. С точки зрения источника заимствования ханмунной лексики периоды Трёх государств, Объединенной Силла и Корё обычно отличают от периода Чосон, поскольку если в предыдущий период лексика заимствовалась из вэньяня (древнекитайского языка), то в период Чосон, когда расширились частные обмены сначала с династией Мин, источником ханмунных заимствований стал байхуа (китайский разговорный язык). Чтения иероглифов, которыми записывались слова из байхуа, значительно отличались от тех чтений, которые соответствовали им в лексике, заимствованной из вэньяня, и были очень близки фонетически к собственно китайским чтениям того периода. Большинство слов, заимствованных из байхуа, с течением времени стали так называемыми «мёртвыми словами». Они до сих пор фиксируются словарями, однако не используются в реальной языковой практике, поскольку в основном являлись обозначением тех конкретных предметов, вместе с которыми заимствовались и вслед за исчезновением которых вышли из употребления. Тем не менее, некоторая часть из них по-прежнему имеет хождение в языке и, как правило, относится к простым словам, причём собственно корейским, поскольку их внутренняя структура является непроницаемой для современного корейского языкового сознания. Процесс заимствования лексики из байхуа продолжался вплоть до начала XX века, т.е. до времени выхода на политическую сцену и деятельности «движения просвещения»⁶, начавшегося в 1894 году после прихода к власти «партии сторонников движения за цивилизацию (просвещение)»⁷ [Пакулова 2009, с. 160].

Заимствованные в более поздний период слова из *байхуа* являлись обозначениями предметов, понятий и явлений, принадлежащих западной цивилизации, с которой в тот исторический период стал активно сотрудничать Китай. Эти заимствования относились к различным сторонам жизни, таким как политика, экономика, культура, военное дело и т.д., и потому остались в языке и активно используются в наши дни.

Третий период заимствования, который начался в конце девятнадцатого века и продолжался до середины двадцатого, характеризовался преобладанием в заимствованиях иероглифической лексики, созданной в Японии. Дело в том, что, несмотря на то, что в этот исторический период и Китай, и Япония стали принимать

⁶ 갑오경장 [кабо-кёнъчжанъ].

⁷ 개화당 [кэхваданъ].

и ассимилировать достижения западной цивилизации, создание неологизмов для их обозначения в каждой из двух стран шло по собственному пути. Корея же, оказавшаяся вначале в сфере культурного влияния Японии, а затем ставшая на более чем четыре десятилетия японской колонией, воспринимала западную культуру через сино-японскую лексику. Всю сино-японскую лексику, заимствованную в то время, обычно подразделяют на три группы. К первой относится изначально созданная в Китае лексика, которая затем была заимствована в японский язык, а в настоящий момент является общей для китайского и японского языков. Ко второй относятся слова, появившиеся в Японии, основой которых являлись переводы на японский язык голландских письменных источников. К третьей — собственно японские слова, которые в японском языке записывались иероглифами, но читались по-японски⁸. В корейский язык эти слова были заимствованы как лексические единицы, восходящие к китайским корням, и стали читаться в соответствии с корейскими чтениями соответствующих китайских иероглифов. Приведем несколько примеров заимствований из японского языка иероглифической лексики: 수학 [сухак] «математика»; 전기 [чонги] «электричество»; 물질 [мульчиль] «вещество, материя»; 낙서 [наксо] «граффити, надписи на стенах». Говоря о процессе заимствования ханмунной лексики в корейский язык и о факторах, приведших к её нынешнему положению в корейском языке, на наш взгляд, следует выделить следующие моменты. Во-первых, последовательная «китаизация» корейских топонимов, а затем и имён собственных, в том числе и с использованием иероглифов по чтению, привела к созданию фонетических систем записи, которые в свою очередь в силу своей ограниченности в плане фиксации корейского языка привели к созданию корейской азбуки, что явилось положительным фактором в развитии корейского языка в целом. Во-вторых, морфологические и семантические особенности сино-корейских слов, прежде всего возможность речевой экономии и семантическая точность, привели к тому, что на протяжении периода с XV по XIX век сино-корейские лексемы последовательно полностью либо частично вытесняли собственно корейские слова, идентичные по значению, но более многосложные. В-третьих, наряду с этим процессом в силу психологического фактора — традиционного предпочтения сино-корейских лексем собственно корейским — ряд собственно корейских слов стали записывать иероглифами, подходящими по чтению и до некоторой

⁸ В японском языке два типа чтения иероглифов: «онное» (китайское) и «кунное» (исконно японское). В данном случае речь идет о кунном, исконно японском чтении.

степени по значению, что также пополнило сино-корейский лексический фонд. Вместе с тем ряд собственно сино-корейских лексем оказался полностью опрошенным и вошел в корейский лексический фонд. В ряде случаев это произошло в силу того, что сино-корейские слова, читавшиеся согласно правилам корейской ассимиляции, стали впоследствии и записываться наперекор правилам морфологической орфографии, т.е. согласно звучанию. Часть подобной лексики была взята из *байхуа*, поэтому изначально заимствовалась только как фонетическая оболочка, поскольку не могла быть записана иероглифами. Это связано с тем, что уже сформированные к тому времени корейские чтения иероглифов, основанные на тех чтениях, которые были заимствованы из *вэньяня*, полностью не совпадали с соответствующими китайскими чтениями. В-четвёртых, в результате языковой политики Японии в Корею в период колонизации последняя часть ханмунной лексики, уже ассимилированной корейским языком, была частично вытеснена вновь заимствованными сино-японскими словами, в результате чего часть собственно корейских слов перешла в разряд устаревших, а часть продолжает употребляться, однако в другом значении.

Таким образом, история заимствования и развития иероглифической лексики в корейском языке, в целом, сопряжена с тремя основными этапами эволюции корейской культуры, проходившей в тесном взаимодействии с соседними культурами: проникновение китайской культуры (с середины III века по вторую половину XIX века); проникновение японской культуры (со второй половины XIX века по 1945 год); возрождение собственно корейской культуры (с 1945 года до настоящего времени). Неравномерность процесса заимствования, а также разный объём лексики, заимствованный из *вэньяня*, *байхуа* и японского языка, привело к тому, что в различных слоях лексики наблюдается преобладание различных генеалогических типов сино-корейских лексем. В корейском языке существуют собственно корейские иероглифы, которые были созданы в Корею в соответствии с конкретными потребностями путём соединения уже существующих иероглифов и присвоения созданному иероглифу нового значения. В корейском языке существуют слова, образованные по отличающимся от китайского (в некоторых случаях и японского) языка словообразовательным моделям.

В современном корейском языке многие слова, заимствованные из китайского языка, используются в значении, отличном от значения этих слов в современном китайском языке. Это связано с тем, что многие подобные лексемы продолжают функционировать в корейском языке в том же значении, в котором они были заимствованы из древних китайских письменных источников, тогда как

значение этих же слов в китайском языке претерпело существенную эволюцию. Кроме того, многие из таких слов в современном китайском языке либо не используются вообще, либо воспринимаются как иностранные слова. Таким образом, подводя итог вышесказанному, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, несмотря на то, что исторически процесс заимствования лексики из китайского языка был более длительным, в результате кореизации части лексики китайского корня, заимствованной собственно из китайского языка, в настоящий момент лексика, заимствованная из японского языка в сравнительно недолгий временной период, занимает доминирующее положение в корейском языке. В частности, лексика иероглифического происхождения повседневной сферы общая для японского и корейского языков в настоящий момент составляет 75% [И Михянь, 1999, с. 411]. Во-вторых, несмотря на создание в Корее собственно корейских иероглифов, а также собственно корейских лексем, как с применением собственно корейских иероглифов, так и без таковых, доля последней в современной лексике незначительна, а сферы её употребления ограничены. В-третьих, на протяжении всего периода развития подобная лексика подвергалась влиянию словообразовательных моделей и лексики языков соседних государств, что в ряде случаев привело либо к частичному, либо к полному вытеснению как собственно корейских лексем китайского корня, так и слов китайского происхождения более раннего периода заимствования.

Исконно корейская лексика — это самый древний слой лексики корейского языка, который сформировался задолго до того, как устный язык получил письменное выражение. Исконно корейские лексические единицы функционируют в строительной терминологии, однако часто носят характер квазитерминов, полутерминов или терминоподобных элементов. Часто такие единицы имеют эквиваленты из числа сино-корейских терминов.

Приведём несколько примеров из числа исконно-корейских терминов сферы строительства: *말뚝* [мальтук] «свая», *우물* [умуль] «скважина, колодец», *긋이* [кыси] «маркировка», *길이* [кири] «длина», *바탕* [патханъ] «основание», *깊은보* [кипхынбо] «балка», *나사* [наса] «винт», *꺽대* [ккюльдэ] «вагонка», *꼬임* [ккоим] «кладка», *이음* [иым] «соединение, сросток», *다짐* [таджим] «уплотнение», *꺽쇠* [ккокксве] «зажим», «плинтус». Таким образом, можно предположить, что слова исконно-корейского лексического фонда обозначают очень древние строительные понятия, которые существовали и которыми пользовались в Корее до влияния китайской и японской культуры.

Следует отметить, что в терминологических предикативных словосочетаниях глагол часто бывает исконно корейского происхождения, и, не являясь термином сам по себе, в устойчивом сочетании он приобретает терминологическую функцию, так как всё словосочетание воспринимается как терминологическая единица. Пр.: **포이다** [ккоида] «класть, делать кладку», **다지다** [таджида] «утрамбовывать, уплотнять», **잇다** [итта] «соединять, скреплять», **쥼다** [ккоккта] «зажимать».

Идея реформирования родного языка в направлении уменьшения доли сино-корейских слов путём замены их исконно корейскими возникла у корейских лингвистов в 30-е годы XX в., под влиянием подъема национально-патриотической идеологии [Дмириева, 2002, с. 40].

Благодаря активному сотрудничеству Южной Кореи с другими (особенно англоговорящими) странами, несмотря на постоянные тенденции к очищению языка, фонетическое заимствование является одним из продуктивных способов пополнения лексики и терминологии.

Активизация международных контактов потребовала особого внимания к значительным пластам специальной лексики. Это стало существенным основанием для развития тенденции к интернационализации терминов во многих языках, не только в русском и корейском. Для любой группы терминов, особенно строительных, интернационализация понятий естественна и необходима, так как она помогает межотраслевым и межгосударственным контактам в сфере строительства. Чем теснее межкультурное общение, тем больше возникает причин для языкового заимствования, ибо именно лексика наиболее чутко реагирует на различные внешние влияния. Единство и унификация профессиональной терминологии в угоду эффективного общения специалистов некой области знания становятся важной причиной, влияющей на процесс появления фонетически адаптированных терминов. Причём, зачастую наблюдается тенденция, чем более узкоспециальным является термин, тем больше вероятности появления в нем иноязычных (фонетически заимствованных) элементов.

Термины, заимствованные из английского языка, составляют значительный процент современных терминосистем большинства языков, а сам процесс заимствования характерен не только для общелитературного языка, но и тем более для терминологических подсистем. Большинство фонетических заимствований до сих пор являются неологизмами (несмотря на то, что включены в словари). В условиях постоянно пополняющихся терминологий, всегда остается неясным, станет ли термин частью языка или останется лишь

в сфере фиксации или уйдёт на периферию языка и станет частью профессионального жаргонизма.

Одной из универсальных причин заимствований является необходимость в обозначении новых предметов, понятий и явлений. Заимствованные слова не только заполняют «свободные ниши» в языке, но и вытесняют иногда устоявшиеся или устаревшие лексические единицы. Такой процесс пополнения лексического фонда для обозначения понятий, отсутствующих в когнитивной базе языка-рецептора был свойственен и большинству европейских языков. Это даёт основания рассматривать терминологию как своеобразный «барометр» языковой эволюции, поскольку в ней отражается социальная значимость тех или иных новшеств. Сама эволюция языка может быть представлена через освоение и развитие терминологических систем [Костикова, 2015, с. 114–115].

Наличие заимствованной лексики в строительной терминологии объясняется, прежде всего, международным характером самой деятельности страны. Чем больше вовлечена та или иная сфера деятельности в международное сотрудничество, тем более открыта лексика и терминология этой сферы иноязычным инновациям.

В некоторых российских работах по терминоведению встречается различное понимание термина «заимствование». Иногда под заимствованием понимается процесс терминологизации слов общелитературного языка или заимствование из профессиональных сфер. Такой вид заимствования называют «внутренним» [Суперанская, 1989, с. 196]. В данной работе рассматриваются «внешние заимствования», в частности фонетические заимствования из не-ироглифических языков — верэо (외래어).

Что касается основных причин фонетического заимствования, следует выделить причины неязыковые и собственно языковые. К языковым причинам относят: 1) отсутствие в родном языке эквивалентного слова для выражения нового понятия; 2) тенденция к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота; 3) семантическая загруженность слов родного языка; 4) хорошо выраженная способность к терминообразованию заимствованного слова в соединении с элементами родного языка [Гринев 1982, с. 112]; 5) стремление носителей языка пополнить, углубить и расширить представление о предмете, детализировать понятие признака посредством разграничения смысловых и функциональных оттенков; 6) низкая частотность употребления исконных терминов, стремление избавиться от омонимов, потребность приобрести синонимы.

К неязыковым (так называемым экстралингвистическим) причинам относят: 1) заимствование понятия из языка, где оно впервые

возникло; 2) культурное влияние одного языка на другой; 3) авторитетность языка-источника; 4) упрощение профессионального международного контакта; 5) наличие устных или письменных контактов; 6) повышение интереса к изучению того или иного языка; 7) исторически обусловленное увлечение определенных социальных слоев культурой чужой страны [Гринев, 1982, с. 112].

Итак, фонетическая адаптация — это заимствование иностранного слова в схожей с языком-источником фонетической и семантической форме. Заимствование иностранных слов не является механическим переносом отдельных слов из одного языка в другой. Это процесс органического усвоения новых лексем и семантического приспособления к системе словарного состава языка. Судьба заимствованных слов находится в прямой зависимости от хода процесса адаптации и от того, насколько введение новых слов оправдано потребностью восприятия новых значений и смысловых оттенков. Из числа фонетически адаптированных заимствований можно выделить подгруппу так называемых «вынужденных заимствований», одной из частей которых являются имена или создатели теорий, индексов или узкоспециальные строительные термины, описательный перевод которых только усложнит процесс коммуникации между специалистами.

Все иноязычные понятия переживают процесс адаптации в заимствующем языке и в терминологической системе экономики. Адаптация иноязычных слов является вопросом времени. В процессе адаптации заимствований выделяются два вида ассимиляции: формальная и функциональная. В свою очередь формальная ассимиляция подразумевает фонетическую, графическую и грамматическую адаптацию.

При прямом заимствовании термин на первой стадии претерпевает графические, фонетические, грамматические изменения, но ассимиляция заканчивается лишь тогда, когда он становится частью лексической системы языка, пройдя функциональную адаптацию. Поэтому наряду с формальными признаками выделяют функциональные изменения в принимающем языке, которые проходят заимствование. Лексико-семантическая ассимиляция включает в себя признание заимствованного термина и его регулярное использование, сочетаемость с исконными словами, а также словообразовательными и словоизменительными морфемами.

Иллюстративным примером прохождения всех уровней формальной и функциональной адаптации являются гибридные термины: *가볼트* [каболтхы] «сборочный болт», *고사이클피로* [ко-саикхыльпхиро] «многоцикловая усталостная прочность», *구조용경량콘크리트* [куджоёнъ-кйонънянь-кхонкхритхы] «легкий конструкционный

бетон», 금속아크용접 [кымсок-акхыёнъджоп] «дуговая сварка металлическим электродом», 기성콘크리트포장 [кисонъ-кхонкхритхы-пходжанъ] «бетонное защитное покрытие», 돔형셀 [том-хёнъ-сель] «купольная оболочка».

Расширение словарного запаса за счет интернациональных терминов способствует эффективному и наиболее быстрому процессу международного обмена информацией. Приведем примеры фонетических заимствований в строительной терминологии корейского языка, которые прочно вошли в состав строительной терминологии: bolt — 볼트 [польтхы] «болт, болтовой», joint — 조인트 [джоинтхы] «соединение», concrete — 콘크리트 [кхонкхритхы] «бетон», valve — 밸브 [пэльбы] «клапан, затвор», pump — 뱀프 [ппомпхы] «насос, помпа».

Интернациональная лексика примыкает к заимствованной и имеет с ней много общего. Однако эти лексические группы отождествлять нельзя. Общность интернациональной терминологии и заимствованной лексики проявляется в том, что интернационализмы в своем большинстве являются заимствованиями и поэтому и те и другие подвергаются процессу ассимиляции. Чаще всего круг интернациональных терминов уже круга заимствованной лексики. Интернационализмы становятся лишь относительно сходными друг с другом. В каждом из языков они приобретают национальное своеобразие и специфику. Примеры интернационализмов: panel — 패널 [пхэноль] «панель, щит», system — 시스템 [сисытхэм] — «система», cement — 시멘트 [симэнтхы] «цемент», cylinder — 실린더 [силлиндо] «цилиндр», energy — 에너지 [эноджи] «энергия».

Генетический анализ южнокорейской строительной терминологии демонстрирует, что термины, как и слова общелитературного языка можно подразделить на три группы: исконно корейские, синокорейские (ханмунные) и фонетически адаптированные заимствования, особенностью строительной терминологии, которая формировалась динамично и хаотично, является множество гибридных терминов.

Сино-корейские единицы (морфемы, лексемы) составляют основу терминологии по причине подвижности и вариативности иероглифической семантики, высокой сочетаемости иероглифов друг с другом (агглютинация), в связи с аналитическим характером форм (образование сложных терминов). К основным причинам фонетического заимствования терминов можно отнести: стремление специалистов к упрощению международного контакта; предпочтение кратких заимствований описательным оборотам родного языка. Учитывая такой критерий оценки термина, как интернациональ-

ность (ср. интернационализмы), можно сделать вывод, что это не столько свойство термина, сколько объективная тенденция, к которой он стремится вследствие развития мировой науки.

Несмотря на то, что строительство в Корее велось испокон веков, и существовали слова, описывающие предметы, орудия труда, процесс и пр., терминология начала формироваться и унифицироваться только в XX веке. Храмовое и дворцовое строительство, осуществлявшееся в Корее предположительно со времён проникновения буддизма и конфуцианства, а соответственно и иероглифического письма, с VIII в. и использовало терминологию китайских царств, соответственно опиралось на иероглифические лексемы. «Народное» строительство велось с начала эры, однако письменно терминология не фиксировалась, поэтому число исконно корейских терминов составляет минимум, приближающийся к погрешности (1%). С культурной революцией Мейдзи в Японии в 1860 г. в Японии начались перемены и реформы, а с ними и адаптация к японской жизни элементов западной культуры и цивилизации, японцы первыми освоили западноевропейскую архитектуру из стран Дальнего Востока и уже в начале XX в., когда Корея стала японской колонией и стала строить здания по западному образцу в Корее, лексикон и строительная терминология пополнились ханмунными словами японского происхождения. С реформами года Кабо в конце XIX в. Корея ввела смешанное письмо, государство открылось для контактов с иностранцами, начались торговля и приток иностранцев, однако полномасштабное влияние американской культуры и языка на корейский язык началось после освобождения страны от колониализма в 1945 году, а точнее после Корейской войны 1950–1953 гг., когда Корея, с помощью иностранных специалистов, начала восстанавливаться от послевоенной разрухи. Период 60–80-х гг. ознаменовался реформами президента Пак Чонхи, когда корейские строительные компании стали выходить на международный рынок, особенно массово началось строительство в Арабских Эмиратах и других странах Ближнего Востока.

В настоящий момент Южная Корея является лидером в строительстве автомагистралей, небоскребов, где используются самые современные технологии. Таким образом, терминология, как и сфера строительства, не стоит на месте, она пополняется новыми терминами, какие-то термины переходят в класс устаревающих, какие-то остаются в числе неологизмов и профессиональных жаргонизмов и не остаются в общелитературном языке. Ведется активная работа лингвистов по упорядочению и унификации строительной терминологии.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Garbovskij, N.K.* Teorija perevoda [Theory of Translation]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2004, 554 p. (in Russian).
- Гринеv С.В.* Терминологические заимствования // Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982. С. 108–135.
- Grinev, S.V.* Terminologiĉeskie zaимstvovaniya [Loan Words in Terminology], *Voprosy zaимstvovaniya i uporyadoĉeniya inoyazyĉnyh terminov i terminoelementov*, Moscow, 1982, P. 108–135.
- Гринеv С.В.* Учёт особенностей развития терминологии в образовании и заимствовании новых терминов // Проблемы разработки и упорядочения терминологии в академиях наук союзных республик. М.: Наука, 1983. С. 133–142.
- Grinev, S.V.* Uĉet osobennostej razvitija terminologii v obrazovanii i zaимstvovanii novih terminov [Accounting the Features of Terminology Development in Formation and New Terms' Borrowings], *Problemy razrabotki i uporyadoĉeniya terminologii v akademijah nauk sojuznih respublik*. Moscow: Nauka, 1983, P. 133–142.
- Дмитриева В.Н.* О проблемах развития литературного корейского языка // Филологические науки МГИМО. № 10. М., 2002. С. 25–32.
- Dmitrieva, V.N.* O problemah razvitija literaturnogo korejskogo jazyka [The Problems of Korean Literary Language Development], *Filologiĉeskie nauki v MGIMO № 10*, Moscow, 2002, P. 25–32.
- Концевич Л.П.* Корееведение. Избранные работы. М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001. 640 с.
- Konceviĉ, L.R.* Koreevedenie. Izbrannye ravoti [Korean Studies. Selected works], Moscow: ID "Muravei-gaid", 2001, 640 p.
- Костикова О.И.* Tantumscimus, quantumtraducimus // Перевод как средство обогащения мировой культуры. Материалы международной научной конференции 21–24 ноября 2015 г.: электронное издание. М.: ООО «Издательство Форум», 2015. С. 113–122.
- Kostikova, O.I.* Tantum scimus, quantum traducimus. Pervod kak sredstvo obogaŝeniya mirovoj kultuty. Materialy meždunarodnoj nauĉnoj konferencii 21–24 november 2015 [Translation as a Means of Interactions among Cultures. Proc. Int. Conf. 21–24 November 2015]. Moscow: Forum, 2015. P. 113–122, available at <http://esti.msu.ru/pages/science/conf-materials/>
- Ли Иксон, Ли Санок, Чхэ Ван.* Корейский язык. М.: РОО «Первое марта», 2005. 484 с.
- Li Iksop, Li Sanok, Chae Van.* Koreiskiy yazik [Korean language], Moscow: Pervoe marta, 2005, 484 p.
- Пакулова Я.Е.* Особенности сино-корейской лексики, заимствованной в различные исторические периоды // Вестник Московского государственного лингвистического университета № 551. Языкознание. Страны востока: язык, культура, литература. М., 2009. С. 154–165.

- Pakulova, Y.E.* Osobennosti-sino-korejskoj leksiki, zaimstvovannoj v razlichnye istoričeskie periody [Features of the Sino-Korean Vocabulary Borrowed from Various Historical Periods]. *Vestnik Moscovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta № 551. Yazikoznanie. Strany vostoka: jazyk, kultura, literatura*, Moscow, 2009. P. 154–165.
- Похолкова Е.А.* Современная экономическая терминология в Республике Корея — лингвистический анализ: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 231 с.
- Poholkova, E.A.* Sovremennaja èkonomičeskaja terminologija v Respublike Koreja — lingvističeskij analiz [Modern Economic Terminology in the Republic of Korea — the Linguistic Analysis]. Diss. ... kand. filol. nauk, Moscow, 2007, 231 p.
- Скорбатюк И.Д.* Тенденции развития лексики корейского литературного языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1975. 24 с.
- Skorbatuk, I.D.* Tendentsii razvitiya leksiki koreiskogo literaturnogo yazika [Trends in Korean Literary language vocabulary development], Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk, Moscow, 1975, 24 p.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: Вопросы теории. М.: Наука, 1989. С. 246.
- Superanskaja A.V., Podolskaja N.V., Vasil'eva N.V.* Obščaja terminologija: Voprosy teorii [Common Terminology: Questions of Theory], Moskva: Nauka, 1989, 246 p.
- Холодович А.А.* Очерк грамматики корейского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1954. С. 320.
- Holodovič, A.A.* Očerok grammatiki korejskogo jazika [Essay grammar of the Korean language], Moskva, Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazikah, Moscow, 1954, 320 p.
- Sohn Ho-min.* The Korean Language, Cambridge, Cambridge University Press, 1999, 445 p.
- 이미향. 한-중-일어휘비교를 통한 한국 한자어의 특성 고찰, 언어과학연구, 서울, 1999. P. 403–425.
- Yi Mihyang.* Han-jung-il eohwi bigyoreul tonghan hanguk hanjjaeoui teukseong gochal. Eoneohak-yeongu (Overview of Hieroglyphic lexis in Korean Language by Comparing the Vocabulary of Chinese, Korean and Japanese Languages), Onokvahakëngu, Seoul, 1999. P. 403–425.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Н.К. Гарбовский

доктор филологических наук, профессор, директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: garok1946@mail.ru

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА И РАЗВИТИИ ЭФФЕКТИВНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

26 февраля 2016 в Петербурге состоялся круглый стол на тему: «Роль современных информационных технологий в повышении качества перевода и развитии эффективных коммуникаций», организованный в Президентской библиотеке имени Б.Н. Ельцина по инициативе и при непосредственном участии Президентской библиотеки и Главного научно-исследовательского вычислительного центра Управления делами Президента РФ, — важное событие в жизни российского профессионального и академического переводческого сообщества. Оно является свидетельством того, что государственная власть стала более пристально смотреть на отрасль, от успешности которой зависит не только взаимопонимание в условиях межъязыковой коммуникации, но и имидж нашей страны в сознании людей ближнего и дальнего зарубежья.

Принять участие в работе круглого стола были приглашены директор Высшей школы перевода МГУ имени М. В. Ломоносова профессор Н.К. Гарбовский и заместитель директора по научной работе доцент О.И. Костикова.

Во вступительном слове директор Президентской библиотеки А.П. Вершинин отметил необходимость применения информационных технологий для решения прикладных задач перевода актуальных текстов и совершенствования обучающих методик при подготовке переводчиков.

Директор Главного научно-исследовательского вычислительного центра Управления делами Президента РФ А.А. Максимов подчеркнул, что новые требования к точности и качеству перевода обусловлены развитием информационного общества.

Первым среди вопросов, обсуждавшихся в ходе круглого стола, был вопрос о подготовке кадров профессиональных переводчиков в условиях информационного общества как о необходимом условии повышения качества перевода. Своими представлениями

о современных подходах к подготовке переводчиков поделились директор Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Н.К. Гарбовский и директор Санкт-Петербургской высшей школы перевода РГПУ им. А.И. Герцена И.С. Алексеева.

Было отмечено, что переводчики — носители, пропагандисты и распространители образцового русского языка — должны непрерывно самосовершенствоваться, держать себя в форме, иметь высокую самоорганизацию. Переводчик — это не только профессионал, владеющий соответствующей техникой, но и особый тип личности.

Большое внимание в ходе обсуждения было уделено машинному переводу. Участники круглого стола отметили, что машинный перевод и информационные технологии обеспечивают значительную продуктивность перевода, однако приемлемое качество достигается лишь в результате диалога машины и специально подготовленного переводчика-редактора.

В рамках круглого стола были рассмотрены также вопросы, касающиеся переводов российской литературы, юридических, научных текстов, туристических материалов на иностранные языки.

В обсуждении вопросов развития переводческой отрасли в режиме видеоконференции приняли участие представители МИД РФ, ведущих вузов Москвы, Сибирского федерального университета (Красноярск), Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), Резервного центра науки и культуры в Ереване (Армения), Бишкеке (Киргизия), Минске (Белоруссия), Риме (Италия), Вьентьяне (Лаос).

В ходе круглого стола было отмечено, что переводчики играют важнейшую роль в формировании имиджа России в общественном сознании народов зарубежных стран. Поэтому поддержка переводческой отрасли и контроль качества — насущная государственная задача.

Новые информационные технологии занимают сегодня серьёзное место в производственном процессе по переводу и в подготовке переводчиков. Возникает ряд новых вопросов, решение которых необходимо для нахождения оптимальных способов взаимодействия человека с автоматизированными системами как в процессе обучения, так и непосредственно в производственной переводческой деятельности.

Современный период в мировой истории перевода можно на полном основании определить как новый поворотный момент, новый исторический рубеж, подобный тому, какой произошёл около пятисот лет тому назад с изобретением печатного станка.

Главная социальная функция переводческой деятельности заключается в обеспечении членов общества информацией, необходимой для его жизнедеятельности и получить которую иным способом не представляется возможным.

Информация же фиксируется, хранится и передаётся на определённых носителях.

Именно смена носителей информации может расцениваться как переход к новому этапу в истории переводческих технологий. «Следует иметь в виду, — отмечает О.И. Костикова, что использование того или иного канала существенно влияет на все аспекты переводческой деятельности, на технологию и стратегию перевода»¹.

Сегодня оказывается возможным очертить круг основных вопросов, решение которых могло бы способствовать развитию переводческой отрасли.

Первое, — это подготовка нового поколения переводчиков, или, точнее переводчиков нового поколения. Именно от того, какими компетенциями будут обладать переводчики, приходящие на смену нынешнему поколению, зависит качество перевода.

Второе, — это установление действительно эффективного диалога «человек — машина», в котором у каждого своя чётко понимаемая роль.

И, наконец, третье — это контроль и самоконтроль качества перевода, основанные на понятных и насколько возможно объективных критериях.

Данные три направления оказываются в современный период приоритетными в и научных исследованиях переводческой деятельности.

Технологическая революция в очередной раз вносит новые элементы в структуру переводческой деятельности. Информационные технологии повлияли как на процесс восприятия и понимания исходного сообщения, подлежащего переводу, так и на процесс создания текста перевода на другом языке, для людей иной культуры.

С изменением технологии процесса перевода меняется и характер взаимоотношений между участниками этого процесса, уточняются требования к результатам труда переводчиков.

Всё это ставит новые задачи перед учебными заведениями, обеспечивающими подготовку профессиональных переводчиков. Вечные, традиционные, вопросы дидактики о содержании и технологиях обучения постоянно требуют новых, уточняющих, ответов. Разумеется, практика обучения ставит перед дидактикой множество и других вопросов, ответы на которые весьма неоднозначны.

¹ Костикова О.И. История перевода и переводческих учений // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 2. С. 18.

Педагогические дискуссии, развернувшиеся в российском обществе в последнее десятилетие в связи с реформой образования и разработкой новых образовательных стандартов, предполагающих новые подходы к обучению, выявили множественность точек зрения на пути решения самых разнообразных вопросов теории и практики обучения. В том числе и традиционных, классических, вопросов о содержании образования (чему учить?), и об образовательных технологиях (как учить?), приемлемых в современном глобальном образовательном пространстве, опутанном информационными сетями. Достаточно ли эффективна традиционная национальная система образования? Что может привнести в неё заимствование образовательных моделей других стран и народов? Насколько применимы эти модели в национальном образовательном пространстве, сформированном на основе образовательных традиций, национальной истории и особенностей менталитета? Каково место науки в образовательных системах разных форм и уровней? Чем помогают и чем мешают в обучении Интернет и иные новейшие информационные технологии?

Среди множества новых вызовов, наиболее значимыми для отечественной системы подготовки переводчиков, оказываются такие, как активизация общего уровня развития будущих переводчиков, индивидуализация и дифференциация обучения. Изменяются требования к общеобразовательному и общекультурному уровню будущих переводчиков. Переводчик сегодня — это личность, способная оперировать в своей профессиональной деятельности огромными потоками информации. Идеалистическая фигура переводчика-энциклопедиста уходит в прошлое.

В современном мире объём информации, с которой может столкнуться переводчик в ходе выполнения своей посреднической миссии, огромен. Ни одна школа, ни одна образовательная программа не в силах вложить в голову переводчика все гипотетически необходимые ему знания. И ни одна голова переводчика не способна удержать все знания, которые могут оказаться полезными в практической работе. Известное каждому педагогу изречение древнего философа о том, что ученик — не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь, в подготовке переводчиков приобретает особое звучание.

Однако образовательные модели, в которых во главу угла ставится овладение будущими переводчиками максимально большим числом специальных терминов, неохотно уступают место моделям, позволяющим формировать профессиональные, собственно переводческие, компетенции. В последнем случае обучение не ограничивается какой-либо понятийно-терминологической сферой

пусть даже в очень востребованных и сложных областях знаний, таких, как право, экономика, мировая политика и пр. Некоторые, причём весьма распространённые, модели обучения переводчиков, продолжают движение именно в сторону «терминологического наполнения сосуда». Ярким примером тому являются экзамены на определение профессиональной пригодности на замещение должностей письменных переводчиков в лингвистических структурах Организации Объединённых Наций, в ходе которых кандидаты не имеют возможности обратиться в случае затруднений не только к паутине Интернета, но даже к словарям.

Одной из причин недостаточной эффективности системы подготовки переводчиков оказывается, на мой взгляд, распространённое в общественном мнении заблуждение о простоте и общедоступности переводческой деятельности. Естественный или благоприобретённый билингвизм традиционно считается чуть ли единственным условием, необходимым для успешной переводческой деятельности. Человек, владеющий иностранным языком, т.е. билингв по определению, рассматривается как готовый переводчик. Отсюда делается вывод о том, что переводу как некоему особому виду деятельности учить не нужно, следует лишь изучать иностранные языки. Исторически складывалось так, что потребители перевода не слишком задумывались над тем, что имеют дело с переводом как особым видом речевой деятельности, требующим особых компетенций. Некоторые переводчики-практики, достигшие успехов в переводческой деятельности без особого образования, поддерживают эту иллюзию.

Среди главных компетенций переводчика сегодняшнего и завтрашнего дня можно назвать поисковую компетенцию. Будущих переводчиков следует учить ориентированию в мировой информационной паутине, поиску недостающей информации в кратчайшие сроки и по множественным источникам, оценке её достоверности и применимости к конкретному акту перевода.

Цель поисковой деятельности переводчика состоит в необходимости найти недостающие для принятия решения элементы информации самых различных видов.

Сегодня, когда информационные технологии вышли на новый уровень совершенства, компьютер и Интернет — информационная паутина — позволяют отказаться от обращения к тем носителям информации, которыми наиболее часто пользовались переводчики ещё десять-двадцать лет тому назад. Иначе говоря, коренным образом изменились технические операции по поиску информации. Но изменение характера технических операций повлекло за собой и изменение когнитивных основ переводческого информационного

поиска. Переводчик, используя новые инструменты поиска, новые технологии и средства, меняет стратегию и методы поиска.

Поиск информации представляет собой важнейший этап переводческой деятельности, в какой бы форме она ни осуществлялась. Научить будущих переводчиков рациональной организации поисковой деятельности — насущная задача современной системы обучения.

«Диалог» с компьютером в процессе перевода действительно требует формирования и ещё одной важнейшей компетенции современного переводчика — умения «очеловечивать», т.е. редактировать «черновой» текст, переведённый с помощью той или иной программы автоматизированного перевода. Переводчик время от времени прибегает к услугам программ автоматизированного перевода и превращается в редактора, способного понять исходный текст и исправить несуразницы текста, предложенного машиной. «Услуги» компьютера по автоматическому переводу, главным преимуществом которых перед «человеческим» переводом оказывается выигрыш во времени при сравнении таких переменных величин, как *время* и *объём* переводимого материала, ставят множество вопросов. В каком направлении автоматизированный перевод наиболее эффективен: от родного языка к иностранному или, наоборот, — от иностранного языка к родному? В какой языковой комбинации автоматизированный перевод даёт меньше ошибочных вариантов? Что в большей степени приходится редактировать переводчику-редактору: синтаксическую или семантическую структуру высказывания?

Эксперименты, проводимые в этой области студентами и преподавателями Высшей школы перевода Московского университета имени М.В. Ломоносова, дают интересные результаты, которые могут дать ответы на эти вопросы и быть использованы в подготовке переводчиков нового поколения.

О.И. Костикова

доцент, кандидат филологических наук, заместитель директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: garok@list.ru

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАВНОПРАВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЧЕРЕЗ МЕЖКУЛЬТУРНУЮ КОММУНИКАЦИЮ:
РОЛЬ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР**

14–15 января 2016 г. во Дворце Наций ООН в Женеве прошёл XIII Международный научный форум, организованный Постоянным международным советом университетских институтов подготовки устных и письменных переводчиков (CIUTI) на тему «Обеспечение равноправного образования через межкультурную коммуникацию: роль негосударственных структур» (Equitable education through intercultural communication: role and responsibility for non-stateactors) [<http://www.ciuti.org/events/detail/ciuti-forum-2016>].

Постоянный международный совет университетских институтов подготовки переводчиков — CIUTI занимает особое место среди профессиональных организаций, действующих в области подготовки письменных и устных переводчиков. Созданная в 1960 г. для распространения передового опыта в области переводческой практики, научных исследований в сфере перевода и подготовки переводчиков, эта международная сеть в отличие от двух других международных организаций, созданных в тот же период (AICS, FIT и др.), объединяет представителей университетских школ перевода. Сегодня это единственная престижная международная организация, объединяющая представителей университетских структур подготовки переводчиков по всему миру.

Сознавая необходимость, востребованность и перспективы разносторонних контактов, CIUTI взаимодействует с представителями различных сфер общественной жизни путём установления партнёрских связей и сотрудничества в ряде областей, связанных с подготовкой переводчиков и научными исследованиями в области перевода. Являясь профессиональной сетью, CIUTI обеспечивает регулярные контакты и между учебными заведениями, осуществляющими подготовку переводчиков.

Многомерная сетевая деятельность CIUTI активизируется, в частности, благодаря ежегодному форуму, который стал заметной площадкой для встреч и обмена опытом всех заинтересованных сторон. Несмотря на то, что организация подобных мероприятий требует значительных затрат времени, людских и финансовых ресурсов,

именно здесь решается основная задача актуального как никогда сетевого взаимодействия [См. Гарбовский, Костикова, 2015, с. 3–8]. О какой бы сети ни шла речь, социальной либо профессиональной, её основной задачей — установление и поддержание эффективных контактов между участниками сетевого взаимодействия. Форум CIUTI предоставляет возможность непосредственного контакта между участниками, что особенно важно в условиях глобализации образовательной системы и рынка переводческих услуг.

Форум 2016 проходил под эгидой Генерального секретаря по вопросам образования науки и инноваций Швейцарии Мауро Дель’Амброджио. Открыли мероприятие почётный президент CIUTI профессор Женевского университета Ханнелора Ли-Янке и генеральный директор ООН в Женеве Майкл Моллер.

В работе форума приняли участие организаторы переводческой деятельности в институтах и органах власти Европейского союза (генеральный директор Управления письменного перевода Еврокомиссии Ритис Мартиконис, директор Управления письменного перевода Европарламента Вальтер Маврич, директор Управления устного перевода и обслуживания конференций Европарламента Хуан Карлос Хименез Марин, Директор Управления устного перевода Суда Европейского союза Патрик Твидл), крупных компаний (SwissPost, Hewlett-Packard, TAIDEN Industrial Co.) а также президенты международных объединений переводчиков (АПС, FIT-IFT), руководители отделов подготовки и переподготовки кадров крупных национальных и транснациональных переводческих компаний (CLS, Transline Gruppe GmbH и др.), неправительственных организаций, ректоры университетов, деканы факультетов, профессора и преподаватели устного и письменного перевода, переводчики и известные учёные и молодые исследователи из более 20 стран мира.

Российская Федерация была представлена делегацией преподавателей и студентов Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета, подписавшей с ООН меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в деле подготовки переводчиков для этой организации, руководством Московского государственного лингвистического университета — одного из старейших вузов страны, осуществляющих подготовку письменных и устных переводчиков, а также Астраханским государственным университетом, обеспечивающим лингвистическую поддержку работы Шанхайской организации сотрудничества.

Первое заседание после открытия форума было посвящено главным образом общим вопросам сотрудничества и взаимодействия между работодателями, правительственными органами и образовательными учреждениями в деле подготовки переводческих кадров

в новых политических и экономических условиях. На последующих заседаниях обсуждались такие вопросы, как вызовы, встающие перед современным образовательным сообществом на макро- и микроуровнях и возможности их преодоления, в том числе через внедрение инновационных методов, развитие новых областей переводческой деятельности и как следствие — новых областей подготовки переводчиков, развитие научных исследований в эпоху экономных инноваций и другие.

Особого внимания заслуживает междисциплинарный размах форума. Помимо специалистов в области теории, методологии и дидактики перевода университетов мира, а также представителей элиты профессионального сообщества, в конференции приняли участие учёные, занимающиеся научными разработками в смежных областях: нейрофизиологии, медицине, психологии и... астрофизике. Анализ мозговой деятельности билингвов, влияние массовых открытых онлайн-курсов на распространение знаний, проблема взаимоотношений врач — пациент в поликультурном и многоязычном социуме — эти и другие вопросы вызвали живой интерес у участников форума.

Выступление делегации Высшей школы перевода Московского университета было посвящено вопросам подготовки, переподготовки и повышения квалификации преподавателей перевода, осуществляемых в рамках исследований по теме «Дидактика переводческой деятельности». Тема «Дидактика переводческой деятельности» предложена для разработки стратегической группой Постоянного международного совета университетских переводческих институтов (СИУПИ), с целью построения и последующего внедрения в педагогическую практику наиболее эффективной модели обучения устному и письменному переводу на факультетах, в высших школах и институтах перевода университетов мира с использованием современных информационных и обучающих технологий на основе обобщения международного практического опыта и теоретических разработок. Для разработки темы сформирована международная научная рабочая группа в составе профессоров МГУ имени М.В. Ломоносова, Женевского университета (Швейцария), университета Майнца (Германия) и др. Координация и руководство проекта возложено на Высшую школу перевода МГУ имени М.В. Ломоносова (профессор Гарбовский Н.К., доцент Костикова О.И.). Рабочая группа осуществляет проведение международных обучающих семинаров в Высшей школе перевода МГУ имени М.В. Ломоносова, публикацию научных материалов в рецензируемых журналах, выступления на международных научных форумах с докладами по результатам своей деятельности.

В докладе, в частности, была представлена концепция двухмодульного инновационного курса повышения квалификации «Дидактика перевода» и результатов его внедрения в образовательный процесс. Программа курса предназначена для повышения квалификации преподавателей вузов, желающих совершенствовать свои методические навыки преподавания перевода, углубить знания теории и методологии перевода, ознакомиться с новыми направлениями дидактики перевода и новейшими образовательными технологиями в этой области. Задачи курса научиться внедрять достижения когнитивных наук в разработку методологии перевода, эффективно использовать технические и педагогические средства в дидактике перевода, организовывать и строить учебный курс, разрабатывать и обсуждать индивидуальные проекты. В курсе активно используются когнитивные методы обучения, предполагающие развитие всей совокупности умственных способностей и стратегий, делающих возможным процесс обучения и адаптации к новым ситуациям. Основной акцент делается на таких методах организации обучения, как метод рефлексии, метод взаимного обучения, метод самооценки и метод проектов. Курс проходил апробацию в течение четырёх лет (2012–2016 гг.). За это время обучение прошли 57 слушателей из 10 стран: практикующие переводчики с разным стажем, работающие в самых разных областях, преподаватели перевода, преподаватели иностранных языков и специалисты, чья деятельность никогда не была связана с переводом. Таким образом, идея равноправного и доступного всем образования, осуществляемого на основе межкультурной коммуникации, получает реальное воплощение и оказывается вполне продуктивной.

Прошедший форум ещё раз показал, что многомерность сетевого взаимодействия делает CIUTI уникальной площадкой для реализации множества международных проектов, которые направлены на оптимизацию подготовки письменных и устных переводчиков, а также на повышение эффективности научных исследований в области теории, методологии и дидактики перевода в соответствии с требованиями и критериями оценки результатов деятельности, принятыми в профессиональном сообществе. Особенно важными представляются возможности сетевого взаимодействия для подготовки и повышения квалификации преподавателей перевода. В современном геополитическом, экономическом и культурном контексте становятся всё более востребованными не только профессиональные письменные и устные переводчики самых разных языковых комбинаций, но и высококвалифицированные преподаватели перевода.

Необходимость отбора специалистов высокого уровня, способных обеспечивать межъязыковую коммуникацию в международных организациях, крупных компаниях, востребованность программ подготовки переводчиков в вузах, многоуровневая структура высшего образования с внедрением компетентностного подхода, стремление к гармонизации на международном уровне образовательных парадигм, а также эволюция самой профессии, вызванная развитием новых технологий, динамикой геополитических процессов и изменениями в социальной сфере ставят перед современной дидактикой перевода новые задачи. Решение этих задач должно базироваться на принципах обеспечения всеобщего инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни в соответствии с декларацией, подписанной в Инчхоне в 2015 г. [Education 2030, 2015] и получившей одобрение международного образовательного сообщества.

Список литературы

- Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Сетевое взаимодействие в переводческой деятельности // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2015. № 3. С. 3–21.
- Garbovskiy N.K., Kostikova O.I. Setevoe vzaimodeystvie v perevodcheskoy deyatelnosti [Network interaction in translation activity], Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22, Teoriya perevoda, 2015, № 3, P. 3–21.
- Education 2030: Incheon Declaration and Framework for Action Towards inclusive and equitable quality education and lifelong learning for all / UNESCO, 2015. — Режим доступа: <http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/incheon-framework-for-action-en.pdf>
- CIUTI FORUM 2016 Equitable education through intercultural communication: role and responsibility for non-state actors, 14th–15th January 2016 / Conférence Internationale permanente d'Instituts Universitaires de Traducteurs et Interprètes, 2016. — Режим доступа: <https://ru.scribd.com/document/292243352/Final-Program-CIUTI-FORUM-2016>

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10–15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

— необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук или от двух докторов наук;

— текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

— *данные об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, должность, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

— необходима *аннотация* (5–10 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате PDF или JPG;

— *примечания* в виде постраничных сносок. *Библиографические ссылки*: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [ibid., p. 123] для иноязычных источников;

— *список литературы* (TNR 11, слова «Список литературы» — TNR 11, полужирный курсив) сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов (сначала российские авторы и переводные издания, затем зарубежные авторы). Библиографическое описание даётся в следующем порядке: фамилии и инициалы авторов, полное название монографии, место издания, издательство, год издания, страницы; для периодических изданий — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала, год выпуска, том, номер, страницы. Все русскоязычные публикации в списке литературы должны иметь транслитерацию (рекомендуем пользоваться ресурсом <http://www.translit.ru>) и перевод их названий на английский язык. Необходимо выполнить следующие действия: после каждой русскоязычной ссылки строкой ниже набрать фамилии и инициалы авторов на латинице, транслитерацию названия публикации, в квадратных скобках перевод названия на английский язык, транслитерацию выходных данных, в скобках (in Russian). Ссылки на иностранных языках остаются только в оригинальном варианте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты: vestnik22@mail.ru. Тел.: 8 (495) 932 80 72.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и её соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Апри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия);

Балью Кристиан, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия);

Бельский Евгений Викторович, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьещи Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия);

Горшкова Вера Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ ЕАЛИ (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Исолахти Нина Борисовна, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания);

Кольцова Юлия Николаевна, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Ли-Янке Ханелоре, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Марусенко Михаил Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мишкуров Эдуард Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Пан КёЁн, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Форстнер Мартин, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Греция);

Хольцер Питер, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия);

Чайковский Роман Романович, доктор филологических наук, профессор, Северо-Восточный государственный университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD

Garbovskiy, Nikolai K., Editor-in-Chief, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Kostikova, Olga I., Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mozgovaya, Ludmila A., Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Awaiss, Henri, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon); **Alexeeva Irina S.**, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Balliu, Christian**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Belsky, Yevgeniy V.**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Viezzi Maurizio**, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Gorshkova, Vera Ye.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Eurasian Linguistic Institute (Russia); **Yesakova, Maria N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Iso-lahti, Nina B.**, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Quero Gervilla, Enrique F.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain); **Koltsova, Yulia N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Lee-Jahnke, Hannelore**, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Manerko, Larisa A.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Marusenko, Mikhail N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Mironova, Nadezhda N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mishkurov, Edward N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Matasov, Roman A.**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan, Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea); **Torsukov, Yevgeniy G.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Forstner, Martin**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Charatsidis, Elefterios K.**, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Holzer, Peter**, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Khukhuni, Georgiy T.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Tchaikovskiy, Roman R.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), North-Eastern State University (Russia); **Schmitt, Peter A.**, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany).

